Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

На правах рукописи

БАНГОЯН Екатерина Сергеевна

Тематическая группа «Предметы быта» в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты

10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Стародубец Светлана Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор

Брянск – 2020

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ 12
1.1. Соотношение понятий: *диалект / регионолект* 13
1.2. Системные отношения диалектных единиц 19
1.3. История изучения говоров Брянской области 24
1.4. История лексикографической фиксации говоров Брянской области 29
Выводы по первой главе 33
ГЛАВА 2. ТРАДИЦИОННАЯ ЛЕКСИКА ДОМАШНЕГО ОБИХОДА В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ 35
2.1. Наименования предметов для хранения и приготовления жидких продуктов 36
2.1.1. Наименования глиняной посуды 37
2.1.2. Наименования деревянной посуды 44
2.1.4. Наименования ёмкостей из различных материалов 49
2.2. Наименования хозяйственной утвари, предназначенной для домашних животных 52
2.3. Наименования хозяйственной утвари для сбора и кратковременного хранения продуктов 53
2.4. Наименования орудий и приспособлений для выполнения определенных работ 55
2.5. Наименования частей орудий труда. 67
2.6. Наименования тканей и частей ткани 70
2.6.1. Наименования одежды 74
2.6.2. Наименования женской одежды 75
2.6.3. Наименования платков 82
2.6.4. Наименования одежды, которую могли носить и женщины, и мужчины 85
2.6.5. Наименования частей одежды 87
2.7. Наименования украшений 89
2.8. Наименования приспособлений для печи 90
2.9. Российско-белорусско-украинская языковая общность 95
Выводы по второй главе. 113

ГЛАВА 3. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ БЫТА .....
НА ТЕРРИТОРИИ ПОГРАНИЧЬЯ 116
3.1. Символическое значение слова *рушни́к* 117
3.1.1. Контент *рушни́к* в традиционном свадебном обряде 121
3.1.2. Контент *рушни́к* в обряде погребения 128
3.1.3. *Рушни́к* в обряде крещения 132
3.1.4. Контент *рушни́к* как обрядовый дар 135
3.2. Контент *ка́шник* в обряде крещения и свадьбы 138
3.3. Контент *ведро́* и *коромы́сло* в свадебном обряде 140
3.4. Контент *рубаха-сце́льница* в свадебном обряде 143
3.5. Контенты *де́жа/де́жка* и *засло́нка* в повседневной жизни 145
диалектоносителей 145
Выводы по третьей главе 148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 152
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 157
Приложение 1. 192
Приложение 2. 207
Приложение 3. 217
Приложение 4. 223

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование обращено к изучению особенностей тематической группы (ТГ) «Предметы быта» в диалектах юго-западных районов Брянской области (Гордеевский, Злынковский, Климовский, Красногорский, Новозыбковский) в лексико-семантическом, сопоставительном и этнолингвистическом аспектах.

Российско-Белорусско-Украинское пограничье – это регион, очерченный на западе Беларусью, а на юге Украиной, что создает неповторимую этносоциальную ментальность жителей, которая выступает фактором, определяющим современное развитие национальных культур на данной территории.

Важно отметить, что лексика брянских говоров испытала немалое влияние белорусского и украинского языков, прежде всего их пограничных говоров, поэтому государственная граница не совпадает с «границами языков».

Р.А. Григорьева подчёркивает: «Сложное взаимодействие русского, белорусского, украинского, а в некоторых случаях и польского языков, их смешение и интерференция сформировали специфические говоры, которые были распространены в прошлом и в какой-то степени сохраняются в современной жизни по обе стороны границы. Специфическую речь жителей на пограничных территориях отмечали многие исследователи» [Григорьева 2018: 65-66].

Профессор С.Н. Стародубец, проживающая на территории пограничья и много лет изучающая особенности речи носителей диалекта, обращает внимание на культурно-лингвистический феномен региона: «Российско- Белорусско-Украинское пограничье является неоднородным культурно-языковым регионом, специфика которого заключается в том, что на определённой территории продуктивно функционируют эквивалентные

(исторически обусловленное ядро в виде общеславянских языковых фактов, языковые варианты на уровне нормативной общеупотребительной лексики, разговорных, просторечных и диалектных явлений) и интерферентные лингвокультурные явления (в наибольшей степени проявляющиеся в контаминации фонетических, лексических и грамматических черт вследствие взаимовлияния славянских языков)» [Стародубец 2018: 5].

Поскольку этнокультурная составляющая и язык юго-западного региона Брянщины, действительно, представляют собой синкретичный лингвокультурный факт, интерес к народному языку, в частности, в диалектном ракурсе, существовал всегда, о чем свидетельствуют труды ряда исследователей [Березович Е.Л. 2010, 2014; Герд А.С. 2005, 2013; Плотникова А.А. 2004; Расторгуев П.А. 1927, 1973; Толстой Н.И. 1971, 1997; Черных А.В. 2011 и др.].

Отечественная лингвистика в настоящее время располагает большим количеством работ, посвящённых исследованию системности диалектной лексики, в частности, тематических групп и других лексико-семантических объединений (О.И. Блинова, Ю.С. Бушмелева, Л.А. Власова, С.М. Кардашевский, Т.С. Коготкова, В.А. Козырев, В.В. Липина, С.М. Поздеева, И.А. Оссовецкий, Ф.П. Сороколетов, Ф.П. Филин и мн. др.), в т.ч. определению типов отношений лексических единиц (Р.И. Аванесов, О.И. Блинова, Т.И. Вендина, А.С. Герд, Н.А. Красовская и мн. др.). Тем не менее системное описание единиц, номинирующих предметы местного быта юго-запада Брянщины, не проводилось.

Представляется своевременным лексико-семантическое, сопоставительное, с привлечением генетических сведений, изучение тематической группы «Предметы быта», продуктивно функционирующей в диалектах юго-запада Брянской области.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена рядом факторов.

Во-первых, сохраняющимся в XXI веке интересом к русским говорам, так как обращение к народной речи способствует постижению истоков и процессов развития русского национального языка.

Во-вторых, недостаточной изученностью распространенной в юго-западных районах Брянской области диалектной лексики, включающей различные тематические группы (ТГ), в т.ч. тематическую группу «Предметы быта», которая не являлась ранее предметом специального исследования лингвистов, в то время как номинирует предметно-понятийный фонд, фиксирующий традиционный уклад жизни данного региона.

В-третьих, стабильностью интереса к символическому значению лексических единиц, называющих реалии, сопровождающие человека на протяжении всей жизни.

Объектом исследования выступает тематическая группа «Предметы быта» диалектов юго-запада Брянщины, входящих в состав брянских говоров.

Предмет исследования – диалектное слово как единица народного языка, включающая в своё смысловое наполнение культурологические, исторические и этнографические особенности языковой и концептуальной картины мира диалектоносителя юго-западного региона Брянщины, – единица, способная репрезентировать символическое значение в контексте обряда и повседневной жизни.

Цель работы – лексико-семантический анализ наименований предметов быта в брянских диалектах юго-западного региона (Гордеевский, Злынковский, Климовский, Красногорский, Новозыбковский районы) в фокусе материальной и духовной культуры (= этнолингвистический) и в сопоставлении с идентичной лексикой белорусского и украинского литературного языков.

Гипотеза: номинации предметов быта в диалектах юго-запада Брянщины являются фактом этнокультурной категоризации мира; часть диалектизмов смежна с белорусским и украинским национальными языками,

что свидетельствует об исторической и современной общности национальных восточнославянских языков; часть лексических единиц эксплицирует символическое значение в обрядовом тексте или повседневной жизни.

Данная цель предполагает постановку и решение следующих **задач**:

1) собрать и систематизировать лексический материал диалектного характера, номинирующий предметы быта на юго-западных рубежах Брянской области;

2) проанализировать значения номинаций, пользуясь диалектологическими словарями;

3) раскрыть мотивационную базу и значимые компоненты семантики диалектного слова;

4) сопоставить данные номинации с литературными лексическими единицами белорусского и украинского языков, раскрыть их значения, пользуясь белорусско-русскими, а также украинско-русскими словарями, в том числе и этимологическими, чтобы установить лингвогенетическую смежность диалектных единиц с украинским и белорусским литературными языками;

5) установить связь лексического значения диалектной номинации с языковой и концептуальной картиной мира местного населения;

6) определить особенности миропонимания диалектоносителей через закрепленные в народном языке диалектизмы и отношения между тематическими подгруппами лексических единиц.

Материалом для исследования послужили диалектные лексические единицы, составляющие ТГ «Предметы быта» (общим объемом 288 единиц), отобранные методом сплошной выборки из «Брянского областного словаря» (Брянск 2011), а также материалы диалектологической практики студентов филиала БГУ в городе Новозыбкове последних лет.

В отдельных случаях в качестве вспомогательных источников привлекались «Толковый словарь живого великорусского словаря» (Москва

2005); «Словарь русских народных говоров» (1965 – 2016), «Словарь народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева (Минск 1973), «Словарь брянских говоров» под редакцией В.И. Чагишевой, В.А. Козырева (Ленинград 1976 – 1988), Русско-белорусский словарь под редакцией Я. Коласа, К. Крапивы (Минск 1994), Російсько-український словник сталих словосполучень С.И. Головащука (Київ 2001), Російсько-українські словники Н. Марченко, В. Кубайчук, А. Рисін, О. Телемко, О. Оксимовець ([Російсько-українські словники: URL]) и др.

Методы и приёмы исследования включают описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный метод (с привлечением диалектологических словарей, толковых словарей русского языка, а также литературных словарей белорусского и украинского языков); метод компонентного анализа – при определении семантического объема диалектизмов; лингвокультурологический – при оценке этнической составляющей лексики; статистический.

Научная новизна работы заключается в том, что, несмотря на наличие научных трудов по диалектной лексике, в том числе описывающих специфику брянских говоров, изучение функционирования лексических единиц, структурированных в ТГ «Предметы быта», не осуществлялось.

В научный оборот вводится ранее не изученный лексический материал, отнесённый к тематической группе «Предметы быта», зафиксированный в «Брянском областном словаре» (Брянск 2011) и в архиве диалектологической практики студентов Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского последних лет (Гордеевский, Злынковский, Климовский, Красногорский, Новозыбковский районы).

Исследование диалектных номинаций названной тематической группы представлено в неразрывной связи с процессами культурологического, исторического и этнографического характера.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно

– вносит немаловажный вклад в изучение диалектной лексики, её смежности и взаимодействия с лексикой литературных языков Беларуси и Украины;

– осуществляет анализ лексических единиц в системе тематических подгрупп предметно-бытовой лексики юго-запада Брянщины, что даёт возможность сопоставления диалектной лексики ТГ «Предметы быта» с аналогичной лексикой других регионов России и сопредельных государств;

– позволяет выявить истоки и специфику русского самосознания, базирующегося на матрице духовной и материальной культуры, традиционных устоях народа, познать и в достаточно полном объёме представить его этнолингвистическую составляющую в системе культурных ценностей.

Практическое значение исследования определяется возможностью использования его результатов при составлении Брянского регионального словаря наименований, репрезентирующих предметы материальной культуры, при изучении отдельных системных группировок лекических единиц на занятиях студентов по современному русскому языку, диалектологии, на спецсеминарах по региональной лексикологии, лингворегионоведению, лингвофольклористике, этнографии.

На защиту выносятся следующие положения:

– лексика, номинирующая предметы быта диалектоносителей юго-запада Брянщины, включает свод единиц, представленных лексическими, фонетическими, семантическими диалектизмами русского языка; доминируют лексические диалектизмы, фонетические представлены единичными проявлениями;

– лексические единицы белорусского и украинского литературного языков в пограничных юго-западных районах Брянской области активно

используются в качестве диалектизмов русского национального языка, что свидетельствует об исторической и современной восточнославянской общности номинаций предметов быта в национальных языках;

– диалектная предметно-бытовая лексика юго-западного региона Брянщины с точки зрения происхождения характеризуется продуктивностью производных суффиксальных дериватов от единиц литературного и народного языков;

– в качестве мотиваторов наименований предметно-бытовых реалий выступают имена существительные, прилагательные, числительные, а также глаголы, выражающие семантическую соотнесенность по типу *действие – орудие труда/инструмент*, это даёт возможность классифицировать собранный материал, расположив его в определенные лексико-семантические группы;

– диалектные единицы хранят и репрезентируют информацию о лингво-креативной деятельности социума, традициях, обычаях, жизненных устоях народа, что показательно демонстрирует символическое наполнение таких единиц, как *рушник, коромысло, рубаха-сцельница, де́жа/де́жка, кашник, черепки*.

Основные положения работы изложены в 10 научных статьях, в том числе 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 1 – в издании, включённом в базу данных «Scopus».

Результаты исследования апробированы в ходе конкурсов на лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам «Современные научные достижения. Брянск-2013» (второе место); аспирантов и молодых учёных Брянской области «Современные научные достижения. Брянск-2017» (третье место); учёных по естественным, техническим и гуманитарным наукам «Наука области – Брянщине 2017» (1 место).

В 2015 году аспирант Е.С. Бангоян (Абакумова) получила грант на участие во Всероссийском молодёжном форуме «Таврида» («Росмолодёжь») за проект «Музей русского быта в школе».

В период 2015-2016 гг. аспирант Е.С. Бангоян (Абакумова) являлась исполнителем гранта РГНФ-БРФФИ «Этнографические и лингвокультурологические особенности обрядового фольклора брянско-гомельского пограничья», 2015-2016 гг.» (РГНФ № 15-24-01006).

Основные положения работы и полученные в ходе исследования результаты были обсуждены на Международных научных конференциях в России и Беларуси: «Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья: Круглый стол, приуроченный к Дню славянской письменности и культуры» (Брянск, 2012), «Традиции материальной и духовной культуры Восточного Полесья: проблемы изучения и сохранения в постчернобыльское время. IV Международная научная конференция» (Гомель, 2013), «Российско – Белорусско – Украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства (Брянск, 2014), «Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований» (Брянск, 2015), «Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Россиийско-Белорусско-Украинского пограничья» (Брянск, 2016).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, четырёх приложений, общим объемом 223 страницы. Список литературы включает 223 наименования.

ГЛАВА 1. ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ

В наши дни, когда урбанизация, включающая все разновидности этого процесса, приобрела невиданный масштаб, многие выходцы из сельской местности, проживая в городе, тем не менее остаются, в сущности, неурбанизированными.

Следует отметить, что возрастает интерес как исследователей, так и любителей старины к прошлому, традициям, обрядам предков, их языку. Это обусловливает тесное сотрудничество диалектологов с представителями смежных наук. Знание народной культуры предполагает сохранение, материальное и духовное сбережение артефактов и номинаций безвозвратно уходящего в прошлое сельского колорита, онимического пространства того или иного населенного пункта. Сведения этнографического, социокультурного плана значительно обогатят лингвистические разработки, расширят представления о языковой картине мире наших предков, ментально-лингвальном комплексе личности. По мнению Е.А. Красильщик, «важностью диалектно-лексических фактов и отношений для решения многих теоретических вопросов, ценностью их для сравнительно-исторических, этимологических штудий, значимостью подобных данных для решения культурологических проблем и задач объясняется необходимость изучения народных говоров» [Красильщик 1999: 3]. И особый интерес представляют говоры пограничных славянских регионов, которые, имея в качестве базовой русскоязычную почву, включают также наряду с рудиментарными проявлениями древнерусского языка живые и архаизированные черты, характерные для восточнославянских языков.

1.1. Соотношение понятий: *диалект / регионолект*

Лексикографическая фиксация терминов *диалект* и *говор* может быть тождественна или варьироваться в различных источниках: *диалектом* (от греческого διάλεκτος – «разговор, говор, наречие») называют разговорный вариант данного языка, которым пользуется ограниченное число людей, связанных между собой одной территорией [Новый словарь методических терминов и понятий: URL].

Достаточно широкое определение, аналогичное приведённой выше трактовке, даёт В.И. Даль: «Говор – местное устное наречие» [ТСД – 1: 598].

«Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова трактует *диалект* как «местное наречие, говор», а слово *говор* в одном из ЛСВ представлено как «местный диалект» [ТСУ – 1: 689].

Е.И. Диброва считает *диалектом* язык, «распространенный на определенном географическом пространстве» [Современный русский язык 2006: 320], а диалектную лексику определяет как «совокупость слов, составляющих специфику словарного состава данного диалекта» [там же].

Данные формулировки учёных фиксируют термины *диалект* и *говор* как тождественные, однако ряд лингвистов синонимизирует названные выше лексемы как близкие, но не одинаковые по значению: «Диалект обычно отличается от говора размером охватываемой им территории (говор может быть распространен в пределах даже одного села) и характером общности, связывающей людей, находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте (говор связан только с понятием территории)». [Марузо: URL].

Под диалектом в этом подходе усматривается «крупное подразделение языка», в то время как говор представляется своеобразной разновидностью диалекта. Он используется в общении небольшой территориально связанной

группой населения. Отсюда следует, что говор – «местная разновидность территориального диалекта» [ТСД – 1: 486].

Таким образом, в ракурсе данных дефиниций можно считать, что «диалект – это совокупность говоров, объединенных внутриструктурным языковым единством» [URL https://nauka.club/russkiy-yazyk/terminy-spisok.html].

И в то же время допустимо употреблять данные термины как абсолютные синонимы: говор (диалект) – это малая территориальная разновидность языка, на которой говорят жители нескольких районов.

Ряд ученых к диалектам относят территориально ограниченные типы языковых состояний, а именно: традиционные диалекты, наречия, говоры, полудиалекты, региолекты.

В.О. Кузнецов обращает внимание на то, что «... с 70-х гг. и в настоящее время промежуточная форма русского языка между диалектом и литературным языком большей частью рассматривается уже не как какой-либо новый слой говора, а в качестве одной из форм существования языка. Для обозначения этой формы учеными в основном используются близкие, однако не совсем тождественные термины "просторечие", "полудиалект", "региолект", "наддиалектная форма языка" [Кузнецов 2011: 23].

По наблюдению С.А. Кошарной и Л.И. Плотниковой, «современное состояние диалектов можно определить как полудиалект» [Кошарная 2017: 16].

Данный термин, предложенный в 1960-х годах В.М. Жирмунским, получил развитие в трудах других ученых, в частности, Т.С. Коготковой, с целью номинирования «сплава сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка» [Коготкова 1979: 148] Исследователь полагает, что такое состояние языка определенной территории обусловлено интенсивным влиянием разговорной литературной речи на диалект.

М.А. Бородина отмечает, что уже в последней четверти XX века диалект рассматривался «как субстат региональной речи/региональных говоров/языков» [Бородина URL], однако дополняет при этом: «Насколько интуитивно ясен термин "диалект", настолько же неопределенно ставшее терминологичным словосочетание "региональный язык"» [Бородина URL].

На современном этапе функционирования национального языка исследователи-диалектологи (А.С. Герд, Н.Д. Голев, Т.Ф. Новикова и др.) полагают, что диалекты перерождаются в регионолекты в соответствии с формулой А.С. Герда: «Диалекты не умирают, а транслируются в регионолекты» [Герд 2013: 110].

О сближении диалекта и регионолекта и доминировании последнего И.С. Зварыкина говорит следующее: «…Происходит “стирание” границ диалекта под влиянием социальных факторов (урбанизация, влияние СМИ и т. п.), в связи с чем возникает принципиально новое языковое образование – регионолект» [Зварыкина 2013: 31].

Н.В. Хорошева расценивает положение регионолекта как промежуточное между диалектом и литературным языком: «В современной социолингвистике все чаще говорят не столько о “вымирании” или “распаде” территориальных диалектов, сколько о видоизменении форм пространственного варьирования языка, приводящем к появлению промежуточных идиомов» [Хорошева 2011: 32].

В.И. Теркулов отмечает: «Регионолект – это новая, пришедшая на смену диалектам, форма существования территориальных разновидностей русского национального языка: это совокупность городских и «урбанизированных» сельских говоров одного региона, объединённых обычно вокруг говора какого-то административного центра – областного, краевого, республиканского» [Донецкий регионолект 2018: 5].

Очевидно, что понятие регионолекта в силу новизны является не устоявшимся в отечественной лингвистике.

В 2001 году А.С. Герд писал о регионолекте как «особой форме устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности» [Герд 2005: 288].

Сегодня широкое распространение получило определение *регионолекта* в трактовке Т.В. Жеребило: «термин (*регионолект*), <…> обозначающий речь жителей средних и малых городов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [Жеребило 2005: 300].

В современных лингвистических работах *регионолект* рассматривается как локальная разновидность языка какого-либо отдельного региона, что и фиксируют исследователи, например, Е.А. Оглезнева анализирует дальневосточный *регионолект* [Оглезнева 2008: 113]. Л. Грузберг – *регионолект* жителей Перми, [Грузберг 2010: 14], Т.Ю. Игнатович – забайкальский *регионолект* [Игнатович: URL].

Однако нечёткость разграничения понятия *регионолект – диалект* ставит в качестве проблемного вопрос квалификации *регионолекта* как объективного явления языка. Под *диалектом* мы традиционно понимаем территориальную разновидность национального языка. В историческом ракурсе именно *диалект* выступил в качестве источника формирования литературного языка, отсюда «его нельзя рассматривать как нечто ущербное по отношению к кодифицированному языку» [Зварыкина 2013: 31].

В то же время, *регионолект* характеризуется «нестабильным и нерегулярным употреблением в речи даже одного информанта регионализмов» [Хорошева 2011: 33].

Черемисина Е.В. отмечает много общего у диалекта и регионолекта: «Помимо очевидных черт сходства (принадлежности речи жителей определённой территории и разговорного характера), их объединяет отношение к данным явлениям в обществе. И диалект, и регионолект нередко воспринимаются как нарушения кодифицированного литературного языка,

как речь ошибочная. Однако это просто другие, помимо литературного языка, разновидности национального языка, которые заслуживают глубоко изучения, интереса и внимания» [Черемисина 2018: 43].

В.И. Теркулов подчёркивает: «В нашем представлении *региолект* – это <...> определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [Теркулов 2018: 7].

С.Н. Стародубец считает, что юго-западные районы Брянской области представляют собой особый ареал распространения специфических языковых и речевых явлений, «южновеликорусский локус, базовой характеристикой которого является наличие диалектных, просторечных и разговорных черт, смежных с белорусским и украинским языками, а также диалектами» [Стародубец 2018: 9].

Учитывая сказанное, подчёркиваем, что, несмотря на имеющиеся общие черты *региолекта и диалекта* (принадлежность к речи жителей определенной территории, восприятие как «нарушение» литературного языка), на наш взгляд, процесс нивелировки *диалектов* не происходит повсеместно.

Считаем целесообразным в настоящей работе использовать термин *диалект* как предмет нашего внимания в составе *западно-брянского региолекта*, исследование же просторечных и разговорных составляющих (регионального характера) не входит в наши задачи.

Как известно, основными признаками диалектного слова являются: употребление на ограниченной территории и невхождение в любую разновидность словарного состава литературного языка.

В лексике говоров можно выделить четыре стандартные группы слов (в соотношении с лексикой литературного языка):

1. Собственно-лексические диалектизмы – это местные слова, которые отсутствуют в литературном языке, но имеют схожие с литературными словами корни: *бары́ло* (небольшой бочонок), *выливáшка* (разливательная ложка).

2. Лексико-словообразовательные диалектизмы – это слова, которые являются однокоренными литературным словам, но отличаются морфемным составом. Эти слова имеют такое же лексическое значение, что и литературные, но с другими суффиксами: *голубница* (голубятня), *грабцы́* (грабли), *дожжок* (дождик), *калужа* (лужа), *скрежа́к* (скребок).

3. Фонематические диалектизмы совпадают по значению со словами литературного языка, но отличаются от них произношением, отражая фонетические особенности данного диалекта или говора явления: *ножéнцы* (ножницы), *пéцка* (печка), *цай* (чай).

4. Семантические диалектизмы – это слова, которые по произношению совпадают со словами литературного языка, но отличаются от них своими значениями: *паха́ть* (подметать), *мост* (пол), *ши́рма* – (занавеска) и т.п.

Диалектным словом соответственно является номинация, которая имеет фонетические, словообразовательные, лексические или семантические особенности, не характерные для литературных аналогов, не входит в состав литературного языка и употребляется на ограниченной территории, в отличие от профессионализмов и жаргонизмов.

Таким образом, считаем обоснованным термин *говоры* употреблять при характеристике особенностей всего региона (= субъекта) в составном наименовании *брянские говоры* (вслед за В.И. Чагишевой [Чагишева 1978]), термин *диалект* (-ы) фиксируем в двух значениях: широком (= говоры) и узком. Употребляем – в узком при характеристике специфических диалектных особенностей, характерных для юго-западных районов Брянской области. Термин *региолект* определяем в контексте работы как *западно-брянский региолект.*

1.2. Системные отношения диалектных единиц

В отечественной лингвистике уделяется большое внимание исследованию системных отношений лексических единиц, в частности, вопросам лексико-грамматических и тематических группировок слов. Так, В.В. Виноградов отмечал: «В языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Слово по большей части заключает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями» [Виноградов 1977: 165].

Идея системности свода лексических единиц того или иного языка присутствовала в работах А. Потебни, М. Покровского, Л. Щербы, Р. Мейера, Г. Шпербера, Г. Ипсена и др. В чрезвычайно разнообразной и раздробленной семантической сфере «Предметы быта» существует своя логика, которая свидетельствует о том, что диалекты имеют свою специфику отражения окружающего мира. Методика системного анализа лексики, основанная на принципе выделения интегральных и дифференциальных сем, формирующих то или иное семантическое пространство (лексико-семантическую группу, тематическую группу, семантическое поле и т.д.), дает возможность выявить сходства и различия диалектов в устройстве их языковой картины мира, т.к. языковая нагрузка на разных семантических участках этой картины оказывается разной: в одних диалектах для обозначения той или иной реалии существуют однословные номинации, тогда как в других – только описательные конструкции.

Именно лексический уровень языка более всего подвержен «давлению действительности», в связи с чем он ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира. Материалы ТГ «Предметы быта» дают возможность «увидеть» пространственную и реальную классификацию

человеческого опыта, позволяют взглянуть на русскую обыденную жизнь сквозь призму диалектного слова. Они говорят о том, процесс номинации является не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным словотворчеством, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое. Системный подход к принципам отбора материала позволяет сделать вывод, что предметы быта являются артефактами культуры.

Отношение русского народа к окружающим его реалиям эксплицировано, прежде всего, в богатом и детализированном словаре. Лексическое богатство семантической сферы «Предметы быта» свидетельствует о том, что для человека традиционной культуры взгляд на окружающий мир оказывается не менее важным, чем взгляд на «самого себя».

Системный подход к диалектной лексике доказал, что русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, в русских говорах сохраняется огромное количество диалектизмов, устойчиво противостоящих тенденции к стандартизации.

Системная организация лексики характеризуется наличием в ней объединений слов, связанных общностью значений, − тематическими парадигмами, которые фиксируют отношения, смысловые связи, закрепленные между явлениями действительности и нашедшими свое отражение в лексико-семантической системе. Таким образом, основанием для выделения парадигмы как элемента лексико-семантической системы языка является общность содержания входящих в нее лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов.

Парадигматические отношения, с одной стороны, служат основанием для характеристики тематических парадигм (в дальнейшем для краткости просто парадигм), а с другой стороны – сами зависят от принадлежности слов

к определенной части речи. В этом плане существенно различие слов с предметным значением – имен существительных и слов со значением признака – глаголов, прилагательных, наречий.

Парадигматические отношения, по наблюдению современных лингвистов, отражают содержательные связи экстралингвистического порядка, преломленные через призму слова. Поэтому Е.И. Диброва утверждает: «Парадигматические отношения существуют как потенциальные и выявляются лишь путем взаимного противопоставления значений слов и / или ЛСВ на основе сходства и различия в их значениях» [Диброва 2002: 233; 1977: 165].

Таким образом, парадигмы структурированы на основе интегральных семантических компонентов и дифференцированы по компонентам, не составляющим их различия.

По наблюдению Е.И. Дибровой, «вся лексико-семантическая парадигматика строится на интегрально-дифферециальных семных взаимодействиях, являющихся основанием системных связей» [Диброва 2002: 233]. Это одинаковые для семантического уровня всех ЛСВ слова связи, формирующие тождественные виды парадигматических отношений, например, синонимические и антонимические парадигмы, гипero-гипонимические, тематические парадигмы, лексико-семантические парадигмы и др.

П.А. Лекант выделяет шесть типов парадигм [Современный русский язык 2002: 23], в число которых включает тематическую и лексико-семантическую; их изучением занимались и другие ученые, например, В «Очерках по теории языкознания» Ф.П. Филин (1982 г.) рассматривает тематическую и лексико-семантическую группы, но не проводит между ними четких границ. По мнению Ф.П. Филина, в тематические группы могут входить и лексико-семантические группы: «в рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собой лексико-

семантические группы слов» [Филин 2008: 232].

Е.И. Диброва и П.А. Лекант дифференцируют эти понятия, отмечая, что «тематическая парадигма объединяет слова, имеющие в своем значении интегральную эксплицитную или имплицитную гиперсему, которая называет понятия одного уровня обобщения» [Современный русский язык 2002: 30], [Диброва 2002: 249].

Квалифицируя лексико-семантическую группу (ЛСГ), лингвисты представляют данное объединение как «самую обширную по количеству своих членов организацию слов, которая объединена общим (базовым) семантическим компонентом» [Современный русский язык 2002: 31]. При этом особо подчеркивается принадлежность всех членов ЛСГ одной части речи и включение в структуру каждого одной и той же лексограммемы.

Синонимическая и антонимическая парадигмы – это объединения не особого вида, а группировки, реализующие особые отношения между членами ЛСГ или ТГ.

Не все лингвисты отмечают системность лексики в силу того, что в речи слово обладает чрезмерной подвижностью и изменчивостью.

Большинство же лингвистов признают системный характер самой лексики и говорит об обязательности её изучения. Необходимость исследования групп лексики неоднократно отмечал в своих работах В.В. Виноградов [Виноградов 1986: 232]. Ученый считал, что основной задачей исторической лексикологии является изучении закономерностей изменения групп лексики в их историческом движении, в неразрывной связи с развитием общества, с историей народа.

Так же, как и в литературной, в диалектной лексике имеют место системные отношения структурно-семантического уровня. Объединения диалектных слов по тематическим и лексико-семантическим критериям представлены в ряде работ современных лингвистов: Л.А. Власовой [Власова 2005], Н.И. Курганской [Курганская 1981], В.Г. Маслова [Маслов 2007],

Г.С. Масловой [Маслова 1984] и др. По наблюдению В.Г. Маслова, «слово в говоре, как и в литературном языке, представляет собой не изолированный единичный факт, а входит в свою, характерную для него, лексическую парадигму и связывается с другими членами этой же парадигмы... многообразными отношениями» [Маслов 2007: 53]. Однако исследователь замечает, что диалектные единицы обладают отличительной особенностью в сравнении с лексемами литературного языка: «В ходе исследования диалектной лексики на первый план выдвигается, как правило, проблема специфики диалектного слова в его сопоставлении с соответствующим словом литературного языка» [Маслов 2007: 102]. Несмотря на различные модификации, «системность лексики одного говора определяется тем, что в ней нет семантически взаимоисключающих лексических единиц» [Маслов 2007: 108].

И еще одна яркая черта диалектной лексики названа В.Г. Масловым и И.А. Оссовецким, состоит в том, что «она (диалектная лексика) на первый взгляд – явление сегодняшнего дня, синхронна», ибо процесс развития говора, по сравнению с литературным языком, «как бы сжимается, конденсируется, и тот исторический период развития, который для литературного языка по длительности равен жизни двух-трех поколений, «укладывается» в диалекте в период, равный жизни одного поколения» [Оссовецкий 1982: 6].

Трудно не согласиться с точкой зрения И.А. Осовецкого, который приходит к закономерному выводу: «Синхронный срез любой разновидности диалектного языка содержит в себе одновременно и элементы диахронии, он «трехмерен», причем насыщенность элементами диахронии в нем значительно большая, чем в литературном языке» [Оссовецкий 1982: 13-14].

В системе русского языка, как указано выше, представляют интерес объединения не только литературных лексем, но и диалектных, т.к., по наблюдению Ф.П. Филина, «в русских говорах сохранились напластования различных исторических эпох, которые во многом нашли только частичное

отражение в современном русском литературном языке» [Филин: 1965: 3].

Диалектизмы служат основой этимологической реконструкции лексико-семантического плана, выступают как репрезентанты лингвистического, культурологического и исторического уровней, содержат объем когнитивных представлений личности и социума в целом на определенной территории.

По мнению В.Г. Маслова, диалектная «лексика, чутко реагирующая на изменения в жизни народа, отражает перипетии его исторической судьбы. <…> взаимодействие людей со средой обитания, развитие производительных сил общества и все изменения в способах производства, отмирание старых и появление новых общественных институтов, развитие государственности, культуры, письменности, отражаются связи с иными народами и культурами во всем их многообразии» [Маслов 2000: 6]. Исследователь считает: «Лексику отдельного говора можно рассматривать как единое структурное целое, все компоненты которого связаны системными отношениями» [Маслов 2000: 13]. Кроме того, эта лексика, как считает Ф.П. Сороколетов, «характеризуется более тесной связью с возрастной дифференциацией носителей диалекта, наличием большей вариативности, большей подвижностью и проницаемостью» [Сороколетов 1978: 13].

Мы будем рассматривать системные отношения между диалектными единицами в пределах тематической группы (вслед за Ф.П. Филиным), представленной частными объединениями – подгруппами и ЛСГ.

1.3. История изучения говоров Брянской области

Специфика территориального положения Брянщины, особенно её юго-западной части, находящейся на стыке с территорией Украины и Беларуси, позволяют говорить о существовании наряду с литературным диалектного языка, включающего в свой состав лексемы и корневые морфемы как русского, так и украинского, и белорусского языков. Это обусловлено прежде

всего причинами экстралингвистического характера: «Границы государств и этнокультурная ситуация на изучаемых пограничных территориях формировались в течение многих веков» [Григорьева 2018: 9]. И, как отмечает Р.А. Григорьева, «...до начала 30-х годов административное устройство пограничных территорий было нестабильным, особенно на Брянском пограничье» [Григорьева 2018: 11], что обусловило и языковое смешение. По наблюдению Р.А. Григорьевой, «на всем Российском пограничье жители пользуются двумя языками – литературным русским и местными говорами» [Григорьева 2018: 65]. Языковая интерференция характерна для речи жителей пограничных территорий и в наши дни. Исследования лингвистов свидетельствуют о том, что в языке диалектоносителей ярко выражены черты белорусского языка, что отмечал еще Афанасий Шафонский: «...жители имеют такой же выговор, как в Белоруссии и Литве...» [Шафонский Афанасий URL]. На размытость, нечеткость языковых границ данной территории указывали в своих работах и другие филологи. Диалектная лексика пограничного региона интересовала многих учёных, о чем свидетельствуют труды Е.Ф. Карского [Карский 1883, 1902], А.Д. Нечаева [Нечаев 1914], А. Полевого [Полевой 1914; 1926], В.А. Козырева [Козырев 1999, 2015], В.И. Макарова [Макаров 2015] и др.

Лингвистический интерес к брянским говорам был вызван, прежде всего, стремлением определить их место в системе восточнославянских языков и диалектов, проследить взаимоотношение этих говоров с говорами сопредельных территорий (прежде всего − белорусского языка).

В исследованиях прошлого наблюдаются различные взгляды по вопросу принадлежности брянских говоров к какому-либо наречию русского языка, т.к. здесь широко представлено соотношение русских, украинских и белорусских черт, о чем писали Е.Ф. Карский [Карский 1902], Е.Ф. Будде [Будде, 1904, 1905, 1906], Н.Г. Голанов [Голанов 1914], Н.Н. Соколов [Соколов URL], П.А. Расторгуев [Расторгуев 1926, 1927, 1927а], В.И. Чагишева

[Чагишева 1968, 1978], А. Полевой [Полевой 1914, 1926], А.М. Родионова-Нащокина [Родионова-Нащокина 1975]. Объясняется это, прежде всего, недостаточной к тому времени изученностью говоров.

Этнограф и лингвист Е.Ф. Карский при установлении родства брянских говоров с белорусским языком принимал во внимание лишь черты, общие для белорусского и южнорусских диалектов, и потому считал, что брянские говоры являются белорусскими [Карский 1883, 1902]. Е.Ф. Будде, в отличие от Е.Ф. Карского, ставил вопросы необходимости изучения всей системы говоров, утверждал, что брянские говоры – типично южно-великорусские [Будде 1905]. И.Г. Голанов рассматривал их как переходные от белорусских к южно-великорусским [Голанов 1914].

А.М. Родионова-Нащокина, устанавливая различия между западными и незападными брянскими говорами, полагала, что «это различия говоров одного языка, входящих в общую систему южновеликорусского наречия. И здесь, вероятно, нужно искать не белорусскую основу, а основу более древнюю – восточнославянскую. Она именно и определяет общность западных и восточных брянских говоров» [Родионова-Нащокина 1975: 15].

В полемике также принимали участие и другие ученые: Н.И. Соколов, А.В. Пруссак, С.И. Котков. Однако вопрос оставался нерешенным. И на первой «Диалектологической карте русского языка в Европе» (1915) западные районы Брянской области находились на территории белорусских говоров, а северные вошли в зону говоров, переходных от белорусских к южновеликорусским. На современной «Диалектологической карте русского языка» (1964) брянские говоры отнесены к Верхне-Деснинской группе южного наречия с характерными чертами языковых комплексов западной, юго-западной и южной диалектных зон, выделяемых с учетом их фонетических и грамматических особенностей (приложение 4).

Профессор П.А. Расторгуев, исследуя говоры Брянской области, пришёл к выводу, что это особый диалект белорусского языка, определив его

как «северско-белорусский» [Расторгуев 1927: 194], так как видел в нем потомка говора древнего племени северян. Впоследствии П.А. Расторгуев пересмотрел свои позиции и выделил говоры западной Брянщины в особую группу южновеликорусских, развивавшихся в прошлом и развивающихся в настоящем на белорусской основе [Расторгуев 1973].

В настоящее время общепринятой является точка зрения профессора В.И. Чагишевой, много лет посвятившей изучению брянских говоров. Она квалифицирует говоры региона как «особую группу южновеликорусского наречия, обладающую известным единством, но при этом не представляющую единообразия» и называет их «брянскими» [Чагишева 1978].

Первые записи местной речи на Брянщине были сделаны в 1850 г. уроженкой с. Рассуха М.Н. Косич. Ее книга «Литвино-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни» была удостоена золотой медали Русского Географического общества. В архиве этого общества хранятся и две рукописи А. Столохова, этнографа середины 19 в., давшего описание и местный словарь Трубчевского, Брянского и Карачевского уездов (1850-е годы).

С 1903 г. П.А. Расторгуев собирает материал для «Словаря народных говоров Западной Брянщины», который выходит в 1973 г. (спустя 14 лет после смерти учёного) и включает 8 тыс. слов. Источниками послужили словарные материалы, собранные лично автором, студентами Новозыбковского государственного педагогического института, а также извлечения из печатных записей Нечаева А.Д., Афанасьева А.Н., Полевого А.Ф., Ушакова М.В. [Расторгуев 1973: 14-15].

Лексические, фонетические и другие пересечения брянских говоров и соседних родственных славянских языков свидетельствуют о языковом родстве, о длительном совместном существовании народов при отсутствии территориальной разобщенности. В этих условиях именно диалект выступает специфическим хранилищем древнерусских языковых черт.

Как подчёркивает ведущий диалектолог кафедры русского языка Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, доцент Н.И. Курганская: «О генетической близости брянских говоров и языков ближнего зарубежья могут свидетельствовать аканье и яканье, наличие г (фрикативного) и h (придыхательного), губно-губной В и произношение его на месте у (неслогового), ассимиляция j предшествующему согласному, сохранение древнерусского переходного смягчения заднеязычных согласных в падежных формах имени существительных, произношение в подавляющем большинстве случаев мягкого т (т’) в глаголах 3 лица ед. и мн. ч., а также форм без т; особые формы местоимений и сочетаемости существительных и числительных и т.п.» [Курганская 2011: 166].

Целенаправленное и планомерное изучение словарного состава брянских говоров приходится в основном на послевоенный период и связано с научно-педагогической деятельностью профессора В.И. Чагишевой, с 1951 г. воглавившей диалектологические экспедиции на Брянщину, целью которых был сбор материалов для Диалектологического атласа и регионального словаря. Изучение брянских говоров позволило выявить широкий спектр проблем.

В области фонетики разрабатывается вопрос о характере аканья и яканья как основных видов безударного вокализма (И.Г. Голанов, А.В. Пруссак, А.Б. Пеньковский. В.И. Чагишева, А.В. Королькова, А.М. Родионова). Система согласных звуков рассматривается в работах Е.Ф. Карского, А.В. Пруссак, Е.Ф. Будде, В.И. Чагишевой, К.М. Неберы. Сравнительно-историческое исследование словообразования, свидетельствующие о тесной связи брянских говоров с другими славянскими диалектами, представлено в работах А.С. Герда. К анализу глагольного словообразования обратилась А.В. Королькова. Морфологическая структура брянских говоров, системные отношения в морфологии рассматриваются в работах В.И. Чагишевой, Г.И. Демидовой, А.В. Корольковой, Е.П. Гарбузовой.

Лексика брянских говоров исследуется как в аспекте синхронии, так и диахронии [Полевой 1926; Небера 1964; Щепина 1992; Тарико 2000; Седойкина 2011].

Изучение брянской лексики открыло новые направления в комментировании древнерусских памятников. Была вскрыта органичная связь древнерусского «Слова о полку Игореве» с лексикой южнорусских говоров. Брянские говоры представляют особый интерес и в этом плане, так как они занимают часть той территории (или сопредельную той), где происходили описанные в «Слове» события. Наличие в брянских говорах параллелей к лексике памятника является свидетельством его подлинности, что убедительно показал в своих исследованиях В.А. Козырев [Козырев 1973, 1976]. Знакомство со словарями русского языка различного типа позволяет говорить об отражении в них лексики брянских говоров.

В конце XX − начале XXI вв. брянские говоры изучают: Е.О. Бойцова [Бойцова 1988], В.А. Козырев [Козырев 2015], Н.И. Курганская [1981, 2001, 2011], Е.Н. Щепина [Щепина 1992], О.С. Тарико [Тарико 2000], В.О. Кузнецов [Кузнецов 2011], Ю.В. Седойкина [Седойкина 2011] и др.

Мы считаем целесообразным рассматривать брянские говоры как южновеликорусские, диалекты юго-запада Брянщины в составе западно-брянского регионолекта.

1.4. История лексикографической фиксации говоров Брянской области

Не менее важным, чем определения типа говоров, выступает круг вопросов, связанных с их фиксацией, в частности, лексикографической, поскольку большую ценность для лингвистики представляет каждое слово, вне зависимости от того, является ли оно принадлежностью литературного языка или входит в состав того или иного говора.

В каждом говоре, по мнению Н.И. Курганской, «есть большое количество выразительных, ярких словесных образов, фразеологизмов, передающих своеобразное восприятие и видение жизни деревенским жителем» [Бурдина, Курганская 2008: 26]. Это особенно ярко проявляется при длительном взаимодействии восточнославянских народов и их национальных языков, взаимопроникновении многочисленных лексических единиц, особенно тех, которые составляют матрицу бытоустройства населения, выступают средством репрезентации материальной и духовной культуры. Как отмечает Л.А. Власова, «диалектные слова несут в себе отражение картины ценностного восприятия мира носителями языка. Бесценный кладезь драгоценных слов, каждое из которых – отпечаток русского духа, постепенно иссякает, и задача современных исследователей народных говоров – успеть обнаружить и бережно сохранить эти богатства для будущих поколений» [Власова 2005: 3].

В работах лингвистов-лексикографов представлена и брянская диалектная лексика. А. Сполохов, этнограф XIX века, создал местный словарь Трубчевского, Брянского и Карачевского уездов (1850-е годы).

Известна работа П.Н Тиханова «Брянский говор, заметки из области русской этнологии (с приложением словаря)» [Тиханов 1904].

Как мы уже отметили выше, П.А. Расторгуев много лет лично собирал диалектологический материал, который систематизировал в виде «Словаря народных говоров Западной Брянщины» [Расторгуев 1973].

Не является лексикографическим изданием, однако относится к числу первых записей речи местных жителей книга М.Н. Косич «Литвино-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни» (1850 г., с. Рассуха Унечский район), которая удостоена золотой медали Русского Географического общества [Косич URL].

Материалы брянских говоров в ряду других областных слов нашли отражение в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Слова подаются с пометами «юж.», «зап.» или «орл».

Планомерное и целенаправленное изучение словарного состава брянских говоров неразрывно связано с научной деятельностью профессора В.И. Чагишевой (особенно значим период с 1951 по 1953 гг. – время диалектологической экспедиции). Обобщение и систематизация экспедиционных материалов стали первым подробным исследованием, характеризующим лингвистический ландшафт Брянской области в целом.

Работа, начавшаяся под руководством В.И. Чагишевой, – это выпуски «Словаря брянских говоров» (1976 − 1988), описывающие лексику в алфавитном отрезке А-Ж, – к сожалению, была приостановлена.

Спустя два десятилетия под руководством доцента кафедры русского языка Брянского государственного университета имени ак. И.Г. Петровского Н.И. Курганской издаётся «Брянский областной словарь» (2007, 2011), «составленный на основе картотеки, собранной преподавателями кафедры и студентами факультета русского языка и литературы, а также в результате анкетированияи опроса информантов, начиная с 1976 года и до времени издания» [БОС 2007].

Особый интерес вызывает у исследователей первый в славистике опыт энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов – издание этнолингвистического словаря Н.И. Толстого «Славянские древности» (1995, 1999, 2004, 2009, 2012).

Он подводит итог более чем вековому изучению славянского фольклора, мифологии, этнографии, народного искусства. О.В. Белова отмечает особую роль данного справочника на культурном пограничье, подчеркивая весьма значимые достижения Н.И. Толстого, систематизировавшего в принципиально новом по жанру словаре «диалекты, этнографию и фольклор

всех славянских языков, <…> отражающем духовную культуру славян» [Белова 2010].

В настоящее время русская диалектная лексикография насчитывает большое количество региональных словарей, фиксирующих лексический материал в различных аспектах, выходит сводный «Словарь русских народных говоров» [СРНГ URL].

Библиография, посвящённая изучению брянских говоров, насчитывает двести семьдесят восемь наименований.

Подчёркиваем, что диалектизмы Брянщины, особенно её юго-западных территорий, вызывали и вызывают большой научный интерес исследователей в силу специфики географического положения региона, интерференции этнокультурного среза, что отражено и в широком спектре лексикографических исследований.

Выводы по первой главе

В последние десятилетия в лингвистической науке достаточно широкое распространение получили термины *полудиалект, региолект*, номинирующие своего рода когезию языковых элементов *диалекта, просторечия* и *литературного языка* (в пределах разговорного) и функционирующие как лексемы, отражающие современное состояние речи жителей малых городов России.

Размытость понятий *региолект – диалект* ставит в качестве проблемного вопрос квалификации *региолекта* как объективного явления языка. Считаем, что процесс нивелирования *диалектов* не происходит повсеместно, что фиксирует и речь сельских жителей юго-западной Брянщины.

Термин *региолект* определяем в контексте работы как *западно-брянский региолект* [Стародубец 2018].

Термин *говоры* употребляем при характеристике особенностей всего региона (= субъекта) в составном наименовании *брянские говоры* (вслед за В.И. Чагишевой [Чагишева 1978]).

Термин *диалект* рассматриваем в традиционном понимании как территориальную разновидность национального языка, употребляем применительно к юго-западным районам Брянской области.

К основным признакам диалектного слова относим употребление его на ограниченной территории и невхождение в любую разновидность словарного состава литературного языка.

Анализ научной литературы показал, что брянские говоры юго-западной районов в разные периоды исследователи относили к белорусским (Е.Ф. Карский, П.А. Расторгуев), южновеликорусским (Е.Ф. Будде, В.И. Чагишева), находящимся в переходной зоне от белорусских к южновеликорусским с белорусской основой (И.Г. Голанов, П.А. Расторгуев),

что было вызвано размытостью языковых границ и обусловлено спецификой территориального положения пограничного с Украиной и Беларусью региона (см. «Диалектологическую карту русского языка», с языковыми признаками западной, юго-западной и южной диалектных зон у брянских говоров).

Брянская региональная лексика представлена в русской диалектной лексикографии в ряде лексикографических источников: «Словаре народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева (Минск 1973), «Словаре брянских говоров» В.И. Чагишевой (1976-1988), «Брянском областном словаре» под ред. Н.И. Курганской (2007, 2011).

Диалектизмы служат основой этимологической реконструкции, репрезентируют лингвистический, культурологический и этноисторический объем представлений социума определенной территории.

Лексический состав говора пограничных регионов обладает потенциалом пополнения, в том числе и за счет узуальных единиц сопредельного славянского языка. Языковая интерференция характерна для речи жителей пограничных территорий и в наши дни. В этих условиях именно диалект выступает специфическим хранилищем древнерусских языковых черт.

ГЛАВА 2. ТРАДИЦИОННАЯ ЛЕКСИКА ДОМАШНЕГО ОБИХОДА В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Предметы быта различного функционала сопровождают человека на протяжении его исторического развития, их наименования содержат информацию о жизнедеятельности личности и социума, указывают на наличие в обиходе самого необходимого: орудий труда, инструментов, домашней утвари, одежды и т.п. По мнению Л.А. Власовой, «данная лексика ценна в том аспекте, что она дает возможность обратиться к наиболее древнему, изначальному лексическому пласту русского языка, обслуживающему жизненно важную сферу физического существования человека» [Власова 2005: 5].

Слова названных выше тематических подгрупп ориентированы на потребности человека; это свидетельствует об антропоцентрическом подходе к номинированию артефактов и согласуется с мнением В.Н. Топорова, который указывал, что вещь «живет только в лучах человеческих потребностей, и, более того, нечто становится вещью только sub specie человека» [Топоров 1993: 90]; вещь ориентирована на потребности человека и целиком зависит от него, в отличие от природы, которая самосущностна и самодостаточна.

Об этом также с позиций антропоцентризма говорит и Е.С. Кубрякова, отмечая, что «человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [Кубрякова 1994: 12]. Е.А. Попова фиксирует доминанту антропоцентризма в различных науках, при этом делает акцент на языковедческих: «Человек – это тот центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [Попова 2002: 70].

Идеи антропоцентрической лингвистики позволяют установить связи между контентами *язык – мышление – культура*. Г.А. Золотова полагает, что «человек – центральная фигура языка и действующее лицо мира, о котором он говорит» [Золотова 2010: 6].

Исследование наименований предметов быта наших предков представлено в работах этнографов, лингвистов – А.Н. Афанасьева [Афанасьев 1984], Ф.И. Буслаева [Буслаев: URL], О. Миллера [Миллер 1878; Миллер URL], А.А. Потебни [Потебня 1989], П.В. Киреевского [Киреевский 1986], П.Н. Рыбникова [Рыбников 1910], П.И. Якушкина [Якушкин URL] и др. Лексические единицы, номинирующие кухонную посуду, многочисленную домашнюю утварь, приспособления, облегчающие те или иные виды деятельности человека, инструменты, одежду, обувь, Л.А. Власова называет «первоосновой культуры вообще» и считает их изучение наиболее важным для диалектологии [Власова 2005: 5].

Особый интерес для лингвистов представляют лексические единицы, называющие предметы материальной культуры в русских говорах, поскольку они сообщают значимую информацию не только об артефактах, но и о типе мышления человека в процессе акта номинации, особенностях мировидения социума, сохранившего на определенной территории то или иное слово.

2.1. Наименования предметов для хранения и приготовления жидких продуктов

Одной из самых многочисленных выступает тематическая подгруппа (ТГ) ‘предметы кухонного обихода’ или ‘кухонная утварь’. Данная подгруппа весьма неоднородна. Мы выделили в ее границах несколько лексико-семантических группировок (ЛСГ) на основании того, какое конкретное действие осуществляется посредством предмета или какое предназначение имеет предмет.

Среди названий ёмкостей с функциональной закрепленностью ‘посуда’ выделяем ЛСГ, номинирующую вместилища для хранения и приготовления жидких продуктов: *бари́ло/бары́ло, бидо́н, бикла́га, бо́йка, га́рка, ги́рка/ги́рька, глёк, гирю́н, маха́отка, пля́шка, ря́шка, скля́нка, ка́йстра, канде́йка, квашо́нка, стопе́ц, суде́нце/судёнце, су́дно, даёнка, жбан, ка́шник, шка́лик, глады́шка, кры́нка*, – всего 24 единицы. (Здесь и далее: при тождестве значений рассматриваем как одну лексическую единицу фонетические, словообразовательные и грамматические варианты слова.)

К значимым свойствам посуды относится прежде всего материал (дерево, глина, стекло, металл), из которого она изготовлена, т.к. именно он определяет временные и качественные признаки сохранности продукта.

2.1.1. Наименования глиняной посуды

Среди наименований ёмкостей для хранения и приготовления жидких продуктов самой многочисленной является группа единиц, номинирующих глиняную посуду (*гирю́н, ги́рка* и *ги́рька, га́рка, глады́шка, глёк, канде́йка ла́тка, махо́тка, ка́нка, куба́н* и др.).

В качестве лексемы с широким спектром семантики выступает слово *гирю́н* – м., собир. «любой вид глиняной посуды» [здесь и далее цит. по: БОС: Брянский областной словарь]: *И куушы́н гирю́н, и махо́тка гирю́н, и усё уме́сти гирю́ны*. (Иллюстративный материал в работе подаётся способом малограмотного письма и приводится в соответствии с русской графикой в упрощенной диалектной транскрипции (диалектоносители системно произносят *г фрикативный* и *у неслоговое*, что в ряде случаев показано в первичных записях знаками *γ* и *ў* или *г* и *у*), другие диалектные фонетические и формообразовательные особенности отражены.)

Лексема *гирю́н* полидиалектна: известна на достаточно широкой территории, о чем свидетельствует её фиксация в «Словаре русских народных

говоров» (далее СРНГ) [СРНГ URL], в работе Л.А. Власовой [Власова 2005], монографии С.А. Кошарной и Л.И. Плотниковой [Кошарная, Плотникова 2017], однако в названных трудах единица репрезентирована только в значении «глиняный кувшин с отбитым горлом», что не согласуется с её фиксацией в «Брянском областном словаре» и «Словаре брянских говоров». В последнем фиксируется: *гирю́н* – «глиняная посуда» [СБГ: вып 4, 14]. При толковании значения лексемы справочник содержит ремарку «обобщенно». На территории Брянщины (и, в частности, юго-запада области) семантическое наполнение «глиняный кувшин с отбитым горлом» номинировано одним из ЛСВ субстантива *ку́хлик* – «1. глиняный кувшин; 2. кувшин с отбитым горлом» [БОС: 98], что наглядно демонстрирует иллюстративный материал (*Во працажу́ малако́ у ку́хлик и пагвари́м // Кали го́рла адби́тыя у гарлыча́, то е́та ку́хлик // Кали край би́тый, то е́та ку́хлик*) [БОС: 178]. Здесь лексемы *го́рло* и *край* синонимичны. В ряде населенных пунктов Унечского, Трубчевского, Севского районов небольшой кувшин с отбитым горлом назывался словом *ги́рка* [СБГ: вып.4, 14]; в Новозыбковском, Клинцовском, Суземском районах слово функционировало в широком семантическом диапазоне в значении «глиняная посуда, кувшин»: *Ги́рка – е́та куушы́н. И про́ста куушы́н. И разби́тый куушы́н* [СБГ– 4: 14]. «Брянский областной словарь» (издание 2011 г.) регистрирует три ЛСВ значение слова *ги́рка* – «1. Невысокая гладышка; 2. Кувшин с отбитым горлом; 3. Черепок от отбитого кувшина, осколок» [БОС: 69], что говорит о разветвлении семантики субстантива в диалектной среде.

Примечательно: на пограничных территориях юго-запада области номинирована также смысловая узуальная лакуна «горшок без дна», которая заполнена сложной лексемой *дыробок* [БОС: 98].

В данной подгруппе наряду с названными выше единицами с интегральной семой ‘битый/отбитый’ – суффиксальными производными – отмечены также и префиксально-суффиксальные, например, *накра́йник*.

Наименование (ядерная сема – ‘край’) свидетельствует о том, что даже в случае утраты предметом функциональной составляющей уже на стадии его изготовления, реалия получала номинативный статус с мотивационной основой: *накра́йник* – «горшок с отбитыми краями, брак обжига»: *Ат накра́йникау адны́ убы́тки* [БОС: 214]. Наличие единиц *ку́хлик* и *накра́йник*, где первая номинирует испорченную вещь, а вторая – брак производства (‘брак обжига’), – это отражение народного мировидения и самосознания в языковом преломлении, и в то же время это удостоверение крайней степени бедности сельского жителя, необходимости использовать в хозяйстве все предметы, которые смогут пригодиться хоть в чём-то. О скудости жизни русского человека, которую, в частности, ярко иллюстрируют диалектные номинативные единицы, ёмко сказано философом XIX-XX вв. М.О. Меньшиковым (1859 – 1918): «Народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает слишком много и сверх сил, и весь избыток его работы идёт в пользу соседей» [Меньшиков 1991: 50]. Названные лексические единицы (*ку́хлик* и *накра́йник*) несут, наряду с номинативной, социокультурологическую информацию, структурируя и детализируя этнографическую картину региона в целом. Следует заметить, что субстантив *накра́йник* входит в гипер-гипонимическую парадигму, номинирующую испорченные, но используемые в обиходе предметы (*накра́йник, надломок* и др.). В качестве гиперонима здесь выступает префиксально-суффиксальный дериват *надломок* – «надломанная вещь» (*Но́жычак быу надло́млиный, надло́мкам тяпе́рь бу́льбу чи́шу*) [БОС: 211].

Из глины изготавливали предметы различного назначения: кувшины, горшки, бочонки и т.д., например, *бари́ло и бары́ло* – «небольшой бочонок, обычно из глины, предназначенный для воды» [БОС: 21], *канде́йка* – «небольшая глиняная чашка с ручкой» [БОС: 135]. В парадигме «сосуды» дифференциальным компонентом является как ‘определенный размер’ и

‘внешний вид’, так и ‘форма’ вместилища. Как для слова *гирю́н,* так же и для некоторых других единиц названной подгруппы затруднительно установить мотиваторы, например: *ла́тка*[2] – «грубая глиняная миска продолговатой или круглой формы; плошка» [БОС: 182]. Данное значение характерно для ряда слов пограничных территорий Брянской области, однако в каждом конкретном населенном пункте семантика субстантива могла варьироваться, о чём свидетельствует, в частности, наблюдение К.А. Новиковой: «Со слов местных жителей д. Рудня-Воробьевка, расположенной на пограничье, в Гордеевском районе Брянской области <…> *латка* – «деревянная, реже глиняная миска круглой формы». Причем, глиняная использовалась для приготовления пищи, а деревянная – как столовая посуда для первых блюд. Это отражено и в песенном фольклоре указанной деревни:

Падыхо́жу пад новы́я се́ни,

А вжо́ на́ши вячеры́ти се́ли.

Тыды-сю́ды во́н куды вячеры́ти се́ли.

Свякру́ха в ла́тки борщ налива́я,

Свёкар ло́мтями хлеб нарыза́я [Новикова 2019: 222].

С тождественным значением слово представлено в белорусском языке: «миска» [Байкоў, Некрашэвіч 1993: 157]. В дефиниции справочника нет информации о материале, из которого изготовлен предмет, и его назначении.

В «Російсько-українському словнике» отмечено достаточно широкое толкование лексемы: «*латка* – глиняная пательня (сковорода), мисочка, риночка» [Російсько-українські словники: URL].

В словарях русского литературного языка и различных говоров существительное *латка* отмечено с интегральной семой ‘ёмкость’, ‘вместилище для’: *латка* – «глиняная продолговатая посудина» (арханг.) [Фасмер 1986]; в болгарском языке лексема известна в значении «кувшин», в словенском это «мелкая миска для молока», в то время как в чешском –

«горшок, глиняный сосуд для варки пищи, для молока» [Фасмер 1986; Мельников URL].

Широта функционирования позволяет отнести данную лексическую единицу, наряду с другими, по терминологии Л.А. Власовой, к типу «полидиалектных» [Власова 2005: 78] и «интердиалектных».

Современные толковые словари, например, «Словарь русского языка в 4-х т.» Под ред. А.П. Евгеньевой [МАС – 2: 166], «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» одинаково трактуют лексему: «посуда, род продолговатой миски, употребляемая для жаренья» [Ефремова URL].

В «Большом толковом словаре русского языка» дефиниция расширена за счет семы, указывающей на еще одно назначение предмета, – «для тушения» [БТСРЯ 1998].

Словарь В.И. Даля широко репрезентирует слово: *латка* – «глиняная сковорода, плошка, черепушка, поддон, каменная гончарная миска, с прямыми, крутыми боками» [ТСД – 2: 240].

Называет ёмкости для жидких продуктов и субстантив *ги́рка* /*ги́рька* – «1. невысокий глиняный кувшин для различных хозяйственных нужд (чаще всего для молока и сметаны)»: *Ги́рка – э́та усё дно, што куушы́н* [БОС: 69]. Широко известно в различных русских говорах (в т.ч. и брянских) слово *глёк* – «большой кувшин с ручкой и без неё, обыкновенно глиняный, предназначенный для переноски и хранения жидкостей или сыпучих продуктов» [СБГ– 4, 18]; в брянских говорах распространён и субстантив *гле́чик*: *У яго́ малако́ цади́ли, як падо́ють каро́ву*) в значении «глиняный кувшин». По наблюдению Н.И. Курганской, «изучение лексики гончарного промысла <…> особенно важно в настоящее время, т.к. народный гончарный промысел замирает, уходит в прошлое, вместе с этим и его терминология подвергается быстрой архаизации» [Курганская 1981: 1], что проявляется и в

архаизации части номинаций, ранее продуктивных на территории юго-запада Брянщины.

Мотивация прослеживается у слов *варе́йка*, *горла́ч, глады́шка, ка́шник, суди́нка, обе́дницы, мачка́, ушкова́нка.*

В качестве производящего для субстантива *горла́ч* – «продолговатый, с узким длинным горлом глиняный сосуд без ручки, используемый преимущественно для отстоя и хранения молока» [БОС: 77] – выступил один из ЛСВ литературного слова *горло* – «верхняя суженная часть сосуда» [БОС: 77]. Номинация суффиксального деривата осуществлялась по реляционному мотивирующему признаку с объективированным в семантике слова компонентом ‘форма’. Слово известно как на соседних территориях (в орловских, курских и др. говорах), так и в украинском и белорусском языках.

Лексема *суди́нка***,** ж. – «небольшая глиняная посудина» [БОС: 314] – мотивирована гиперсемой ‘сосуд’ литературного слова *су́дно* – производящей базы суффиксального производного-диалектизма.

Лексему *глады́шка (южн.)* – «глек, кринка, горлач» [ТСД – 1: 579] – В.И. Даль помещает в гнездо с вершиной *гладкий*, возможно, с мотивацией наименования по внешнему признаку: с доминантной ролью семы ‘характер поверхности’. И в «Словаре русских донских говоров», и в словаре В.И. Даля, и в брянских говорах слово имеет одну и ту же семантику: *глады́шка* – «кувшин для молока»: *Были́ из гли́ны гаршки́, для малака́ куушы́ны ста́рыя люди называ́ли глады́шки, э́та адно́ и то ш* [БОС: 70]. Отмечая распространенность слов с названным корнем в русских говорах и родственных славянских языках, М. Фасмер указывает на его исконно русское происхождение [Фасмер –1: 409].

Как правило, в словах, номинирующих посуду для приготовления пищи, прослеживается однозначная мотивация либо функционального (*варе́йка, ка́шник*), либо объектного характера (*обе́дницы, оле́йница, па́сочник*), например, *варе́йка* – суффиксальное производное от основы глагола *варить* –

«глиняная посуда средних размеров для приготовления пищи (чаще каши)». *Варе́йкай называ́ли сре́днию махо́тачку*. [БОС: 314]; *ка́шник* – «глиняный горшок, в котором варят кашу». *Ка́шник – э́та ма́ленькая махо́тачка з двумя́ прилёпками уме́ста ру́чак* [БОС: 314].

В ряде диалектных единиц мотиватор – имя числительное, указывающее на количество предметов как совокупность (*двое́шки, двойча́тки, па́рники*). Данные лексемы структурируют синонимический ряд, включающий также слово *обе́дницы* (субстантив pluralia tantum, суффиксальное производное от узуального слова *обе́д*) – «две-три небольшие глиняные посудины, соединенные между собой дужкой или боками, предназначенные для ношения обеда в поле» [БОС: 229]. В основу указанных наименований одного и того же предмета, как усматривается из примеров, положены дифференциальные мотивировочные признаки. Слово *обе́дницы*, как и остальные члены синонимической парадигмы с тождественным значением, относим к разряду устаревших по экстралингвистическим причинам: отсутствие бытования реалии не способствует сохранению слова в народном языке.

Диалектоносители отмечают, что та или иная посуда могла быть изготовлена из различных материалов, например, *квашо́нка* – «деревянная или глиняная посуда для замешивания теста, квашения или соления; квашня». *У на́с квашо́нка з капу́стай у два́ вядры́* [БОС: 145]. Здесь в качестве производящего для деривата *квашо́нка* выступил глагол/отглагольное существительное, указывающий на способ заготовления продуктов (*ква́сить / ква́шение*).

Мы полагаем, что ряд диалектных единиц данной семантической парадигмы служит средством номинации предмета, выполняющего определенное назначение в отвлечении от материала, из которого может быть изготовлен, например, *перева́нька* – «бочка»; *га́рка* – «кружка»: *Шчас га́рки у стака́нчик, а тады́ бы́ли у паули́тру и бо́льшы* [БОС: 271]. Любопытно, что в наше время сельские жители обозначают названными и другими диалектными

лексемами ёмкости из пластмассы, которые используют в обиходе. Полагаем, что основой такого употребления слов является сходство бытовых предметов по внешнему виду или назначению.

Ряд указанных выше лексем фиксируют словари украинской и белорусской лексики (см. приложение 1).

2.1.2. Наименования деревянной посуды

В диалектной среде юго-запада Брянщины бытуют наименования, называющие деревянную посуду (*бикла́га*, *бо́йка*, *выliва́шка, де́жка/дежа́/ дёжа, долба́нка, жбан, жба́нтик, колоту́шка, лагу́н, ря́шка, са́льник/ са́льница, сольница, суде́нце/ судёнце*, *колоту́шка* и др.).

Мотивированными в этой группе являются единицы *бо́йка, выliва́шка, долба́нка, колоту́шка, са́льник и са́льница, со́льница.* Первые (*бо́йка, выliва́шка, долба́нка, колоту́шка*) – отглагольные одномодельные производные, *са́льник и са́льница, со́льница, суде́нце и судёнце* – отыменные суффиксальные дериваты.

Для русских людей издавна дерево было самым доступным и прочным материалом, легким в обработке, обладающим важными в крестьянском быту качествами: долгим сроком функционирования изделия, качеством и сохранностью продуктов, способностью внутри сосуда долгое время поддерживать постоянную температуру, а также возможностью изготавливать различными способами ёмкости разных размеров для многочисленных потребностей, например: *бикла́га*, *выliва́шка, дежа́/де́жка/дёжа, жбан* предназначались для жидких продуктов (молока, воды) или продуктов, содержащих жидкость (солений, квашений), например, *дежа́/де́жка/дёжа* – «деревянная посудина цилиндрической формы, сделанная из досок, стянутых обручами, или выдолбленная из цельного отрезка ствола, для заквашивания и замешивания теста, засолки огурцов, квашения капусты и других

хозяйственных нужд» [БОС: 87]; *суде́нце и судёнце* – «деревянная посуда круглой или овальной формы для различных надобностей; лохань» [БОС: 314]; *лагу́н* – «деревянная посудина для жидкости в виде бочонка. Бидон» [БОС: 179] (*Те́ста падашло́, аш чириз дяжу́ ле́зить / У лагуну́ малако́ во́зють / Судёнца дириви́нныя, з ву́шкамы*) [БОС] и др.

Применительно к аналогичной лексике орловских говоров Л.А. Власова отмечает: «...в орловских говорах отсутствуют названия бочек большой вместимости» [Власова 2005: 157]. Исследователь полагает, что в ёмкостях стандартных размеров было удобнее хранить и готовить, чем в бочках большого объёма. В брянских говорах нами также не отмечены единицы, номинирующие ёмкости большой вместимости. Мы полагаем, что наряду с причиной, указанной Л.А. Власовой, имел место и фактор утраты необходимости в таких предметах. Если в определенный период жизни крестьяне имели, например, *кадь* (это «обручная посудина весьма большого объёма; обычно в кадях держат хлеб, крупу, муку» [ТСД – 2: 116]), то с течением времени необходимость в подобных предметах отпала.

Ряд единиц этой подгруппы относим к непроизводным (*бикла́га*/*бакла́га, жбан, ря́шка*): *жбан* – «деревянный или глиняный сосуд в виде кувшина с узким горлом и крышкой» [БОС: 102]. Дифференциация семантики лексем *жбан* и *жба́нтик* – «деревянный закрытый бочонок для воды с отверстием в одном из доньев» [БОС: 102] – позволяет отнести последнюю к типу суффиксальных дериватов (от *жбан*); *бикла́га*, *бакла́га* – «деревянный сосуд с крышкой или пробкой для жидкостей» [БОС: 26]; *ря́шка*, ж. – «деревянный сосуд с ушками, служащий для различных хозяйственных надобностей» [БОС: 290] и др.

Единицы *дежа́/де́жка/дёжа, суде́нце и судёнце, лагу́н, ря́шка* номинировали ёмкости для жидкостей разного размера и предназначения: *Каро́ва ря́шку пиривярну́ла // Те́ста пыдайшло́, аш чириз дя́жу ле́зить // У мяне́ и щяс два судёнца ёсьть.*

Широким спектром семантики отличается от названных выше лексем диалектное слово *ку́бель, ку́бло* – «ящик для хранения продуктов» (согласно [БОС: 174]), в наименовании которого значимым мотивационным признаком выступает форма, что на имплицитном уровне определяет возможность его пригодности для выполнения предназначенной функции. В.И. Даль фиксирует слово *ку́бло* в значении «гнездо, угол, хозяйство» [ТСД – 2: 342]. Таким образом, в брянских говорах отмечен фонетико-грамматический вариант лексемы, семантическое наполнение которого не характерно для ряда других говоров (например, тверского и тульского), однако имеет распространенность в смежных говорах (в орловском и курском регионах).

К мотивированным единицам данной подгруппы относим субстантивы *бо́йка, долба́нка, колоту́шка, са́льник/са́льница, со́льница.*

Лексемы *бо́йка* и *колоту́шка* номинируют маслобойки как предметы, необходимые в обиходе сельского жителя для переработки молока и изготовления сливочного (коровьего) масла. Они представляли собой кадку с отверстием и мутовкой внутри. Это простейшие приспособления для производства масла в домашних условиях, что проявляет ЛЗ каждой единицы. Так, *бо́йка* – «деревянный сосуд для взбивания масла» [БОС: 28]; *колоту́шка* – «деревянный сосуд цилиндрической формы, в котором сбивали масло из сметаны; маслобойка» [БОС: 158]. Лексемы мотивированы глаголами (*бить* – «в некоторых производствах изготовлять, например, бить масло» [СО: 44] и *колотить* соответственно, которые в диалектной зоне имеют интегральные семы), указывающими на функциональное назначение данных предметов (*Не, ни ло́шкай, а калату́шкай ма́сла збива́ли* [БОС: 158]).

Полидиалектное слово *бо́йка* имеет широкую географию: оно известно с тем же значением, что и в брянских, в орловских, курских, псковских, свердловских говорах [Власова 2005: 57; ТСД – 1: 158-161].

Лексему *долба́нка* – «миска, выдолбленная из дерева» [БОС: 91] – производную единицу от глагола *долби́ть / долба́ть* – «ударами делать в чем-

то углубление» [СО: 148], указывающую на способ изготовления предмета, следует отнести к типу диалектных историзмов вследствие отсутствия на сегодняшний день данной реалии в жизни диалектоносителей.

К отглагольным производным, мотивирующая база которых объективирует функционально характеризующий признак, относим лексему *ко́пик.*

Ко́пик – «узкий деревянный сосуд/сундук для хранения продуктов» [БОС: 161]. Диалектизм мотивирован узуальным глаголом *копи́ть* – «собирать, хранить, сберегать» [ТСД – 2: 257], в семантике которого присутствует компонент ‘для хранения’.

В ряде диалектизмов, номинирующих посуду из дерева, актуализируется сема ‘объект заготовки и/или хранения’, например, *са́льник, м. и са́льница, ж.,* а также *со́льница.*

Суффиксальным производным от узуального слова *сало* является диалектизм *са́льник, м.* (*са́льница***,** ж.) – «деревянная посуда (бочка, кадка, ящик) для хранения солёного сала». *Нима́ ужо́ са́ла, тык са́льник с ха́ты выкы́тили* [БОС: 291]. Производящей базой для диалектизмов выступило существительное *са́ло*, что не характерно для номинаций подобного типа, мотивированных, как правило, глаголами, поскольку, по наблюдению Л.А. Власовой, для лексем данной группы «основной различительный признак – функциональный» [Власова 2005: 112], что согласуется с выводами С.М. Васильченко: «Как доминирующий представлен функциональный признак в семной структуре непроизводных и производных названий вместилищ – конкретных предметов» [Васильченко 1995: 71]. Л.А. Власова и С.М. Васильченко отмечают это применительно к номинациям в орловских говорах, наши наблюдения позволяют утверждать, что данный показатель характеризует и говоры юго-запада Брянщины.

Для хранения продуктов, в т.ч. и сала, использовалась также *ла́збень* / *лазбе́нь* – «кадушка с крышкой для хранения пищевых продуктов, чаще сала».

У яго́ це́лый лазбе́нь са́ла [БОС: 180]. Слово *ла́збе́нь* с непрозрачной мотивацией, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля обозначено как курское (в отличие от брянского – в одном фонетическом варианте: *ла́збень*) в значении «кадочка, служащая в деревнях замест сундука» [ТСД – 2: 381]. Как известно, сундук представлял собой ящик для хранения одежды, на что указывает и иллюстративный материал словаря В.И. Даля: *Сунду́к с прида́ным гото́вится и́сподволь // Скупы́е умира́ют, а де́ти сундуки́ отпира́ют // Идти́ в сундучо́к достава́ть пятачо́к* и др. Разницу лексикографической фиксации номинации в словаре В.И. Даля и в «Брянском областном словаре» составляют семантические компоненты (для хранения) ‘пищевых продуктов’, ‘чаще сала’. Данное наименование с тем же значением, что и в брянских говорах, бытует на соседней территории – в орловских говорах, где функционирует как многозначное, включая в свою семантику как компонент ‘кадушка’, так и ‘ящик’ (с крышкой для хранения сала).

В данную группу включаем и диалектное *со́льница* – «солонка» [БОС: 315] – суффиксальный дериват от существительного *соль*.

Таким образом, в своде лексем, номинирующих деревянные ёмкости, нами отмечено 18 диалектных единиц, из которых 7 – суффиксальные производные, мотивированные глаголами и существительными (последнее не типично для диалектизмов); ряд лексем имеет непроизводный характер (*жбан, бикла́га*/*бакла́га, ря́шка*, *гирюн*). Небольшая часть диалектизмов представляет собой словообразовательную пару, члены которой семантически тождественны (*дежа́*/*де́жка*/*дёжа)* или наряду с интегральными содержат дифференциальные семантические компоненты (*жбан – жба́нтик*).

2.1.3. Наименования стеклянной посуды

К реалиям современной жизни относится посуда из стекла, получившая широкое распространение как в городской, так и в сельской среде, однако в юго-западных районах Брянской области отмечено небольшое количество диалектизмов данной подгруппы. К единицам, номинирующим стеклянную посуду, относятся следующие 3 лексемы: *пля́шка, стопе́ц, скля́нка.*

При этом немотивированными являются *пля́шка* – «бутылка» и *скля́нка* – «стеклянный сосуд; банка»: *Самаго́нку го́нють и па пля́шкам разлива́ють // Ф скля́нках мы муку́ дя́ржым, цвяты́ ста́вим* [БОС: 298]. Слово *стопе́ц* – «небольшой стаканчик; стопка и её содержимое» [БОС: 312] – относим к единицам производного характера (от *стопка* – маленький стаканчик для водки» [СО: 668]): *Вы́пиш стапе́ц у пра́зник и запаёш* [БОС: 312].

Немногочисленность лексических единиц данной подгруппы с позиций синхронии является оправданной, т.к. посуда из стекла появилась значительно позднее изделий из глины, дерева и металла; при возникновении реалии ее наименование вводилось в литературный язык.

2.1.4. Наименования ёмкостей из различных материалов

Данная группа ЛЕ немногочисленна, представлена субстантивами *выливáшка, вы́ливка, доёнка/доéнка, кóновка, корéц, копы́стя, лу́зик, мему́шка* – 8 лексем.

Доёнка и редко *доéнка* – «специальное деревянное, глиняное или металлическое ведро, в котором доят молоко; подойник»: *Багáта карóва малакá далá: цéлая даёнка* [БОС: 90]. Слово имеет широкое распространение, однако в настоящее время данный предмет по материалу изготовления металлический или пластмассовый.

Диалектизм *ко́новка*, согласно фиксации словаря В.И. Даля, имеет широкую географию (тверское, владимирское, воронежское), в брянских говорах, как и в других, означает «высокую деревянную или металлическую кружку обычно с ручкой и крышкой»: *А як ко́науку е́тай вады́ вы́пийш, аш на душе́ ляхче́й* [БОС: 160].

К числу предметов обихода, изготовленных из различных материалов, относим также единицы *выливáшка, вы́ливка, коре́ц, копы́стя, лу́зик, мему́шка* и др. Это были ковши, совки, разливательные ложки, небольшого объема чаши или лопатки с короткой или удлиненной ручкой, предназначенные для зачерпывания и разлива жидкостей; совками же насыпали (крупу, муку).

В обиходе хозяйки на Руси названные предметы обихода издавна были распространены как обязательные, о чем свидетельствуют и рассказы современных респондентов (*У мяне́ до́ма ёсьть ади́н литро́вый каре́ц и ма́леньких штук шесть* [БОС: 163]).

С позиций синхронного подхода у одних единиц мотивация имеет место, у других отсутствует, например, для лексемы *выливáшка* – «разливательная деревянная ложка; половник» [БОС: 62] – в качестве производящего выступил глагол *выливáть*, как и для однокоренного одномодельного деривата *вы́ливка* – «деревянный ковш для вычерпывания воды из лодки» [БОС: 62]. В то же время на территории юго-запада Брянщины бытует и синоним слову *выливáшка*, это широко распространенное в русских говорах слово *коре́ц,* – «ковш для черпания воды, кваса и т.п., для питья воды». *Узя́у каре́ц дед, падливáу вады́ на ка́мни // Малако́ мо́жна у каре́ц нали́ть* [БОС: 163]. Он мог быть из различных материалов (дерева, глины, металла). В словаре П.А. Расторгуева есть указание на материал, из которого изготовлено изделие: *«карэ́ц* –железная кружка, ковш» [Расторгуев 1973: 133]. Кроме того, лексема функционирует в украинском и белорусском языках: *«карэ́ц* – ковш для питья» [Русско-белорусский словарь 1994: 639]; «*коре́ц* – кувшин для питья» [Головащук 2001: 559]. В этом примере мы наблюдаем твердый [р], т.к. для

белорусского языка характерна твердость звуков [ч]и [р], в то время как в украинском языке звук [р] чаще всего бывает мягким.

Л.А. Власова отмечает, что данная лексема «полидиалектна: употребляется и в южных, и в северных, и в среднерусских говорах» [Власова 2005: 78]. Широко распространена единица не только на юго-западе, но и на территории всей Брянской области.

Слово *лу́зик* – «деревянная ложка» [БОС: 189] – относим к типу устаревающих единиц, поскольку данный предмет уже отсутствует в домашнем хозяйстве (*лу́зик – э́та ло́шка, то́ка дириви́нныя*), однако в некоторых семьях есть деревянная ложка как сувенирная продукция, называется предмет посредством литературного словосочетания. В.И. Даль фиксирует слово *лу́зик* как новгородское и чухонское в том же значении, что и «Брянский областной словарь». Полагаем, что в данную группу наименований предметов, предназначенных для выполнения определенных функций, можно отнести и слово, представленное в нескольких фонетико-грамматических вариациях, – *копы́стка, копы́сть, копы́сь, копы́стя* – «плоская деревянная ложка для помешивания теста» [БОС: 162]. Единицей с тождественным значением является слово *мешу́лка* – «лопатка для замешивания» [БОС: 198]. Данная лексема – суффиксальное производное от глагола *меша́ть*, в то время как абсолютный синоним, названный выше, – непроизводное с позиций синхронии слово. Из 8 единиц данной подгруппы 3 мотивированы (2 – производные суффиксального типа, 1 – префиксально-суффиксального). Большая часть диалектизмов данной подгруппы уже не используется жителями ввиду отсутствия реалий, такие лексемы относим к типу устаревающих диалектизмов.

2.2. Наименования хозяйственной утвари, предназначенной для домашних животных

В отдельную группу диалектных лексем, называющих различные ёмкости, мы вынесли единицы-номинанты утвари, предназначенной для кормления или поения животных. К названной группе относим слова: *дада́н, жало́б, комя́га, ря́шка/ ря́жка, уры́льник* – 5 единиц.

Лексема *уры́льник* на Брянщине обозначает «корыто для корма животных» [БОС: 333], в то время как в пензенских говорах и ряде других это своеобразная ёмкость с водой для умывания (человека), очень большой чайник с двумя ручками по бокам, за которые он подвешивался. Это суффиксальный дериват от слова *рыло* – «морда животных» [ТСД -3: 199]. Синонимом к брянскому слову *уры́льник* выступает диалектизм, функционирующий в двух фонетических вариантах, – *ря́шка/ря́жка*. Детализация семантического наполнения диалектизма *ря́шка, ря́жка* – «низкая деревянная посуда с двумя деревянными ручками и корыто для кормления скота, свиней» – по отношению к *уры́льник* осуществляется посредством сем ‘низкая’, ‘деревянная’ (посуда), ‘с двумя деревянными ручками’, (для кормления) ‘скота’. Единица *ря́шка/ря́жка* не мотивирована.

Каро́ва ря́шку пиривярну́ла [БОС: 290]. Следует отметить, что в ряде населенных пунктов пограничья этот предмет использовали не только для кормления скота, но и для иных нужд, что проявляет иллюстративный материал Брянского областного словаря, например: *Бы́ли у база́ри, купи́ли ря́шку у ба́ню хади́ть // Ря́шка с са́лам у мине́ стаи́ть у чула́ни* [БОС: 290].

С гиперсемой ‘корыто’ на юго-западе Брянщины известны также лексемы *же́лоб/жало́б* и *комя́га*. В системе языка наличествует такое значение слова *же́лоб* – «разрезанная вдоль трубка для стока воды или иной жидкости» [ТСД – 1: 877]. Семантика фонетического диалектизма *жало́б* – «корыто, из

которого поили коней» [БОС: 102] – мотивирована компонентами ‘ёмкость’, ‘для воды’ узуальной единицы и получила расширение за счет сем ‘поили’, ‘коней’.

Слово *комя́га* известно в ряде русских говоров, что фиксирует В.И. Даль [ТСД – 1: 242]. От лексикографического варианта брянское слово отличается только семой ‘большое’: *комя́га* – «выдолбленное из дерева большое корыто для кормления и поения скота» [БОС: 160]. Мотивация непрозрачна.

Трудно отнести к той или иной ТГ субстантив *дада́н.* Это слово стоит особняком. На том основании, что значение его связано с животным миром, мы включили его в данную группу в качестве периферийного члена. Семантически затемнено значение субстантива *дада́н* – «специально устроенный широкий ящик или выдолбленная колода для содержания пчел; улей» (*Пчёлы в у́льях жыву́т, э́та прасто́й я́щик с кры́шкай, э́тат я́щик у́ский, а дада́н шы́ри, он на шыися́т саньтиме́траф и две лётки, типе́рь пчёлы в дада́нах жыву́т*) [БОС: 85]. В словаре В.И. Даля слово не отмечено. Из 5 единиц, номинирующих утварь, предназначенную для кормления животных, одно слово – *уры́льник* – префиксально-суффиксальное производное с ярко выраженной мотивацией, остальные члены парадигмы – единицы непроизводного типа, мотивация их затемнена.

2.3. Наименования хозяйственной утвари для сбора и кратковременного хранения продуктов

В говорах юго-запада Брянщины лексемы, называющие хозяйственную утварь из различных материалов, предназначенную для сбора и кратковременного хранения продуктов, представлены следующими единицами: *балса́нка, ка́йстра, кошара́, ко́рница, карда́бище, кашу́лка, набёрка, плехотка, сева́лка, севни́ца, севня́, то́рница, хату́ль/хаты́ль* – 13 единиц.

Большая часть из них – наименования корзин (*кошáра, кóрница, кардáбище, кашýлка, севáлка, севни́ца, севня́* – 7 лексем). Корзина – это «плетёное изделие, служащее вместилищем для чего-нибудь, например, для хранения, упаковки и переноски вещей» [СО: 234]. В этом состоит основное назначение указанных предметов. На территории юго-запада Брянщины корзины различают по размеру и функционированию, так, в качестве гиперонимов в данной группе будут выступать слова с тождественной семантикой: *кашýлка* – «*корзи́на*» и *плехóтка* – «плетеная корзина» [БОС: 247]; небольшая плетёная корзина – это *кошáра,* в то время как большая корзина – это *кардáбище.* Лексема *кошáра* по отношению к *кашýлка* и *плехóтка* содержит дифференциальную сему ‘небольшого размера’, напротив, слово *кардáбище* включает в семный состав компонент ‘большого размера’, на что указывает и размерный суффикс *–ищ-*.

В говоре представлена довольно широкая дифференциация корзин, например, *тóрница* – «плетенная из лозы корзина или лукошко» [БОС: 324]; *набёрка* – «корзина для сбора ягод или грибов, сплетенная из бересты, лукошко» [БОС: 207]. В.И. Даль фиксирует однокоренное диалектное *набúрка* и фонетико-грамматический вариант *набúрок* как производное от глагола *набирать*. В северных и восточных говорах слово функционирует в том же значении, что и в брянских говорах.

С позиций синхронии названная выше лексема *тóрница* выступает как непроизводная, в то время как субстантивы-варианты *севáлка, севни́ца, севня́* – «лукошко или небольшая корзина продолговатой формы для ручного сева; изготовлялись из лубка, соломы или прутьев» [БОС: 294] – мотивированы глаголом *сéять*, что репрезентировано лексическим значением. В синхронии слово утратило свою активность, перешло в пассивный запас, т.к. с наличием техники ушла в прошлое необходимость сеять вручную.

В данной группе ЛЕ нами отмечен полисемант *кáйстра***,** прямое значение которого, – «мешок или сумка и их содержимое» (*кáйстра памéньшы*

мяшка́, з ля́мками, с халста́ шыю́ть) [БОС: 130]. Второе значение – «ёмкость для хранения продуктов, жидкостей, керосина и т.д. и её содержимое» [БОС: 130]. Слово непроизводное. Как синоним к первому ЛСВ полисеманта *ка́йстра* выступает субстантив *хату́ль/хаты́ль*, м. – «сумка или котомка и сложенные в них вещи». (*Ты сабра́ла сваé хатули́ у го́рат? Мяне́ дачка́ хаты́ль харо́шый з го́раду привязла́*) [БОС: 337]. В качестве синонима ко второму ЛСВ в говорах Брянщины используется также слово *балса́нка* – «ёмкость для керосина».

Таким образом, в кругу лексем (13 единиц), номинирующих хозяйственную утварь из различных материалов, большую часть составляют наименования корзин; это немотивированные непроизводные единицы; 3 субстантива – суффиксальные дериваты с прозрачной мотивацией, 1 слово – мотивировано семантикой деривативного морфа. Среди лексем данной подгруппы отмечены полисеманты и устаревшие слова.

2.4. Наименования орудий и приспособлений для выполнения определенных работ

Группу существительных, номинирующих предметы бытового инвентаря, предназначенные для выполнения каких-либо работ, представляет широкий круг единиц с разнообразной семантикой *(видёлка, во́лок/ волоку́ша/волоцня́, вью́ха, вязьмо́, гладе́льник, грабцы́/грабки́, дёргалка, до́нце, жа́мка*[2]*, жарли́ца, разго́нка, серпоре́зка* и др.). Мы посчитали возможным объединить их в одну подгруппу на основе интегральной семы ‘приспособления для’, например: *во́лок, волоку́ша, волоцня́* – «приспособление для перетаскивания малых укладок сена к стогу, состоящее из двух длинных жердей, скрепленных на концах, присоединенных к повозке и волочащихся по земле» [БОС: 55].

Так как процесс заготовки сена предполагал выполнение ряда конкретных действий посредством определенных приспособлений, то каждое из орудий труда было номинировано отдельной лексической единицей, например, *волоку́ша, грабцы́* и др.

Субстантив *грабцы́* – суффиксальное производное от глагола *гра́бить* – «грести граблями, сгребать в кучу» [ТСД – 1: 638]. В.И. Даль отмечает также дериват *грабки́* – «род грабель, приделанных к косе с длинными вытянутыми по косе зубьями для кошения хлеба, овса, ячменя» [ТСД – 1: 638]. Фонетический вариант *грабцы́* имеет аналогичную семантику с дополнительным компонентом ‘укороченный’: «деревянные укороченные, приделанные к косе грабли-зубцы, предназначенные для скашивания зерновых культур (*Грабца́ми ко́сять ня се́на, а ячме́нь, авёс, привя́зують к каса́ зупцы́ и яна́ кладе́ ро́вninька, як жа́тка у машы́ни*) [БОС: 78]. Второе значение полисеманта – «приспособление в виде решётки (или скреплённых палочек) к косе для косьбы ржи и высоких трав: *А як пайдём каси́ть, и к каса́ привя́зывають грапцы́ // У грапца́х пе́рвая па́лачка дли́ншы, другая́ каро́чи, пато́м ще каро́чи. // Па́лачки у грапца́х ни то́встыи, штоп каса́ лёхкая была́. // Ни́тачками или шво́риками грапцы́ привя́зывали к касави́щу для кре́пасти* [БОС: 78]. Таким образом, примеры иллюстрируют возможность развития многозначности диалектизмами, бытующими на юго-западном пограничье Брянщины.

В диалектной среде известны также субстантивы, номинирующие приспособления временного характера (своего рода «расходники»), с конкретизацией семантики, как, например, слово *вязьмо́* («жгут из стеблей злаковых растений или из соломы для связывания снопов; перевясло» [БОС: 64]). Мы посчитали возможным рассмотреть лексему в данной группе вследствие наличия в её семантике компонента ‘предназначенный для’. Вместе с тем в речи диалектоносителей бытуют слова, обладающие широким

семантическим спектром: *жáмка*[2] – «приспособление для отжима чего-нибудь» [БОС: 102] и др.

Некоторые единицы данной подгруппы относятся к разряду устаревших, например, *вьюхá* – «приспособление для наматывания канатов и веревок в виде вращающегося на оси тонкого короткого бревна, к концам которого прибиты деревянные крестовины» [БОС: 60]; *дóнце* – «доска, в которую втыкается гребень или рогатка и на которой сидит пряха» [БОС: 92] (предмет отсутствует в арсенале жителей порубежья, но представлен в музеях города Новозыбкова (Брянская область, Россия) и города Ветки (Гомельская область, Белоруссия), как и *разгóнка* – см. ниже); *умя́лица* – «орудие, которым мяли лён, мялица» [БОС: 332]; *разгóнка* – «соха для окучивания картофеля» [БОС: 281]; *серпорéзка* – «приспособление для измельчения соломы» [БОС: 296]. Названные выше лексемы утратили свою активность в народном языке вследствие экстралингвистических факторов: номинированные предметы стали невостребованными в быту, многие из них отсутствуют среди хозяйственного инвентаря диалектоносителей, их названия помнят только респонденты преклонного возраста.

В говорах юго-запада Брянщины известны и диалектизмы-полисеманты: *грабцы́, держáлка/ дéржка, емкú, коромы́сел*.

Так, в литературном языке представлено слово *коромы́сло* – «деревянная плоская дуга с выемками или крючками на концах для ношения вёдер или иных тяжестей на плечах» [СО: 255]. С тем же значением в брянских говорах известны фонетические варианты – *коромы́сел* и *корóмысел* (*Схадú вады́, лýччи с карóмыслам, срáзу два вядры́ принясéш // Па ваду́ бáбы дáйжа тяпéрь хóдять с карамы́слами)* [БОС: 164]. Второй ЛСВ полисеманта – «длинный шест у колодца, служащий рычагом при подъёме воды» – также согласуется со значением слова в системе языка (*За карóмысял дяржы́сь и вядрó апускáй, а тяпéрь падымáй, во и усё, и набярéш вады́)* [БОС: 164]. Однако третье значение слова – «деревянная палка, которая крепится к плугу/бороне и

соединяется с гужами в упряжи лошади (чтобы избежать натирания боков животного во время работы)» – не зафиксировано в других говорах, не отмечено и в словаре В.И. Даля [ТСД – 2: 273]. Данное значение лексической единицы сформировалось на основе предыдущих, о чем свидетельствуют интегральные семы ‘деревянный’, ‘шест/палка’, а также – ‘с выемками на концах’ (*Принясúкарóмысял, бýдим лóшадь запрягáть*). В названном значении усматривается контаминация семантики первого и второго ЛСВ полисеманта.

Слово *ёмка* (чаще мн. *емкú*) известно не только в брянских, но и курских, владимирских и др. говорах в значении «ухват» [ТСД – 1: 856]: *Я ёмкой щас ня пóльзуюсь, пéчку ужó ни таплю́, газ у минé щас ёсть // Ёмкай гарячия чугуны́ с печú вытя́гуим // Ямкú есьть у нас, штоп гаршкú да чугуны́ с печú вынимáть // Што ямкú, што вúлки, éта усю днó // Узя́нь в углé ямкú ды дастáнь кáшу с печú* [БОС: 100].

Употребление второго ЛСВ слова *емкú* – «кочерга» – характерно для юго-запада Брянщины: *Вы́гряби ёмкай залýс печú // Ёмкай дровы́ мяшáють гаря́щия, залýвыгáртуять* [БОС: 100].

Нами отмечены многозначные диалектизмы, в семантическом наполнении которых одно из значений устарело, в то время как другое активно употребляется в народном языке. Например, полисемант *держáлка/дéржка* – «1. подставка для лучины» [БОС: 87]. Это слово перестало быть актуальным только в первом значении, второй ЛСВ – «перила» [БОС: 87] – функционирует в диалектной среде. Полагаем, что мотиватором для первого значения выступил глагол *держáть* – «поддерживать, сохранять в определенном положении» [СО: 138], для второго – глагол *держáться* – «приложив руку к какому-либо месту, сохранять ее в этом положении» [СО: 138]. Таким образом, в диалектах в процессе словообразовательных актов были широко использованы возможности литературного языка, о чем свидетельствует, в частности, семантическое наполнение слова *держáлка/дéржка*.

Среди номинаций различных приспособлений зафиксированы лексические единицы, наличие которых свидетельствует о большей по сравнению с литературным языком конкретизации наименований артефактов, что усматривается, например, из следующих лексем: *кош* – «рыболовная снасть» (*кош плятéцца с пру́ттев, ка дну схóдить у́жэ, в дне дéлаецца двéрьки с пру́ттев, штоп аткрывáть и рып выкúдывать*) [БОС: 168]; *кры́га* – «сеть для ловли рыбы» [БОС: 173]; *жарлúца/жарлéйка/жарлúка* – «рыболовная снасть для ловли щуки и другой хищной рыбы» [БОС: 102]; *дёргалка* – «приспособление для ловли рыбы зимой» [БОС: 87]. Если слова *кры́га, жарлúца/жарлéйка/жарлúка* не мотивированы с позиций синхронии, то *дёргалка* – отглагольное производное (суффиксальный дериват от основы *дёргать*). Лексические единицы включают в свою структуру интегральные семы ‘приспособления для’, ‘ловли рыбы’ и дифференциальные – ‘(ловли) щуки и другой хищной рыбы’, ‘(ловли) зимой’ и на имплицитном уровне – способ ловли – ‘(методом) дёргания’.

Ряд диалектизмов – отглагольные производные, называющие способ производства самих приспособлений, предметов для выполнения определенной деятельности, например, слово *вру́бышек* – «небольшой обрубленный круглый кусок дерева, служащий опорой при задвигании тяжестей в русскую печь» [БОС: 57] – префиксально-суффиксальный дериват от глагола *рубúть/ обрубúть*.

В юго-западных говорах отмечены и единицы, мотивированные глаголами, указывающими на предназначение, основную функцию предмета: *жигáло* – «раскаленный металлический стержень для прожигания отверстий» [БОС: 105]; *качáлка* – «валёк или круглый брусок, приводящий что-либо в движение» [БОС: 143]. Здесь в импликационале имеет место сема ‘качание’. Например: *Бис качáлки пря́лка крутúцца ня бу́дить* [БОС: 143]. Нами отмечены и отсубстантивные производные: *водóшня* – «веревка, с помощью которой достают воду ведром из колодца» [БОС: 53].

В данную группу мы включаем также и более сложные в семантическом и структурном плане единицы (по сравнению с названными выше), номинирующие приспособления, например, *волноби́тка, волнобо́йка, волнобо́йница, волнодёрка, волноду́й, волноду́йка, волнотёпка, волночёс* и др. *Волночёска* – «станок для чесания шерсти, состоящий из вращающихся по кругу деревянных вальков с проволочными щетками» [БОС: 54]. Вторые компоненты тождественных друг другу композитов мотивированы соответствующими глаголами (*бить, драть, дуть, чеса́ть; тёпать* – «тянуть»), в то время как первый корень, повторяющийся в каждом слове, – *во́лн(а)* – «шерсть» [ТСД – 1: 395]. В словаре В.И. Даля лексема дана с пометой «старое», однако она функционирует в диалектах, в т.ч. может быть использована и в качестве производящей базы для сложных слов, как показывают названные выше единицы. Слово не относим к разряду устаревших, т.к. предмет (называемый по-разному в различных населенных пунктах пограничья) активно используется и сейчас женщинами, в частности, среднего возраста в семьях, как правило, имеющих овец.

На территории пограничья известны и лексемы-композиты, обе части которых мотивированы глаголами, что противоречит языковой системе, например, *чесадёрня: На валнодёрни дра́ли куде́ли, яна́ як чисадёрня, то́ки чу́ть то́ньшы и ади́н ва́лик* [БОС: 350, 54].

В юго-западных говорах Брянщины имеют место субстантивы-номинации устройств по общности функции; лексемы указывают на способ воздействия приспособления на объект, так, *корчёвка* – «орудие типа мотыги, которым корчевали пни» [БОС: 164]; (мотиватор – глагол *корчева́ть*); *увя́зка* – «веревка для закрепления груза» [БОС: 330]; (мотиватор – глагол *увяза́ть*); *про́совень* – «металлический стержень для закрывания ставней» [БОС: 276]; (мотиватор – глагол *просу́нуть/просо́вывать*); *распа́шка, распашни́к* – «плуг для окучивания картофеля» [БОС: 283]; (мотиватор – глагол

распаха́ть/распа́хивать); *скрежа́к* – «острая лопата для соскабливания чего-либо, скребок» [БОС: 299]; (мотиватор – глагол *скрести́*) и др.

Из данного типа лексем к устаревшим относим слово – *мя́лка* – производное от глагола *мять*, указывающее на способ действия предмета (это ручное устройство для очистки волокон льна, пеньки от стеблей) на сырьё.

Название ручного устройства для очистки волокон льна, пеньки от стеблей номинировано. Слово относим к разряду устаревших, поскольку в настоящее время лён, пеньку очищают промышленным, а не ручным способом. Ни у кого из наших респондентов не сохранилась в хозяйстве данная реалия.

Известные узусу лексические единицы, номинирующие различные орудия труда, представлены в брянских юго-западных говорах следующими субстантивами: *капани́ца, секи́ра, чека́н, виде́лка/видёлка/ви́лка, гноя́с* и др. В данном ряду слова *капани́ца, секи́ра, чека́н* мотивированы соответственно глаголами *копать, сечь, чеканить*. Так, *капани́ца* – «орудие для прополки, тяпка» [БОС: 137]; *секи́ра, чека́н, мамýра* – «топор» [БОС: 195, 294, 349].

В брянских говорах нами отмечены мотивированные, но неизвестные литературному языку диалектные единицы, – *лопа́точник, пришпи́лька, пруткú* и др. Лексема *лопа́точник* – «приспособление для правки кос» [БОС: 188] – производное от узуального *лопа́та/лопа́тка* – обозначена вследствие сходства предметов по форме; *пруткú* – «вязальные спицы» [БОС: 277] – результат метафорического переноса одного из ЛСВ узуального слова *прут* – «тонкая, жидкая палочка, выделанная из чего-либо» [ТСД – 3: 883].

По функциональному признаку обозначена лексема *пришпи́лька* – «булавка, шпилька» [ТСД – 3: 774] – суффиксальный дериват от узуального глагола *пришпи́лить* – «приколоть шпилькой, булавкой». В этом же значении слово функционирует и в ряде русских говорах, и на юго-западе Брянщины, где также известна и непроизводная единица *пи́нка* – «булавка». *Прищапи́ хва́ртук пи́нкай* [БОС: 54].

В данной семантической группе отмечены также лексемы с затемненной мотивацией. К их числу относим слова *виде́лка/видёлка/ви́лка, гноя́с, ру́бель. Виде́лка/видёлка* – «ручное сельскохозяйственное орудие, состоящее из двух и более длинных деревянных или металлических зубьев на длинной деревянной рукояти и предназначенное для подъема, переноса, разбрасывания сена, соломы, навоза и пр.» [БОС: 50]; *гноя́с* – «деревянные вилы» [БОС: 73], *ру́бель* – «утюг» [БОС: 288]; *ско́пичь* – «приспособление для сбрасывая или набрасывания навоза» [БОС: 299]; *коржо́к* – «серп» [БОС: 163]; *про́торга* – «игла для пошива» [БОС: 276]; *ко́дол* – «цепь или канат, которым перетягивают стог» [БОС: 150]; *литóвка¹* – «коса с длинной прямой рукояткой» [БОС: 186]; *манта́чка* – «узкая дощечка, наполовину покрытая с обеих сторон абразивным материалом; брусок для точения косы» [БОС: 195]; *гага́чики,* только мн. – «грабли» [БОС: 66] и др. (*Се́на яшче́ ня дагряблі́, а гага́чыки папалама́лись, кляцы́ усе́ вы́скачыли // Касу́ но́ваю купі́у, манта́чка ста́рая // Пирякі́нь-ка чі́рис сто́ях ко́дал // Де́ти литóуку забра́ли, каси́ть бу́дуть // Вазьму́ каржо́к и пайду́ жать траву́*) [БОС: 66].

Нами отмечено: в различных населенных пунктах одного региона функционируют лексемы, номинирующие один и тот же предмет, при этом одно слово может быть немотивированным, другое – с прозрачной мотивацией, что наблюдается, например, в паре *ру́бель – гладе́льник* («утюг»).

Известны в юго-западных говорах и лексемы, представляющие фонетико-словообразовательные трансформации узуальных единиц, например, *ноже́нцы, но́жни* – «ножницы»; *цапóвка* – «цапка»; *ко́воротень* – «коловорот, инструмент для ручного сверления отверстий и др.». Диалектизмы могут быть и фонетически деформированными вариантами узуальных лексем, например, слово *чеко́лда* – «щеколда» (*Закры́й две́ри на чико́лду)* [БОС: 350].

Интерес для исследования представляют производные лексемы, мотивация которых в ряде случаев затемнена, семантически

неоднозначна/осложнена, например, слово *скрежа́к* – «острая лопата для соскабливания чего-либо, скребок» [БОС: 299], которое является производным от глагола *скрести*, выступившего в качестве производящего для ряда узуальных и диалектных единиц с аналогичным значением («орудие или подручная вещь для скребу, скребенья, скобленья и чистки чего»): *скребо́к, скребо́чек, скреба́ч, скреба́льник, скря́бка, скреба́лка, скреба́лочка, скребёлка, скребни́ца, скребни́чка* [ТСД – 4: 351]. Однако слово *скрежа́к*, отмеченное в юго-западных говорах Брянщины, не зафиксировано в других регионах, о чем свидетельствуют лексикографические источники, содержащие диалектные единицы. Осмелимся предположить, что в семантике данной лексемы наличествуют компоненты как глагола *скрежета́ть* – «издавать резкий скрипящий звук трением (металла о металл и т.п.)» [СО: 630], так и глагола *скрести́* – «чистя, тереть чем-то жёстким» [СО: 630]. Таким образом, в диалектном слове *скрежа́к* (*Астаро́жна са скрыжако́м, во́стрый, ще́ паре́жысся*) [БОС: 299] имеет место контаминация семантического и структурного уровня, что свидетельствует о высокой языковой компетентности диалектоносителей данного региона, утонченного восприятия реалий, продуцирующего создание максимально точной и емкой номинанации.

Не менее интересны и другие диалектизмы. Так, сложная по структурно-семантическому наполнению характеристика, включающая как функциональную, так и объектную направленность имеет место в слове *тя́жки*. Диалектизм *тя́жки* (в других районах области *гужи́*) – «ремни, при помощи которых плуг или борона прикрепляются к хомуту лошади» [БОС: 329] – восходит к глаголу *тяну́ть* – «вызывать силою на себя» [ТСД – 4: 747]. Полагаем, что в семантике субстантива наличествуют также и компоненты однокоренного прилагательного *тя́глый* (скот) – «возовой, упряжной, рабочий» [ТСД – 4: 749], а *тя́жки* – часть *у́пряжи*, т.е. «сбруи, всего ременного прибора для впрягания упряжной скотины» [ТСД – 4: 834]. Основанием для

различия узуального слова *у́пряжь* и диалектного *тя́жки* служат дифференциальные семантические компоненты ‘весь’ (ременной прибор)/‘часть’ (ременного прибора), ‘плуг или борона’(прикрепляются)/ ‘любые другие’ (приспособления).

Пограничная с Беларусью территория Брянской области и обусловленные географическим положением этносоциальные контакты населения способствуют проникновению в русский народный язык слов сопредельного белорусского литературного языка, выступающих, в том числе и в качестве производящих для русских диалектизмов. Так, известный в юго-западных говорах Брянщины диалектизм *граба́рка* в значении «совковая лопата» – единица, производная от белорусского *граба́рь* – «землекоп» [ТСД – 1: 637]. Брянский диалектизм *грабать* – «грести, сгребать граблями (сено)» [СБГ – 4: 78] – семантически отдален от слова *граба́рка*, что отражено в иллюстративном материале «Словаря брянских говоров» (1984) и «Брянского областного словаря» (2011): *Зярно́ гра́бають граба́рками, яны́ шыро́кия, удо́бна // Э́тат му́сар мо́жна вы́грести то́льки граба́ркой // Таки́я сугро́бы то́льки граба́ркай и разгрябе́ш* [БОС: 78].

В брянских говорах отмечены также диалектные единицы, мотиваторами для которых послужили другие диалектизмы. Так, слово *чапела́*, распространенное как на Брянщине, так и на других территориях, имеет фонетико-словообразовательные варианты, например, *ча́пельни́к* с тождественным значением – «сковородник» [БОС: 347]. В.И. Даль отмечает все единицы как производные от диалектного глагола *ча́пать* – «брать, хватать» [ТСД – 4: 960]: *Вазьми́ ча́пильник и вы́тяни скавараду́ с пе́чки // Чугуны́ дастаём йимка́ми, а скавараду́ бяре́ть чапильни́к // Чипяльни́к — у нас так заве́цца, што ско́варады с пе́чки вытя́гуим* [БОС: 347]. Однако только на территории брянско-гомельского пограничья слово является полисемантом, один из ЛСВ которого, – «дверной крючок»: *Закрыва́йтя две́ри на чипильни́к, а то камаро́у пазалати́ть* [БОС: 347].

Диалектизм *пра́льник* известен многим русским говорам в значении «валёк, для стирки белья на речке» [ТСД – 3: 632]. Лексема – производное от глагола *прать*, одно из значений которого синтаксически обусловленное, – «о белье: стирать, выминая, колотить вальком» [ТСД – 3: 631]. Способ действия этого предмета представлен в дефиниции посредством глаголов *вымина́ть, колоти́ть*. В брянских говорах *пра́льник* – это «плоский деревянный брусок с ручкой для выколачивания белья при полоскании; валёк»: *У старину́ мы люби́ли пра́льниками калати́ть на ре́чки биллё // А штоб бяллё чи́щи бы́ла, яво́ на́да пра́льникам бить* [БОС: 267]. Как следует из примеров респондентов, на Брянщине использовали данный предмет только для того, чтобы бельё бить, колотить, но не выминать, отсюда и особенности формы предмета – плоский брусок с ручкой. Данная реалия также выходит из употребления, а значит и из лексикона диалектоносителей.

На юго-западе Брянщине известен диалектизм, не отмеченный в других говорах, – *га́рчик*. По всей вероятности, слово *га́рчик* – «совок для смёта мусора» – суффиксальное производное от глагола *горта́ть* – «загребать» [ТСД – 4: 834] (*Тый га́рчик я у Бря́нску купи́ла, кагда́ к не́дачке е́здила, типе́рь у яго́ змита́ю*) [БОС: 68].

Наименование *семиру́чка* («маленькая коса») [БОС: 395] и *шестиру́чка* («коса с лезвием длиной в шесть четвертей») [БОС: 354] еще бытуют на территории пограничья (*Я сама́ ма́ленькая, и каса́ у мяне́ ма́ленькая – симяру́чка / Шыстиру́чка — каса́, када́ жыле́за длино́й ше́сть пя́дей)* [БОС: 354, 395]).

Как правило, диалектоносители знают, как тот или иной предмет называется в литературном языке и в их говоре, в речи нередко эксплицированы обе единицы или их производные: *Ра́ньшы у Злы́нки хва́брика была́, спи́шышная, запа́лки на хва́брики де́лали.*

Диалектизм *запа́лка* – «спичка» [БОС: 115] – суффиксальный дериват от глагола *запали́ть* (*Я адно́й запа́лкой сра́зу запалю́*), узуальное прилагательное

спи́чечный – синтаксический дериват отсубстантивного типа (от литературного слова *спи́чка*).

Таким образом, субстантивы, номинирующие предметы, предназначенные для выполнения каких-либо работ, – это широкий круг (57 единиц) с интегральной семой ‘приспособления для’, из числа которых 7 – композиты. Ряд слов – полидиалектные единицы – отглагольные суффиксальные производные, номинирующие и способ производства самих приспособлений, и их предназначение, и способ воздействия приспособления на объект. В названной группе доминируют слова с прозрачной семантикой, включающей значение производящей базы и словообразовательных формантов; производные с затемненной мотивацией немногочисленны; нами отмечены также фонетико-словообразовательные и фонетические деформации узуальных единиц; широко представлены (до 10 единиц) словообразовательные варианты диалектных лексем. В нескольких субстантивах имеет место контаминация семантического и структурного уровня, а также контаминация значения различных ЛСВ многозначного слова, что свидетельствует о высокой языковой компетентности жителей пограничья.

В брянских говорах отмечены также отдиалектные дериваты и производные от единиц белорусского литературного языка. Некоторые лексемы данной подгруппы являются устаревшими по экстралингвистическим причинам.

2.5. Наименования частей орудий труда.

В кругу диалектоносителей функционируют лексемы – наименования отдельных частей орудий труда/приспособлений для выполнения определенных работ (*ви́лошник, во́стрыня, держа́к/держа́нь/держа́, держа́лка, ди́ска, дю́бка, клепчи́на, крема́к* и др.).

В данной группе только грамматический диалектизм *ди́ска* («деталь бороны, имеющая вид плоского круга с зубчатыми краями» [БОС: 88]) мотивирован узуальным субстантивом *диск*, в семантической структуре которого имеет место тот же компонент (‘вид плоского круга’), что и в диалектном слове.

В ряду слов, номинирующих те или иные части предметов, нами отмечены именные производные, для которых мотиваторами послужили имена существительные или прилагательные, например, от узуального адъектива *о́стрый* образовано диалектное *во́стрыня* – «острие ножа» [БОС: 56]; *ви́лошник* («деревянная ручка для вил» [БОС: 50]) – отсубстантивный дериват от слова *вилы*.

Другие диалектные лексемы мотивированы глаголами, например, *клепчи́на* – «тонкая дощечка, из таких составляется бочка, кадка и др., подобная деревянная посуда; клёпка» [БОС: 148] – суффиксальный дериват от глагола *клепа́ть*. Слово *держа́* – «длинная деревянная рукоять косы, вил, ухвата и т.п.» [БОС: 87] – имеет словообразовательные варианты *держа́к, держа́нь* – суффиксальные дериваты от глагола *держа́ть* – «ухватив, не выпускать, удерживать» [ТСД – 1: 714]. Производные единицы близки по семантике однокоренному слову *держа́лка* – «ручка или рукоять, за что держат вещь» [ТСД – 1: 714]. В юго-западных говорах Брянщины слово включает в свою семантику дополнительные компоненты размерности – ‘длинный’, а также объектной направленности – ‘коса, вилы, ухват’. Полагаем, что на имплицитном уровне в слове *держа́лка* так же, как и в вариантах

держа́, держа́к, держа́нь есть компонент потенциального уровня ‘деревянный’.

По отношению к семантическому наполнению указанных слов лексема *ви́лошник* выступает в качестве гипонима, поскольку номинирует ручку/рукоять не любого предмета, а конкретного – *вил*.

Любопытно соотношение лексем *дю́бка* – «острие ножа, иголки и других остронаточенных предметов» [БОС: 99] и *крема́к* – «обломанный, затупленный нож» [БОС: 147], представляющее тандем оппозиций номинаций-артефактов.

Несмотря на то, что южнорусским говорам известен глагол *дю́бать* – «клевать» [ТСД – 1: 843], производные от него, кроме *дю́банный* – «наклеванный» – не зафиксированы. С учетом территориальной отдаленности Брянщины от юга России мы исключаем опосредованную мотивацию указанным глаголом брянского слова *дю́бка*. Полагаем, что с позиций синхронии её затруднительно установить и на уровне ассоциативных сем. Вероятно, в разных говорах речь идет об омонимии корней.

Не исключаем, что единица *крема́к* может восходить к узуальному субстантиву *кремень* только по потенциальному компоненту ‘крепкий’.

Известны случаи, когда в диалектной зоне синонимическую парадигму формируют слова с тождественным значением, т.к. в разных населенных пунктах одного региона бытуют различные номинации одного предмета, как правило, при этом одно слово выпукло демонстрирует производный характер и прозрачную мотивацию, другое – семантически затемнено. Например: лексемы *лопа́тнище* и *рато́вье* номинируют одну и ту же реалию, – «черенок лопаты/ ручку для лопаты» [БОС: 188, 285]. Единица *лопа́тнище* представляет собой фонетически трансформированное слово *лопати́ще* – «черенок, древко» [ТСД – 2: 441], *рато́вье* – непроизводная лексема, слово не зафиксировано в русских, украинских и белорусских словарях литературного языка.

Слова, номинирующие те или иные части предметов быта, до сих пор являются активными в говорах, например, *кубато́к* – «нижняя часть кувшина» [БОС: 174]; *при́конец* – «наконечник кнута» [БОС: 270]; *почёпка* – «веревка для подвески и качания детской колыбели» [БОС: 266].

Из названных ЛЕ слово *при́конец* мотивировано узуальной лексемой (словом *конец*).

Просматривается мотивация диалектизма *кубато́к* корнем *куб-* общеславянского происхождения. Н.М. Шанский полагает, что все слова с данным корнем восходят к греческому *cymbos* – «кубок, чаша» [Шанский, Боброва 1994: 158]. М. Фасмер отмечает родство древнерусского корня *куб* – «сосуд для питья» – с украинским *куб* – «деревянная посудина» [Фасмер URL]. Все диалектные лексемы с названным корнем близки по семантике, однако только на юго-западе Брянщины отмечена единица с корнем *куб*, обозначающая не целый сосуд, а его часть («нижняя часть кувшина»).

Полагаем, что *почёпка* – фонетический вариант диалектного слова *поце́пка* и грамматико-фонетический лексемы *поце́п*, значение которых, – «о́чеп колыбельный» [ТСД – 3: 610]. *Пачёпками лю́льку цыпля́ли. Ма́тка уде́нить нагу́ у пачёпку и калыха́ить кали́ску // Чаты́ри вугла́ у лю́льки и чаты́ри пачёпки* [БОС: 266]. В настоящее время известны многочисленные разновидности колыбелей для новорожденных, в т.ч. и таких, что имеют приспособления с функцией *почёпки*. Не исключено, что в сельской местности современная реалия, не имеющая номинативного статуса, будет продолжать называться диалектным словом *почёпка*. Таким образом, лексическая единица демонстрирует возможность миграции из активного запаса в пассивный и обратно в диалектной зоне, что согласуется с тенденциями в литературном языке (см. судьбу слов *губерна́тор, ботфо́рты* и др.).

Таким образом, в кругу субстантивов, номинирующих те или иные части предметов (16 единиц), частотность проявляют отыменные производные, которым уступают отглагольные дериваты. Среди единиц названной ТГ,

активны фонетические и грамматические варианты диалектизмов; прослеживаются синонимические парадигмы, поскольку в разных населенных пунктах одного региона функционируют различные названия одного и того же предмета; четко выступают гиперо-гипонимические отношения.

2.6. Наименования тканей и частей ткани

Наряду с названными выше предметами, необходимыми в быту, важную роль в жизнеобеспечении человека играли ткани и различные текстильные изделия.

В диалектной зоне юго-запада Брянщины представлены лексемы, номинирующие ткань: *дербе́нь, дермони́н, дерьмо́, де́рька, дерю́га, дерю́жечка, дерю́жина, дерю́жка*, *ла́стик*. Как правило, эти единицы (за исключением слова *ла́стик*) называли толстый льняной грубый домотканый холст, который в настоящее время трудно найти. Единицы, не развившие многозначность (*дербе́нь, дермони́н, дерьмо́, де́рька, дерю́жина*) относим к типу устаревших. Лексемы *дерю́га/ дерю́жка,* производное значение которых «подстилка из такого холста», функционируют в активной зоне узуса. В юго-западных говорах Брянщины имела место только одна лексема, номинирующая тонкую праздничную ткань, – *ла́стик* – «хлопчатобумажная ткань с блестящей лицевой стороной; сатин» [БОС: 181]: *Бага́тыя была де́ука, з ла́стика ко́хты наси́ла // Ла́стик бы́у ра́зных цвято́у, краси́вый // И митка́ль, и ла́стик – усё купля́ли* [БОС: 181].

На пограничье известны лексические единицы, называющие лоскуты ткани: *доло́нка, де́жни́к.* Данные лексемы мотивированы: первая восходит к устаревшему *доло́нь* – «ладонь» (*доло́нка* – «полоска материи»), что дает возможность предположить номинацию узкого лоскута; вторая – суффиксальный дериват от *де́жа,* что проявляет семантика слова (*де́жни́к* – «кусок холста или материи, которым накрывают дежу»). По всей вероятности,

это был широкий, но не длинный лоскут, размеры которого позволяли накрыть кадушку, бочку.

В названную группу включаем ЛЕ, называющие предметы/изделия из ткани, представляющие собой прямоугольный кусок/отрезок ткани либо во всю ширину полотна, либо определенного размера: *боговни́к, набо́жник*, *подбо́жник*, *надвоко́нник(и), на́ки́д, надподу́шник, попо́нка, пости́лка, утира́льник, ути́рка, ши́рма.*

Все представленные единицы мотивированы. Лексемы *на́ки́д, пости́лка, утира́льник, ути́рка, утирич* – соответствующими однокоренными глаголами, *боговни́к, подбо́жник, надподу́шник, набо́жник*, *надвоко́нник(и), попо́нка* – однокоренными субстантивами; значение слова *ши́рма* – результат метафорического переноса (от узуального *ши́рма* – «комнатная складная переносная перегородка из рам, обтянутых материей» [СО: 777]. Ср. брянское диалектное *ши́рма* – «занавеска, полотнище из ткани для занавешивания чего-нибудь» [БОС: 355]).

Лексемы *на́ки́д, попо́нка* имеют близкое и/или тождественное значение: *на́ки́д* – «покрывало, ткань для покрытия чего-нибудь»: *На́кид на карава́ть ся́дни но́вый купи́ла на́да тяпе́рь на дива́н, а гро́шай на усё нима́* [БОС: 213]; *попо́нка* – «тканое полотно из кусков, используемое как простыня, покрывало, платок»: *На карава́ти во ляжы́ть папо́нка* [БОС: 259]. Семантика второго члена данной синонимической парадигмы уточнена за счет конкретизирующих вид и структуру предмета компонентов ‘тканое’, ‘из кусков’, и функций: ‘используемое как’ ‘простыня’, ‘покрывало’, ‘платок’.

Префиксально-суффиксальное производное *надвоко́нники* с фонетической деформацией корня *окн*(о́) («небольшие вышитые занавески вверху окна» [БОС: 208]) служит средством номинации уходящей в прошлое реалии, на что указывают сами информанты: *Надвако́нники маé суси́м ста́ринькия ста́ли // Надвако́нники ужо́ ни ве́шають над во́кнами, тяпе́рь што́ры дли́нныя*. Лексему относим к типу устаревающих, как и *наподу́шник* –

«накидка на подушки» [БОС: 210]. *Наподу́шник* служил средством украшения постели и комнаты в целом: *Наподу́шников тады́ ни было́, мы на́валки вы́шытыя надива́ли* [БОС: 210].

На территории пограничья бытуют однокоренные лексемы, называющие однофункциональные предметы различной объектной направленности, например, *утира́льник* и *ути́рка.* В качестве абсолютного синонима слову *утира́льник* («полотенце») выступает другая диалектная единица, широко распространенная в различных говорах, – *рушни́к* (*Хто как называ́ить, хто рушни́к, а хто утира́льник// Утира́льники па канца́м вы́шытыя бы́ли ли́ба христо́м, ли́бо гла́ддю*). Однокоренное *ути́рка* – «тряпочка для вытирания рук» [БОС: 334]. При этом *ути́рка* – однозначное слово, а *утира́льник* – полисемант, второе значение которого, – «носовой платок»: *Палажы́ утира́льник у карма́н // Нос вы́тяри, во табе́ утира́льник* [БОС: 335]. Значение «носовой платок» закреплено и за диалектизмом *сува́к* (*Вытри нос сува́ком*). Таким образом, лексемы *утира́льник* (второй ЛСВ) и *сува́к* структурируют синонимическую парадигму слов с тождественный значением.

В качестве синонимов-дублетов функционируют на территории юго-запада Брянщины и однокоренные лексемы *набо́жник, боговни́к* – «полотенце на иконы» (*Багавники́ вышыва́ють краси́вымі тьвита́ми // Багавники́ то́жа дава́ли у прида́ная*) [БОС: 28, 211, 251]. Слово *боговни́к* – полисемант. Первичное значение лексемы – «полочка, на которую ставят иконы; божница». В отличие от лексем, названных выше, субстантив *подбо́жник* номинирует реалию, которую стелют на полочку, затем на неё ставят иконы, т.е. *подбо́жник* – это «полотенце под иконы». Все тканые украшения для икон на территории брянско-гомельского пограничья структурно и семантически мотивированы, как и префиксально-суффиксальные производные от основ *окн*(о) и *подушк*(а), что свидетельствует о языковой компетенции диалектоносителей.

На пограничье функционирует и слово *наку́тник* – «занавеска перед иконами» [БОС: 213]. Если полотенцем (*боговни́ком, набо́жником*) украшали непосредственно иконы, то *наку́тник,* как и *подбо́жник,* помещался перед ними, украшая *кут* – красный угол. Таким образом, лексема *наку́тник* – префиксально-суффиксальный дериват, мотивированный диалектным словом *кут.*

Лексема *кут*, известна на территории юго-запада Брянщины, граничащей с Беларусью, в значении «правый угол комнаты, где находились иконы» [БОС: 178]. В белорусском языке *кут* – «край». Таким образом, семантическое наполнение субстантива русского пограничья не имеет пересечений ни со значением белорусского слова, ни со значением его в других говорах Брянщины. Например, в центральных районах области *кут* – «угол чего-нибудь, например, скамейки, дома» [БОС: 178], в северных – «настил из досок, застеленный покрывалом, скатертью, где размещали покойника до того, как положат в гроб, после чего гроб с телом оставляют на этом же настиле» [БОС: 178], т.е. «на куту». Полагаем, что интегральной для данных ЛСВ диалектизма *кут* будет сема ‘угол’, эксплицированная в одних или представленная в имплицитной зоне в других значениях.

Таким образом, ткани и лоскуты (изделия) из различных тканей в виде прямоугольного отрезка представлены на территории Российско-Белорусского пограничья небольшим количеством лексем – 21. Все субстантивы имеют производный характер, мотивированы либо глаголами, либо существительными.

Лексемы *на́ки́д, посте́лка, утира́льник, ути́рка, ути́рич* мотивированы соответствующими однокоренными глаголами, *боговни́к, подбо́жник, надподу́шник, набо́жник*, *надвоко́нник(и), попо́нка* – однокоренными субстантивами; значение слова *ши́рма* – результат метафорического переноса (от узуального *ши́рма* – «комнатная складная переносная перегородка из рам,

обтянутых материей» [СО: 777]. Ср. брянское диалектное *ши́рма* – «занавеска, полотнище из ткани для занавешивания чего-нибудь» [БОС: 355]).

2.6.1. Наименования одежды

Одежда всегда составляла сферу предметов первой необходимости. Названия различных видов одежды номинируют как гиперонимы *одёжа, одёвка, надёвка* (в значении «одежда»: *Наки́нь хать каку́ю-нибу́дь надёуку, што разде́тая на двор бягу́ш // Яка́я у нас адёука: во кухва́йка да ва́лянцы*), так и многочисленные гипонимы: *ватóвка, душа́тка, кухва́йка, плю́шка, спóдница, трёххвóстка* и др. (*Паддява́й душа́тку пат кухва́йку.*)

Субстантивы данной ЛСГ можно классифицировать, исходя из различных критериев: зимняя/летняя, мужская/женская, новая/старая, домашняя/праздничная и т.д.

Теплая одежда: *ватóвка, душа́тка.* Все указанные лексемы – суффиксальные производные, мотивированные однокоренными субстантивами. *Ватóвка/ватóвца* – «стёганая ватная куртка; ватник» (*Наки́нь ватóуку, а то хóлодна // У ватóуцы хóдим узи́мку, у е́й тёпла, яна́ гре́ить)* [БОС: 43]. *Душа́тка* – «род одежды без рукавов и воротника; безрукавка» (*Душа́тки нóсять и мужыки́ и ба́бы*) [БОС: 98].

Противопоставленными по назначению были устаревающие в синхронии субстантивы *вре́тище* и *обнаря́да,* ср.: *вре́тище* – «одежда, сшитая из веретья, т.е. толстой грубой ткани, дерюги»: *Вре́тища на гаро́д надива́ли* [БОС: 57]. Фонетический вариант брянского диалектизма *вре́тище* субстантив *вере́тье* был широко распространен на территории России (в говорах Владимирских, Ярославских, Новгородских, Псковских, Тверских, Курских и мн.др.) в значении «грубая ткань, изготовляемая из оческов льна, пеньки и употребляемая в качестве подстилки, полога <…> *вере́тье* не сшивали в мешок, а прямо расстилали на возу» [СРНГ - 4: 141-142]. Дифференциация семантики лексем констатирует: на юго-западе Брянщины сельские жители

были значительно беднее, чем в других регионах, где не использовали грубую, дешевую ткань для пошива одежды.

Слово *обнаря́да* – «праздничная одежда или наряд» [БОС: 232]. Безусловно, *вре́тище* тоже могло быть новой одеждой в каком-то период, однако антитетичность лексем репрезентирована на уровне сем, указывающих на ее предназначение: если *вре́тище* – рабочая одежда, то *обнаря́да* – праздничная. Мотиватор субстантива *обнаря́да* – глагол или прилагательное («нарядиться, нарядный») – здесь возможна двойная мотивация; диалектизм – префиксально-суффиксальное производное.

К отыменным единицам относится и одноструктурное с *обнаря́да* слово *обно́вина* – «новая одежда».

В немногочисленной группе лексем, номинирующих одежду как для женщин, так и для мужчин, нами отмечены слова, претерпевающие в синхронии процесс устаревания, о чем в речи респондентов свидетельствуют также контекстные актуализаторы в прошедшем времени, например, *хо́дили, надева́ли* и т.д.

2.6.2. Наименования женской одежды

Среди единиц, называющих одежду, наиболее продуктивны наименования женской одежды. К первой подгруппе относятся: *за́пинка, ко́хта, понёва, трехво́стка, сподни́ца/ испо́дница, красни́ца, плю́шка, шандо́ра, саян* и др., а также многочисленные названия различных видов платков (*ху́стка/ху́ста, гаруcóвка, ка́нка, левонти́нка, поплине́тка* и др.).

Субстантив *испо́дница* и фонетический вариант *сподни́ца* – суффиксальные производные от просторечного слова *испо́дний* – «нижний, находящийся под чем-то другим» [СО: 220]. Семантика диалектизма структурно мотивирована: *сподни́ца* – «нижняя женская одежда (юбка,

рубашка)»: *Папра́в сваю́ испадни́цу, а то ви́дна // А спад ю́пки ще спадни́цу вида́ть* [БОС: 308].

Интересно в семантическом отношении сложно-суффиксальное производное многозначное слово *трехво́стка.* Семантика первого ЛСВ слова непрозрачна: «жилетка». Второе значение данного полисеманта («юбка с тремя оборками» [БОС: 327]) мотивировано структурным составом: количественным числительным (*три*) и одним из ЛСВ субстантива *хвост* – «у платья: задняя часть подола, которая волочится по полу» [СО: 748]:

А ба́бам шы́ли ю́пки, зва́лися тряхво́стки, тры або́рки у их [БОС: 327].

В ряде населенных пунктов Новозыбковского района Брянской области (например, в Верещаках) женщины носили также *шандо́ры* (лексема – непроизводная единица) – шерстяные юбки, которые не были длинными, что создавало удобства при выполнении многочисленных домашних и сельскохозяйственных работ. На указанной территории носили (только пожилые женщины) и *понёвы* – длинные клетчатые подобия юбки. Лексема известна как в различных русских говорах, так и в украинском языке (*поня́ва*), поскольку слово общеславянского происхождения (первичное значение – «покров», «покрывало»).

На юго-западе Брянщины *понёва* – это шерстяная набедренная женская одежда, клетчатое полотно, которое надевается сверху на рубаху и закрывает нижнюю часть тела. В словаре В.И. Даля отмечены фонетические варианты данной лексемы: *поня́ва* и *понёва* – «местами (кал., орл., смол.) лоскут, не обходит кругом, кроет только зад и бока, а спереди остаётся рубаха» [ТСД – 3: 479]. Описанные названными лексикографическими источниками реалии близки, но не тождественны. Дифференциация семантики усматривается и в ЛЗ интердиалектной лексемы, известной на Белгородчине (территории, граничащей с Украиной), ср.: *понёва* – «женская юбка особого покроя, сшитая из трёх полотнищ шерстяной, обычно клетчатой яркой (черно-красной, сине-красной) ткани, элемент народного костюма. Понёвы носили только замужние

женщины или просватанные девушки» [Кошарная, Плотникова 2017: 78]. Семантические компоненты ‘женская (юбка)’, ‘шерстяная’, ‘клетчатая’, ‘(для) замужних’ являются интегральными и соответствуют национальной ментальности в целом. Однако локальное функционирование слова демонстрирует наличие дифференциальных сем в речи жителей каждой отдельно взятой территории, например, ‘сшитая из трёх полотнищ’ (белгородское) – ‘полотно, не сшитое’ (брянское), ‘(носили) в т.ч. и просватанные девушки’ (белгородское) – ‘(не носили) девушки’ (брянское). Понева (фото), которую носили на Брянщине, представлена в приложении 2; на фото показан своеобразный карман, который образовывался, если один край *понёвы* заворачивали за другой, этот довольно глубокий и надёжный карман назывался *за́тык* – бессуфиксное отглагольное образование от *заткнуть*.

Для юго-запада Брянской области характерна и *распашна́я панёва*, «без прошвы спереди», т.е. шерстяная юбка, которая закрывает заднюю и боковые части тела. Передняя же часть закрывается другой частью одежды, в виде фартука, *за́пинки*. В.И. Даль фиксирует данную единицу (суффиксальный дериват от одного из ЛСВ глагола *запина́ть* – «затянуть, напялив что...») в том же значении, в котором она представлена и в Брянском областном словаре [ТСД – 1: 1017]; [БОС: 117]. Лексема (*за́пинка*) выступала средством номинации и для верхней части фартука, и отдельно для нижней, могла называть фартук целиком. Не на всей территории юго-запада области женщины носили *за́пинки*.

Верхнюю женскую одежду номинируют в диалекте пограничья субстантивы *плю́шка* и *сви́тка*. *Плю́шка* – «короткая женская утепленная одежда, шитая из ткани с мягким ворсом на лицевой стороне – плюша» [БОС: 247]. Диалектная лексема – суффиксальное отсубстантивное производное (от *плюш*); *плю́шка* считалась праздничной одеждой, как и любая другая, именуемая словом *обнаря́да* – «праздничная одежда или наряд» [БОС: 232].

Единица *обнаря́да* – префиксально-суффиксальный дериват отыменного плана с характерной множественной мотивацией; в качестве производящего для него могло выступить как имя существительное *наряд*, так и имя прилагательное *нарядный*.

Сви́тка тоже была в обиходе жителей юго-западного пограничья Брянщины. Слово *сви́тка* В.И. Даль этимологизирует как производное: «вероятно, от *свива́ть* в значении кутать, одевать» [ТСД – 1: 251]. Применительно к женской одежде, справочник фиксирует: «верхняя, широкая, долгая одежда вообще» [ТСД – 1: 251]. Однако на территории юго-западного порубежья Брянщины данным словом обозначали верхнюю приталенную, а не широкую и не длинную одежду (см. приложение 2).

С.А. Кошарная и Л.И. Плотникова применительно к семеме *сви́тка*, известной на Белгородчине, отмечают: «...данная номинация... ныне воспринимается как украинизм, проникший в белгородские говоры из речи украинских переселенцев» [Кошарная, Плотникова 2017: 104]. Не оспоривая украинскую почву слова *сви́тка*, известного и в других славянских языках, обращаем внимание на отсутствие украинских переселенцев на юго-западе Брянщины, напротив, рассказы старожилов свидетельствуют о том, что в конце XIX – первой четверти XX вв. местные жители вследствие бедности массово занимались отхожим промыслом на смежных украинских территориях. Вероятно, таким образом и произошло заимствование слова с последующей адаптацией реалии к местному быту и изменению семантического наполнения лексемы.

Общеупотребительное слово *руба́ха* (названная реалия была в обиходе мужчин, женщин и детей) В.И. Даль семантизирует так: «одежда из числа белья, надеваемая под низ, на тело» [ТСД – 4: 179]. Широта толкования значения лексемы и синтагматика субстантива свидетельстуют о том, что предмет был в гардеробе мужчин-славян и детей: «русская рубаха – косоворотка, с застежкой на левом плече <…> хохлацкая – с запонкой или

завязкой на душке <…> детская иногда шьётся распашонкой» [ТСД – 4: 179]. Информация о том, что данная реалия входила в гардероб женщин, содержится в паремиологическом фонде русского народа: «*У ленивой пряхи и про себя нет рубахи // Параша-то ваша, да рубашка на ней наша // Испила кума бражки, да хватилась рубашки*!» [ТСД – 4: 180].

На юго-западном порубежье Брянщины слово *рубаха/рубашка* как лексема, номинирующая элемент гардероба женщины, практически не используется в среде диалектоносителей, его заменили местные наименования-конкретизаторы (*сцéльница/цéльница, краснúца, рябая, повсёмистая* и др.), представляющие собой гипонимы по отношению к родовой номинации *рубаха*.

В Новозыбковском, Злынковском, Гордеевском и др. районах бытует слово *сцéльница/цéльница.* Это женская рубаха, составленная/ соединенная из трёх цельных, как правило, льняных полотен. Префиксально-суффиксальный дериват *сцéльница* и его словообразовательный вариант *цéльница* производные от прилагательного *цéлый* – «цельный, целостный по природе своей, однородный» [ТСД – 4: 946]. Такая рубаха (*сцéльница/цéльница*) была не только показателем достатка семьи девушки (в рубаху соединялись целые, довольно дорогие полотна ткани), но и средством выражения символического плана: она символизировала «целостность», непорочность молодой девушки. Полагаем, что расширение семантического содержания лексической единицы могло иметь место в ходе словообразовательного акта при контаминации с указанным выше метафорического значения - «непорочный, невинный» ТСД – 4: 946]. Рубаха-*сцéльница* не предназначалась для ежедневного использования, её надевали по особо торжественным и важным дням: на православные праздники, свадьбу и на похороны.

Наряду с лексемой *сцéльница/цéльница*, транслирующей информацию о типе ткани/полотна, детерминирующей этно- и социально значимые постулаты, на юго-западном порубежье Брянщины бытовали и другие

единицы, номинирующие женские рубахи: *красни́цы, ря́бые*, *паусёмистые* (две последних относим к отадъективным субстантивам и по семантике, и по законам синтагматики русского языка).

В большинстве случаев прилагательное *красный* связано с характеристикой предметов с броским цветовым признаком («*красный* железняк, *красный* карандаш, *красная* медь, красная ягода» [ТСД – 2: 305]), а также отражает колористику в структуре устойчивых сравнений: *«красный как клюква, как маков цвет»* [ТСД – 2: 306]). Суффиксальное производное от прилагательного *красный* – «по цвету: рудой, алый…и пр. разных оттенков и густоты» [ТСД – 2: 305] – *красни́ца* – известно в различных говорах, например, на Рязанщине оно употребляется в значении «ягода клюква, журавика» [ТСД – 2: 307], на юго-западе Брянщины это женская красная рубаха.

Смысловое наполнение лексем, номинирующих в диалекте женские рубахи, эксплицировано очень колоритно, например, посредством слова *ря́бый* – «пёстрый, крапчатый, пятнастый» [ТСД – 3: 202]. Такие рубахи (*ря́бые*) транслировали предпочтения женщин целых населенных пунктов (например, Яловки), где были очень популярны.

Рубахи, расшитые, как правило, цветовым орнаментом по всему рукаву, называли «*паусёмистыми*»; мотиватором для суффиксального производного (*паусёмистая*), образованного по речевой модели словопроизводства, выступило предложно-падежное сочетание *по всему́* (рукаву). «Поусёмистая» (рубаха) требовала кропотливого труда, фантазии мастерицы, была уникальным предметом в гардеробе. Это очень нарядное изделие из льняного холста, которое надевали девушки на праздники и по торжественным случаям, демонстрируя таким образом традиционный уклад жизни.

Но в обиходе были и рубахи попроще и подешевле, чем *красницы, сцельницы* и *паусёмистые*, такие вещи предполагали ежедневное ношение, как правило, они делились швом. В рубахах такого типа верх назывался *че́хликом* (вероятно, от узуального *чехо́л*). А низ *поста́вкой* (суффиксальное

производное от глагола *поста́вить, подста́вить*). *Поста́вки* меняли, *подставляли* другие, например, на время стирки.

(Субстантивы *сце́льница/це́льница, красни́ца, че́хлик, поста́вка,* а также субстантивированные прилагательные *ря́бая* и *паусёмистая* зафиксированы нами в ходе диалектологических экспедиций (2015 – 2018 гг.), не включены во второе издание (2011 г.) Брянского областного словаря.)

В конце XIX века благодаря развитию производства и появлению мануфактурных, готовых тканей деревенские девушки, как и городские, поверх рубахи начинают носить приталенные платья без рукавов – *сая́ны*. Слово *сая́н* непроизводное, по фонетическим признакам заимствованное. В словаре В.И. Даля субстантив *сая́н* семантизирован так: «род сарафана, высокой юбки с помочами» [ТСД – 4: 230]. Такие разновидности *сая́на* были на территории пограничья (они наличествуют в гардеробе каждой женщины преклонного возраста. Респонденты демонстрировали свои саяны, которые хранят много лет. Кто-то из женщин – обычно выступавших в самодеятельных коллективах – желает, чтобы их похоронили в саяне). Г.С. Маслова считает, что и возникновение слова *сая́н*, и самой реалии связано с усилением польско-литовских культурных связей западных областей России в XVI – XVII веках [Маслова 1984: 171]. На территории юго-западного пограничья от полидиалектизма *сая́н* было образовано префиксально-суффиксальное производное *подсаянник* [БОС: 252], одномодельное с узуальным дериватом *подъюбник* с тождественным значением. Лексема (*подсая́нник*) не отмечена другими лексикографическими источниками.

В некоторых населенных пунктах Брянского пограничья *сая́ны* называли *шандо́рами*. Сверху (саяна/шандоры) надевали *корсе́тки* – приталенные жилетки-безрукавки. Производящей базой для русского суффиксального деривата *корсе́тка* («жилеточка»), по выражению местных жителей, послужило французское по происхождению слово *корсет.* Не исключено, что слово *корсе́тка* – фонетический вариант украинизма

горсе́тка, где были распространены подобного рода детали женского гардероба. (В БОС слово не зафиксировано: отмечено в ходе последних диалектологических экспедиций 2015 – 2018 гг.)

Таким образом, из общего числа лексем (21 единица), номинирующих женскую одежду, только 5 являются немотивированными и непроизводными; по наблюдениям исследователей, это, по всей вероятности, заимствования. Производные субстантивы и адъективы, определяющие тот или иной признак одежды, а также лексемы, называющие элементы костюма, имеют прозрачную структурно-семантическую репрезентацию.

2.6.3. Наименования платков

Платок (косынка, хиджаб, парео, кашне, фишю, шаль, кустышки, куфия, палантин) как обязательная символическая часть национального костюма женщины встречается почти во всех традиционных культурах. Сохраняя функцию защиты (от осадков, солнечных лучей), а также древнюю охранительную символику полотна (от нечисти, «нехорошего» глаза), платок является неотъемлемой частью русского традиционного женского костюма. Женщина в платке часто становится олицетворением России, о чем свидетельствует и художественная литература («плат узорный до бровей»), и песенное творчество («оренбургский пуховый платок», «подари мне платок», «синенький скромный платочек», «платочки белые, глаза печальные» и др.). Исстари к платку у русских женщин было особое отношение, о чем, в частности, свидетельствует широкий спектр наименований в диалектной зоне и многочисленные названия разных видов платков среди жителей юго-запада Брянщины (*гарусо́ука, левантѝнка, махрова́нка*, *нямётка, поплине́тка, ху́стка/ху́ста* и др.). Так, лексема *ху́стка/ху́ста* выступает в данной ТГ в качестве гиперонима: *Ху́стки ра́зныи былѝ: и ма́лыя, и бальшы́я, и цвятны́я, на ка́жан день, и пра́знишныя* [БОС: 343]. Согласно информации словаря В.И.

Даля, лексема имеет широкую географию (известна, в частности, в уральских и западных говорах), а также широкую семантику: «кусок холста, ширинка, платок». В брянских юго-западных говорах (Гордеевский, Злынковский, Красногорский, Климовский, Новозыбковский, Суражский районы) лексема функционирует только в значении «платок», в других районах области не зафиксирована. Любопытно, что не на всей пограничной территории юго-запада Брянщины словом *ху́стка* называют любой платок. Так, в Верещаках (Новозыбковский район) эта лексема служит средством номинации только красного платка, все другие платки называются посредством узуальной единицы – платок.

В Яловке (Красногорский район) особое место занимал рябый платок, который был номинирован посредством адъектива (*ря́бый* – «пёстрый, крапчатый» [ТСД – 3: 202]). Полидиалектное прилагательное *ря́бый* имеет широкую семантику и разветвленную географию согласно словарю В.И. Даля. Однако в значении, известном на территории Брянского порубежья, в других регионах не употребляется. Синтагматика лексической единицы реепрезентирует слово как субстантив.

В брянских юго-западных районах было известно также слово *махрова́нка* (в БОС слово не зафиксировано), обозначавшее белый вышитый платок на перкале, на ситце или любой вышитый платок с пришитыми к нему махрами. В XX веке на данной территории махрованками называют любой платок с махрами. Однако традиционный «праздничный платок – «*махрова́нка*» – вышит цветами, а на концах у него махры, отсюда и название» [Термины по русскому языку – список основных понятий, определений и значений: URL].

В селе Верхличи (Красногорский район), например, отмечено слово *нямётка*, которым называли белый тканый платок. Лексическая единица представляется членимой, но непроизводной. В БОС и словаре В.И. Даля не отмечено.

Слово *гарусо́вка* использовалось для названия праздничного шерстяного платка (*Пра́зднишную цвятова́ную гарусо́вку мичта́ла име́ть ка́жная де́ука*) [БОС: 68]. *Гарусо́вка* – суффиксальный дериват от *га́рус* – «сученая или цветная шерстяная пряжа» [ТСД – 1: 567] / *гарусовый* – «изготовленный из такой ткани». Диалектизм *гарусо́вка* относим к устаревающим единицам.

Левонти́нка – это «лёгкий платок» (*Ляванти́нку наси́ли ле́там, э́та лёхкий плато́к*) [БОС: 182]. В слове усматривается мотивация устаревшим субстантивом *леванти́н* – «кипорная шёлковая ткань» [ТСД – 2: 394]. Не исключено, кто-то из девушек имел платок именно из этого вида ткани, возможно, что лексема служила наименованием предмета, похожего на шёлковый платок по лёгкости, яркости или др. признакам.

В значении «цветастый головной платок» в юго-западных говорах известно слово *поплине́тка* – отсубстантивное производное от *попли́н* – «шелковая или шерстяная мелкорубчатая ткань» [ТСД – 3: 500]: *Паплине́тки ра́ньшы цвита́стыи наси́лии, хош на галаве́, хош на плича́х* [БОС: 259].

Таким образом, наименования платков *гарусо́вка, левонти́нка, поплине́тка, махрова́нка* мотивированы, *нямётка* – членимая, но в современном русском языке немотивированная лексема, а *ху́ста* является распространенной, но непроизводной единицей (*ху́стка* – суффиксальный дериват от *ху́ста*).

В брянских говорах известно также слово *ка́нка* – «девичья головная повязка из тесьмы или лёгкой бумажной ткани редкого плетения (для украшения или как фата)»: *Ка́нку у старину́ наси́ли, не́ бы́ла павойникау, как за́муш выхо́дит, ка́нку павя́зывают // Ка́нка – пачша́лак, свёрнутый вакру́г галавы́, в ём винча́лись, завя́зывался ён на ки́чке* [БОС: 136]. Контекстное употребление слова подчеркивает его нахождение в пассивном запасе (*у старину́ наси́ли*).

«*Повойник* – «русский головной бабий убор, повязка <…> обвитое сверх волосника» [ТСД – 3: 239]. Лексическая единица известна в брянских говорах.

Полидиалектное слово *повóйник* – суффиксальное производное от глагола *повива́ть* – «обвить или обмотать, укутать повязкой» [ТСД – 3: 239]. Единицу относим к числу устаревших, т.к. далеко не все диалектоносители-женщины на юго-западном порубежье области представляют себе названную реалию, хотя со словом знакомы (слышали от предков).

Примечательно, что на территории юго-запада Брянщины молодые замужние женщины носили платки, затканные красными нитками. Чем старше женщина, тем меньше красного цвета было в её наряде, и в старости женщины носили белый платок с красной каёмочкой.

Платок являлся обязательной частью женской одежды; из 10 лексем, называющих его разновидности, 2 непроизводные, 8 производные, семантика которых мотивирована либо наименованием ткани, либо наличием дополнительных элементов (см. *махрованка*), либо способом повязывания платка (см. *повойник*).

2.6.4. Наименования одежды, которую могли носить и женщины, и мужчины

Как правило, к единицам, называющим одежду, которая могла принадлежать как мужчинам, так и женщинам, относились представленные выше субстантивы *ватóвка, душáтка, куфайка, манáрка* («телогрейка»), *ермáк* («брезентовый плащ»), *сокóлка* («майка»), а также многочисленные ЛЕ, номинирующие рукавицы (т.к. часто единицы, называющие парные предметы, употребляются в форме множественного числе, мы посчитали возможным обозначить данные лексемы в той же форме: *брáнки, вязёночки, вязёнки, голúцы, спóдки*). В указанной группе непроизводным выступает только слово *брáнка* – «рукавица для срывания травы»: *Вазьмú брáнку да идú травы́ насрывáй, а то твае́ кралы́ бу́дуть галóдным* [БОС: 31].

В качестве номинации рукавицы для тех или иных работ выступает слово *голи́ца* мн. (чаще мн. *голи́цы*) – «рабочая рукавица»: *Наде́ть на́да голи́цы на ру́ки, а то мо́жна заскаби́ть // Голи́цами у нас завýть рабо́чии рукави́цы// Захвати́-ка голи́цы, а то мо́жа и кирпи́ч прыде́цца грузи́ть* [БОС: 74].

Полагаем, что в брянских говорах слово употребляется в том же значении, что и в словаре В.И. Даля, где лексема отмечена как отадъективный дериват от *голый* в значении «кожаная рукавица по себе, без вареги, т.е. без шерстяной рукавицы, которую обычно поддевают под кожаную» [ТСД – 1: 610].

Существительное *вязёнки* и деминутив *вязёночки* с тождественной семантикой – отглагольные (от *вяза́ть*, *вя́заный*) суффиксальные дериваты: *вязёнки /вязёночки* – «вязаные рукавицы с одним, реже с двумя-тремя пальцами, иногда обшитые какой-нибудь плотной материей, варежки» [БОС: 64].

В качестве синонима к указанным лексемам используется слово *спóдка*, ж. (чаще мн. *сподки́*). «рукавица; варежка» (*Наде́нь спóтку, ру́ки ж ме́рзнуть // На́да найти́ сваé спаткú, рука́м хóладна*) [БОС: 307].

В данную ТГ включаем подгруппу, представляющую собой синонимическую парадигму лексических единиц, номинирующих старые, изношенные, пришедшие в негодность вещи*: коря́вки, ря́сье, хру́нье.* Лексемы *ря́сье, хру́нье* – собирательные существительные с интегральной гиперсемой ‘одежда’. (*Дóма во наде́ла хру́ння и хажу́ // Ве́чна ён у ря́сси хóдить, бу́тта наде́ть не́чага*) [БОС: 342, 290].) Субстантив *коря́вки* осложнен семантическими компонентами ‘не только одежда’, что иллюстрируют следующие контексты: *Ра́ньшы па двара́х каря́вашники е́здили, каря́вки собира́ли: тря́пки ста́рыя, пасу́ду, да́жа ко́сьти // Ра́ншы мо́жна бы́ла сабра́ть усё ста́рая на каря́вки, каря́вашнику сда́ть* [БОС: 165].

Из 13 лексем, представленных в данной ТГ, 4 – непроизводные лексемы, 9 – суффиксальные дериваты, мотивация которых репрезентирована производящей базой и словообразовательным формантом.

2.6.5. Наименования частей одежды

Большой интерес для исследования представляют диалектные названия не только целых предметов обихода, но и их частей/фрагментов (*зарука́вь, за́тык, калуне́р*, *посто́вка, кума́ч, че́хлик*), что свидетельствует о значимости каждой детали в жизни человека.

Так, верхняя часть женской рубахи называется *че́хлик*, а нижняя часть – *посто́вка*. *Чехлик* могли украшать узорами, а *постовку* нет, обычно её делали из грубой ткани и со временем могли менять на новую (т.к. нижняя часть чаще, чем верхняя, пачкалась, стиралась, а значит и чаще приходила в негодность, что отмечено ранее). Однако на территории Брянщины, граничащей с Украиной, *по́стовками* называли «длинные женские сорочки» (слово на территории юго-запада отличается от слова на территории северо-востока области местом ударения) [БОС: 263]. Словарь проявляет мотивационную базу лексемы: «раньше её нижняя часть делалась из посконного полотна». *Де́уки надива́ли по́стауку, паве́рх саян, падвя́зывали хва́ртукам – так наряжа́лися* [БОС: 263].

Чехлик – суффиксальное производное от узуального *чехол* – «сделанная в форме предмета и защищающая его от влаги, грязи покрышка из ткани, кожи» [СО: 768]. Полагаем, что в семантике диалектизма присутствуют компоненты ‘для защиты’, ‘из ткани’ узуального производящего. Слово *че́хлик* в Брянском областном словаре семантизировано так: «вышитая приталенная женская юбка»: *Че́хлики на пра́зники адива́ли// Че́хлик вышива́ли на груди́нки* [БОС: 350]. Таким образом, материалы диалектологических экспедиций последних лет указывают на функционирование различных ЛСВ полисеманта,

что дает основание фиксировать оба значения в следующем издании справочника.

Красота рубахи создавалась за счет отделки, в частности, вышивки рукава. Рубахи с рукавами, богато украшенными красными узорами, называются *красни́цы* (*красни́цы* – суффиксальный дериват от адъектива *кра́сный* в первичном значении «красивый». Следует отметить, что в ряде населенных пунктов – о чем было сказано ранее – *красни́цами* называли рубахи красного цвета. Лексическая единица с семантикой «рубаха красного цвета» мотивирована прилагательным *кра́сный* в современном узуальном значении). На рубахах, украшенных красными узорами, не делили мережку. Вышивка шла только по центральной части рукава, которая называлась *кумачо́м* (от диалектного названия простой хлопчатобумажной ткани обычно алого цвета – *кума́к, кума́ч* [ТСД – 2: 354]); другая часть, именуемая *зарука́вьем* (префиксально-суффиксальное производное от предложно-падежной формы *за рукавом*), видимая только сзади, т.е. находящаяся как бы «за рукавом», не украшалась. В ряде населенных пунктов практиковалась замена вышитой части рукава: для больших праздников использовалась яркая, богатая по цветовой палитре вставка, для не столь значительных событий *кумачи* были вышиты либо не по всей длине, либо не изысканно, не ярко.

Обязательно украшали узором ворот или, как его называли на юго-западе Брянщины, *калуне́р*, манжетки, плечи, на праздничных рубахах — подол. На вороте делали две дырочки для лент – горловину скрепляли не пуговицами, а лентой, продетой через отверстия. Красный цвет узоров имел обережное, охранное свойство.

Таким образом, лексемы, номинирующие части одежды, представлены 5 единицами, из которых 2 не мотивированы, 2 – структурно мотивированные единицы, 1 – семантически (*кумач*).

2.7. Наименования украшений

Праздничный костюм обязательно дополняли украшения: серьги, бусы – *кора́ли/кра́ли* (фонетическая деформация узуального слова *кораллы*) и *гантари́* (фонетико-грамматический диалектный вариант узуального *янта́рь*): *На ше́ю наде́нь си́ния кара́ли, пыт пла́ття//У е́тых кра́лях я шла за́муш* [БОС: 163]. (Лексема *гантари́* в Брянском областном словаре не зафиксирована).

Горля́чки, плетёночки – это плетёное украшение (на горле) из бисера, ленточек. Таким образом, субстантивы *горля́чки, плетёночки* (на таких украшениях тоже встречается «орнамент хлеба») – суффиксальные производные деминутивного характера от соответствующих производящих (*го́рло, плести́*). Номинации в Брянском областном словаре не зафиксированы. В арсенале справочника зарегистрирована лексема *плетёнка* – «соцветие в виде кисти мелких цветков у древесных растений, серёжка»: *На альхе́ была́ бага́та плятёнак // Плятёнки атпада́ють, када́ аццвита́ють* [БОС: 163]. Полагаем, что в процессе словообразовательного акта при производстве слова *плетёночки* могла иметь место контаминация семантики субстантива *плетёнка* и глагола *плести́* на основе интегральных компонентов ‘перевивать, сращивать’, создавая таким образом определенный ‘узор, орнамент’. Подтверждение тому – многочисленный конглоромерат однокоренных дериватов, например, *плетейные* (иглы) – «служащие для плетения»; *плетежное* (мастерство) [ТСД – 3: 207], а также слово *плетёнка* в значении диалектизма *плетёночки*, ср.: *плетёнка* – «плетеная вещь... не просто скрученная, а плетеная впереборку, плетежок на шею, витушка» [ТСД – 3: 207]. К сожалению, диалектоносители не могли точно указать способ изготовления и вид украшений такого типа, не было их и в наличии у женщин, поэтому мы вправе предположить, что это могла быть вещь как просто плетеная, так и «витушка». Во втором случае диалектизм Брянского пограничья – словообразовательно-грамматический вариант (диалектное

слово – субстантив pluralia tantum) зарегистрированного В.И. Далем слова *плетёнка*. На территории юго-запада области известно и слово *надува́нчики* – «стеклянные бусы в форме шариков» [БОС: 212]. По всей вероятности, это украшение производило впечатления чего-то надутого, о чем свидетельствует и иллюстративный материал словаря. (*Надува́нчики як ша́рики наду́тыя.*)

Также поверх наряда надевали крест или иконку на ленте, верёвочке. В этом случае названные предметы считались украшениями (крест обычно носили под одеждой, на теле, отсюда и *нательный*).

Таким образом, подгруппа наименований женских украшений представлена 4 единицами, не отраженными в Брянском областном словаре (материал диалектологических экспедиций 2015 – 2018 гг.). Немногочисленное количество лексем закономерно характеризует простую русскую селянку, у которой не было возможности иметь большое количество украшений, а те, что имелись, как правило, были недорогими и изготовленными кустарным способом, не исключено, самой женщиной.

2.8. Наименования приспособлений для печи

Русская печь в каждом доме была самым значимым местом, поскольку выполняла множество функций. Прежде всего, это жизнеобеспечение человека теплом и пищей. В говорах юго-запада Брянской области нами отмечены следующие лексические единицы, обозначающие части печи: *гру́ба, гру́бка, духови́к, душни́к/душничо́к/душня́к, дыма́рь, дыморо́к, запе́чье, кобы́ла, ко́мин, лежа́к, надчеле́стник, пеко́лок, печу́рка, подпе́чье, подзагне́тка/подзагне́т, по́лик/поло́к, челе́сник/челе́сня, чело́, чере́нь, цо́пух.* Все указанные лексемы являются мотивированными, что наглядно демонстрирует, как в наименованиях предметов преломляется антропоцентрический контент.

Бытовое пространство, освоенное не одним поколением, воспринимается как жизненно необходимый контент, где для носителя языка всё емко и точно структурировано. Г.А. Золотова отмечает, что «человек – центральная фигура языка и действующее лицо мира, о котором он говорит» [Золотова 2010: 28], с чем трудно не согласиться. Так, в говорах юго-запада Брянщины большой интерес представляют лексические единицы, репрезентирующие предметы, объединенные предметно-понятийным контентом *печь*.

В юго-западных говорах Брянщины известен один из лексико-семантических вариантов узуального слова слово *чело́* – «передняя часть, наружное отверстие русской печи» [ТСД – 4: 969]. В указанном значении полидиалектное слово функционирует как на Брянщине, так и в других регионах России. В отсубстантивном суффиксальном деривате *челе́сник/челе́сня* (от *чело́*) репрезентирован компонент ‘размер’: «ниша в углу печи, где обычно лежат спички, другие мелкие предметы». Качественно-характеризующий признак с объективацией семы ‘размер’ наличествует в ряде других производных номинаций, обозначающих части печи (*гру́ба – гру́бка, печь – печу́рка, душни́к – душничо́к, ко́мин – комено́к*).

Компонентный анализ лексических единиц демонстрирует, что ряд наименований имеет или тождественную, или близкую семантическую наполненность, однако по-разному номинирован в различных населенных пунктах юго-запада Брянской области, например, *челе́сник/челе́сня* – «ниша в углу печи, где обычно лежат спички, другие мелкие предметы» (*Спи́чки у мяне́ усигда́ на адно́м ме́сти лижа́ть на чилесникý // На чалесникý и ва́ряшки су́шать*); *печу́рка* – «небольшое углубление в боковой печи для сушки мелких вещей». как усматривается из смыслового наполнения лексических единиц, *челе́сник/челе́сня* и *печу́рка* дифференцированы компонентами ‘в углу’(печи)/‘ в боковой’ (печи), что не принципиально, так как субстантивы тождественны в функциональном отношении, как и пара *комено́к – пеко́лок.* Лексическое

значение названных единиц демонстрирует смысловую близость субстантивов, ср.: *комено́к* – «небольшой выступ в передней части печи, где обычно лежат спички и сушатся небольшие вещи»; *пеко́лок* – «боковой выступ на печи». Иллюстративный материал Брянского областного словаря свидетельствует о тождестве значения лексем: *На пякалку́ спи́чки ляжа́ть и ва́ряшки су́шать // Пяка́лак памага́я узле́сь на печ // Палажы́ на камяно́к ва́ряшки, хай праcóхнуть* [БОС: 243].

Синонимическая парадигма субстантивов с интегральным значением «части печи, предназначенные для сушки мелких вещей» структурирована единицами *комено́к, пеко́лок, печу́рка, челе́сник/челе́сня.* Члены данного семантического объединения противопоставлены попарно по семам ‘выступ’ (*комено́к –пеко́лок*) – ‘ниша/ углубление’ (*челе́сник/челе́сня* и *печу́рка*).

Согласно словарю В.И. Даля, производные с корнем *дух/душ* восходят к одному из лексико-семантических вариантов многозначного слова *дух* – «жар» [ТСД – 1: 833]. Лексикографический источник иллюстрирует данное значение лексемы посредством устойчивого оборота *вольный дух* – «умеренный жар в печи, по выгребе жару или по испечении хлеба» [ТСД – 1: 833]. Словообразовательные варианты *душни́к/ душничо́к/ душня́к* – суффиксальные производные от основы *дух/ш* – соответствуют по семантическому наполнению узуальной лексеме *дымохо́д* – «канал для отвода дыма из печи в трубу» [СО: 158]. В качестве антонима-конверсива к единице литературного языка *дымохо́д* выступает диалектное производное *духови́к* – «отверстие в печке для выхода в комнату теплого воздуха». Корреляты дифференцированы семами векторного типа ‘из’ (помещения) – ‘в’(помещение).

Лексические единицы *дыма́рь, дыморо́к* – суффиксальные отыменные дериваты (от основы *дым*) – относим к типу устаревших диалектизмов по экстралингвистическим причинам: еще в XIX веке ушли в прошлое курные избы, в которых был *дыма́рь* – «отверстие для выхода дыма в курной избе», а

также появился новый тип печи с трубой вместо реалии, номинированной лексемой *дыморо́к* – «печь, не имеющая трубы».

Функционирующее на территории Брянского порубежья наименование *кобы́ла* – «полудуга из кирпича, на которой крепится русская печь; свод печи» – не отражено в этом значении в других русских диалектах. Предполагаем, что в юго-западных говорах Брянской области произошел метафорический перенос одного из значений слова народного языка, возможно, ЛСВ «подставка, подпорка» [ТСД – 2: 206], что органично согласуется с семой ‘крепиться’, ‘укреплять’ диалектизма.

В словаре В.И. Даля значение диалектного слова *ко́мен* – «печная труба» [ТСД – 2: 130]. Предполагаем, что в пограничных брянских говорах имел место метонимический перенос: *ко́мен* – «дымоход». Согласно структурному составу, суффиксальным производным деминутивного типа от *ко́мен* выступает единица *комено́к*. Наименование *комено́к* обусловлено семантической и словообразовательной мотивированностью деривата вследствие фактической сопряженности названных реалий печи. Однако в ряде населенных пунктов юго-запада Брянщины (например, д. Рудня-Воробьёвка Гордеевского района) реалию, обозначенную лексемой *ко́мен,* называют словом *гру́ба/гру́бка*. Несмотря на то, что лексическая единица *комено́к* имеет явно выраженный экспрессивный оттенок за счет суффикса, слова *комено́к* и *ко́мен* тождественны по семантике (в каких-то населенных пунктах употребляется только *ко́мен*, в других – только *комено́к,* в некоторых – обе лексемы используются диалектоносителями как равнозначные). В ряде поселений, например, с. Белый Колодец Новозыбковского района, слова *гру́ба, гру́бка* – номинируют «комнатную кирпичную печь для отопления помещения», что соответствует употреблению слова в других русских говорах (курских, орловских, воронежских) согласно лексикографической фиксации словаря В.И. Даля.

Субстантивы, обозначающие те или иные части русской печи или предметы, непосредственно связанные с данным контентом, ёмко и максимально точно репрезентированы служебными морфемами. Так, в структуре производных существительных, обозначающих предметы, находящиеся **над** тем, что названо производящей базой, наличествует префикс *над-*: *надсо́пух, надчеле́стник*; префикс *под-* указывает на реалии, размещенные **под** тем, что обозначено мотивирующим словом: *подзагне́тка/подзагне́т, подпе́чье*. Префикс *за-* в структуре производного указывает на нахождение предмета, который находится на боковой, а не на передней части печи, т.е. **за** печью: *запе́чье, за́печек, за́пек, за́куть* (в первом ЛСВ).

Таким образом, подгруппа ЛЕ, называющих части русской печи, является четко мотивированной в структурно-семантическом плане в системе брянских говоров юго-западного пограничья. Как показывает анализ лексем, диалектизмы создаются и функционируют в соответствии с языковой системой: производные единицы являются структурно и семантически мотивированными, формируют синонимические и антонимические парадигмы, развивают многозначность, а также демонстрируют неповторимую этносоциальную ментальность жителей региона.

2.9. Российско-белорусско-украинская языковая общность

Приграничное положение Брянской области, соседство её с Беларусью и Украиной обусловило явление, которое называется языковой интерференцией – взаимовлиянием (в нашем случае) трёх восточнославянских языков – русского, белорусского и украинского. Юго-западные районы Брянщины в разное историческое время территориально относились и к Беларуси, и к Украине.

Современные административные границы трёх восточнославянских государств не являются препятствием для взаимодействия языков.

Сопоставления анализируемых языковых единиц опираются на сведения словарей восточнославянских языков и говоров, как-то: «Брянский областной словарь» под редакцией Н.И. Курганской (Брянск 2011), Словарь народных говоров Западной Брянщины П.А. Расторгуева (1973), Словарь брянских говоров под редакцией В.И. Чагишевой, В.А. Козырева (1976 – 1988), Русско-белорусский словарь под редакцией Я. Коласа, К. Крапивы (Минск 1994), Російсько-український словник сталих словосполучень С.И. Головащука (Київ 2001), Російсько-українські словники Н. Марченко, В. Кубайчук, А. Рисін, О. Телемко, О. Оксимовець ([Російсько-українські словники: URL]).

Проблема взаимовлияния славянских языков и диалектов в отечественной диалектологии стала особенно активно изучаться с конца XIX в., хотя отдельные замечания в этом плане высказывались уже в первой половине названного века (И. Вагилевич, В.И. Даль и др.) [Макаров 2015: 59-60].

А.А. Шахматов, говоря о границах между великорусами и белорусами, подчеркивал приблизительность этих границ в виду существования многих смешанных и переходных говоров и, ссылаясь на Е.Ф. Карского, указывал на существование в прошлом этих границ, в частности, по р. Десне, разделявшей

восточную, занятую великорусами, и западную часть Брянского и Трубчевского уездов бывшей Орловской губ., занятую белорусами [Расторгуев 1927а].

Ареальный аспект изучения диалектной лексики способствует реконструкции истории словарного состава, уяснению степени значимости и времени возникновения того или иного слова в языке, путей его миграции, характера взаимодействия граничащих друг с другом языков — задач исключительно сложных. Ф.П. Филин так определял некоторые из этих сложностей: «...Хотя русские говоры и очень близки друг к другу, все же не следует преуменьшать запасы локальных речевых средств в русском национальном языке, особенно в лексике. Диалектных слов, значений и употреблений слов, фразеологизмов имеются сотни тысяч. К этому нужно прибавить не поддающиеся никакому учету диалектные семантические структуры слов, диалектные лексико-семантические группы слов» [Филин 1962: 26].

К настоящему времени накоплен богатый лексикологический и особенно лексикографический материал по русской диалектной лексике, позволяющий делать более или менее обоснованные выводы о территории возникновения и путях миграции тех или иных групп слов или отдельных лексических единиц. Тем не менее, пока «мы не можем претендовать ни на хотя бы относительную полноту наших наблюдений, ни на одинаковую точность наших реконструкций», что, однако, по мысли ученого, не лишает историко-лексикологические исследования их «первостепенного значения» [Филин 2008: 402].

Взаимодействие брянских говоров с белорусским языком, судя по их лексической общности, в течение многих веков было очень активным.

В работе «Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии» (Минск 1926) профессор П.А. Расторгуев приходит к выводу о том, что «сравнение восточно-Гомельских говоров с другими

соседними белорусскими показывает, что восточно Гомельские говоры, являясь в своей основе такими же белорусскими, как и другие, представляют особое диалектное явление белорусского языка» [Расторгуев 1929: 25][1].

В настоящее время под *белорусизмом* понимается принадлежащий системе белорусского языка элемент, употребленный в тексте на русском языке. К *белорусизмам* относятся: а) слова белорусского языка, не имеющие полностью совпадающих по форме и содержанию соответствий в русском языке; б) слова белорусского языка, имеющие соответствующие по форме и содержанию слова на русском языке; слова русского языка имеют иную стилистическую окраску либо принадлежат к областной лексике; в) слова белорусского языка, имеющие соответствия по форме в русском языке при несовпадении объема значений [Туксаитова 2005: 198–206].

С украинскими землями, как и с белорусскими, Брянщину связывают очень давние, можно сказать, исконные, языковые, культурные, этнографические, административно-политические и иные отношения. Поэтому обнаруживаются активные взаимные заимствования между этими близкородственными языками: «Почти полуторавековое вхождение территории говоров западных районов Брянской области (б. север Черниговщины) в состав Украины (1654-1782 гг.), с украинским управлением и делопроизводством на украинском языке, и наличие украинских поселений в городах <…> не могло не отразиться на говоре местного населения. Местный говор, белорусский по своей основе, действительно испытал на себе влияние украинского языка. <…> Это влияние особенно сказалось на словаре и ударении и, в меньшей степени, на грамматическом строе разговорного языка местного населения и его фонетике» [Расторгуев 1927: 45].

Под лексическими *украинизмами* традиционно понимают слова, заимствованные из украинского языка либо с полным сохранением их

[1] «Восточную часть Гомельской губернии занимают бывшие уезды Черниговской губернии: Новозыбковский, часть Мглинского, Стародубский, Суражский» [Расторгуев 1926: 4].

внешней формы, либо с её фонетическим или словообразовательным изменением.

«По нашим наблюдениям, прочно вошло в активный словарь жителей Брянской области и фиксируется толковыми словарями русского языка большое число слов и словосочетаний украинского языка (*хлопцы, девчата, жинка, огарка, дужка, чоботы, мурашки, дерун, горилка, магарыч* и другие). Массив слов, общих для русского и украинского языков, – результат переживания в прошлом этими языками эпох праславянского и прарусского единств» [Урамов 2014: 72-73].

Профессор С.А. Кошарная, возглавляющая группу диалектологов, исследующих языковую специфику регионолекта Белгородчины, подчёркивает, что при анализе говоров, функционирующих «на пересечении этнокультур», «речь должна идти об историческом взаимовлиянии южнорусских и малороссийских диалектов, сложившихся на территории слободской окраины Российского государства» [Кошарная 2019: 220][2].

С.М. Кардашевский, занимавшийся исследованием лексики курско-орловской группы говоров, в одной из работ отметил: «Около половины местных слов, бытующих на значительной части курско-орловской территории, являются общими с украинской и белорусской лексикой. Объем этой местной лексики повышается в тех русских говорах, которые занимают западную и юго-западную территории Курско-Орловского края» [Кардашевский 1957: 71].

Е.И. Сьянова в работе «О некоторых принципах толкования слов в «Словаре русско-украинских говоров Воронежской области» отмечает, что «специфика обозначенных говоров обусловлена сосуществованием на

[2] «В этом взаимодействии нет наложения, но есть сосуществование двух «языковых течений», выступающих в виде двух равноправных источников, внутри особой региональной разновидности языка. Большинство диалектов Белгородской области являют собой результаты этого смешения, или сращения, то есть в данном случае мы не говорим о заимствованиях из украинского языка, что имело бы место в контексте суржика: мы полагаем, что в белгородских говорах, граничащих с Украиной, имеется не одна базовая основа в виде конкретного – русского – языка, на которую накладываются элементы другой – Украинской – языковой системы (и наоборот), а сосуществуют две генетические языковые основы, взаимодействие которых детерминирует возникновение особого местного регионолекта» [Кошарная 2019: 220].

территории Воронежской области двух основных групп диалектной речи: группы с южновеликорусской основой и группы говоров с украинской исторической основой» [Сьянова 2013: 260].

Как подчёркивает С.Н. Стародубец, «специфический местный язык, функционирующий на территории юго-западных районов Брянской области, граничащих с Беларусью и Украиной, жителями в большинстве своем идентифицируется как русский, при этом эквивалентный местный язык, функционирующий на территории Добрушского района Гомельской области, идентифицируется как белорусский, на территории Городнянского района Черниговской области – как украинский» [Стародубец 2017: 5].

В этой связи представляется уникальной исследовательская работа, выполненная научным коллективом Могилёвского университета, В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповаловой, И.Н. Лапицкой, под руководством доцента, кандидата филологических наук В.Б. Сузанович. «Словарь могилёвско-смоленских пограничных говоров» – диалектный словарь синкретичного типа, в котором представлена лексика и фразеология могилёвско-смоленского пограничного региона, – есть новый опыт лексикографической фиксации смежных и смешанных языковых явлений [URL: file:///C:/Users/User/Downloads/458d.pdf]. «Изучение материалов регионального словаря сводно-дифференциального типа требует двойного сопоставления диалектизмов – с русским литературным языком, с одной стороны, и белорусским литературным языком – с другой. <…> На основе сопоставления исследуемой лексики со словами русского и белорусского литературных языков устанавливаются основные типы семантических диалектизмов с точки зрения причин и особенностей образования» [Лапицкая, Шаповалова 2018: 81].

Авторы обосновывают позицию, согласно которой территориальные границы не являются критерием разграничения специфики устной речи носителей языка, в частности на территории Белорусско-Российского

пограничья.

Считаем, что говоры Брянщины, действительно, оказались в условиях широких междиалектных и межъязыковых контактов, поэтому они сохраняют активные, тесные лексические связи с близкородственными белорусским и украинским языками.

В пределах тематической группы «Предметы быта» общность с украинским языком составляет 6 %, общность с белорусским – 3 %, общность с украинским и белорусским языками – 26 %.

Подчёркиваем, что наименование предметов быта в наибольшей степени обусловлено социальными и историко-культурными факторами, значительным периодом вхождения исследуемых территорий в состав Черниговской (Украина) и Гомельской губерний (Беларусь).

Исходя из анализа представленных лексических единиц, отмечаем, что общность субстантивов, являющихся литературными в белорусском и украинском языках и диалектными в русском (на территории юго-западного порубежья), составляет 74 из 288 (таблица № 1), литературными только в белорусском языке – 8 и литературными только в украинском языке – 18. Таким образом, часть диалектных слов, номинирующих предметы быта пограничных брянских говоров, является принадлежностью узуса в белорусском и украинском языках. Однако в тождественных или близких по семантике единицах может наблюдаться вариативность в произношении (*видёлка – виделка*), написании (*дежка – діжка*), структурном составе (*душняк – дымарь*). Взаимовлияние русских говоров, белорусского и украинского языков является исторически обусловленным. Проведённое исследование диалектизмов достоверно убеждает, что территория российского пограничья Брянской области представляет собой ареал распространения смешанных языковых и диалектных явлений, что свидетельствует о единой исторической матрице и общих этнокультурных процессах в жизни восточных славян и в области лексики, номинирующей бытовые реалии, обладающие

общезначимой составляющей для каждого народа. Статистические выкладки отражены в приведенных ниже таблицах.

Таблица 1. – Диалектизмы, употребляемые на юго-западном пограничье Брянской области, отмеченные как литературные слова в белорусском и украинском языках.

№ п/п	Русские диалектизмы	Белорусские литературные слова	Украинские литературные слова	Брянский областной словарь под ред. Н.И. Курганской; материалы диалектологических практик 2015-2018 гг.
1.	Бидо́н	бідон	бідо́н	Бидон,·м. Жестяной сосуд с крышкой для хранения жидкостей.
2.	Бра́нка	бранка	бра́нка	Бранка, ж. Рукавица для срывания травы.
3.	Виде́лка	виде́лка	виде́лка – вилка	Виделка, ж. Столовая ложка.
4.	Видёлка	виде́лка	виде́лка	Видёлка, ж. Ручное сельскохозяйственное орудие, состоящее из двух и более длинных деревянных или металлических зубьев на длинной деревянной рукояти и предназначенное для подъема, переноса, разбрасывания сена, соломы, навоза и пр.
5.	Ви́лки[2] (только мн.)	вілы	вила	Ви́лки. Вилы

6.	Во́лок	во́лок	во́лок	Волок, м. Приспособление, с помощью которого волоком перемещают сено, хворост и пр.
7.	Волоку́ша	волоку́ша	волоку́ша	Волокуша, ж. Приспособление для транспортировки небольших объемов сена к стогу
8.	Ги́рка	ги́рка	ги́рка	Гирка и гирька, ж. 1. Невысокий глиняный кувшин для различных хозяйственных нужд (чаще всего для молока и сметаны).
9.	Гладе́льник	глади́льник	глади́льник	Гладельник, м. Утюг
10.	Глады́шка	глади́шка	глади́шка	Гладышка, ж. То же, что и гирка.
11.	Глек	глек	глек – кувшин	Глек и глёк, м. 1. Высокий узкогорлый глиняный кувшин для молочных продуктов.
12.	Гле́чик	гле́чик	гле́чик – кувшин	Глечик, м. Глиняный горшок
13.	Горла́ч	горла́ч	горла́ч	Горлач, м. То же, что глек.
14.	Граба́рка	граба́рка	граба́рка	Грабарка, ж. Совковая лопата.
15.	Гра́бки	грабки	грабки	Грабки. То же, что грабли
16.	Гру́ба	гру́ба	гру́ба – печка	Груба, ж. Комнатная кирпичная печь с лежанкой для отапливания помещения.
17.	Гру́бка	гру́бка	гру́бка – печка	Грубка, ж. То же, что и груба.

18.	Гужи́	гуж	гуж	Гужи́. Часть упряжи: ремни, при помощи которых плуг или борона прикрепляются к хомуту лошади
19.	Держа́к	держа́к,	держа́к – деталь предмета за которую держат	Держак, м. Деревянная ручка у косы, рукоятка.
20.	Держа́лка	де́ржалко	де́ржалко	Держалка¸ ж. 1. Подставка для лучины 2. Перила
21.	Дерю́га	дерю́га	дерю́га	Дерюга, ж. Плохая грубая ткань, одежда
22.	Дерю́жка	дерю́жка	дерю́жка	Дерюжка ж. Толстый льняной грубый домотканый холст
23.	Долба́нка	до́вба́нка	до́вба́нка	Долбанка, ж. Миска, выдолбленная из дерева.
24.	Доло́нка	доло́нька	доло́нька сущ. ж.р. Ладошка	Долонка, ж. Узкая полоска материи
25.	Душни́к	душни́к	душни́к	Душник, м. Дымоход
26.	Жбан	жбан - кувшин	жбан	Жбан, м. Деревянный или глиняный сосуд в виде кувшина с узким горлом.
27.	Жига́ло	жига́ло	жига́ло	Жигало, ср. Раскаленный металлический стержень для прожигания отверстий
28.	Запа́лка	запа́лка - спичка	запа́лка	Запалка, ж. Спичка.
29.	Запи́нка	запи́нка	запи́нка	Запинка, ж. 1. Оконная занавеска. 2. Передник, фартук.

30.	Кабáт	кабат - теплая безрукавка; халат; душегрейка	кабат	Кабат, м. Верхняя часть сарафана; лиф.
31.	Кáйстра	кáйстра – сумка, котомка	кáйстра	Кайстра, ж. 1. Мешок или сумка и их содержимое. 2. Ёмкость для хранения продуктов, жидкостей, керосина и т.д. и её содержимое.
32.	Кáшник	кáшник,	кáшник	Кашинк, м. Глиняный горшок, в котором варят кашу.
33.	Кобы́ла	кобила	кобила – зоол. Кобыла	Кобыла, ж. Полудуга из кирпича, на которой крепится русская печь; свод печи.
34.	Комено́к	коминок	коминок – камин	Коменок, м. Небольшой выступ в передней части печи, где обычно лежат спички и сушатся небольшие вещи // печная труба, дымоход
35.	Комéн	комен	комен	Комен, м. Печная труба, дымоход
36.	Коно́вка	коно́вка	коно́вка	Коновка, ж. Высокая деревянная или металлическая кружка; обычно с ручкой или крышкой.
37.	Кора́ли	корали	корали	Корали, мн. Бусы.
38.	Коре́ц	карэц	коре́ць	Корец, м. Ковш для черпания воды, кваса и т.п.
39.	Корсе́тка	корсетка	горсе́тка	Корсетка, ж. Приталенная жилетка-безрукавка

40.	Кошáра	кошара	кошара - загон или хлев для овец	Кошара, ж. Большая плетеная из лозы корзина без ручек; использовалась для переноса на спине различной клади.
41.	Кубло́	кубло	кубло – логово	Кубло, ср. Ящик для хранения продуктов
42.	Кумáч	кумач	кумач	Кумач м. Хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета
43.	Кухвáйка	кухвайка	кухвайка	Куфайка ж. Род женской куртки, коротайки, фуфайки
44.	Ку́хлик	ку́хлик – маленькая пивная кружка	ку́хлик[3]	Кухлик, м. 1. Глиняный кувшин. 2. Кувшин с отбитым горлом.
45.	Лáстик	ластик	ластик	Ластик, м. Хлопчатобумажная ткань с блестящей лицевой стороной; сатин.
46.	Лáтка	латка	латка - глиняная пательня (сковорода), мисочка, риночка	Латка, ж. Деревянная, реже глиняная миска круглой формы
47.	Лежáк	лежак	лежак[4]	Лежак, м. Выступ у печки, на котором лежат и греются; лежанка.
48.	Литóвка	литовка	литовка	Литовка, ж. Коса с длинной прямой рукояткой.

[3] Считаем необходимым подчеркнуть, что номинатив *ку́хлик* зафиксирован и в «Словаре русских говоров Одесщины» (Одесса 2000) в близком значении: «**Ку́хлик**, -а, м. Глиняный кувшин для молока. Полный ку́хлик малака. Ст. Некр. Апускали ку́хлик с малаком ф криничку. Спас. Гаршэнник ку́хлики разныи делал. Рус. Ив.» [СРГО 2000-1: 277].

[4] Номинатив *лежа́к* также зафиксирован в названном лексикографическом источнике в близком занчении: «**Лежа́к**, -а, м. Настил на печи. Помню, матирь забиралась на лижа́к и выгривала там кости. Зимой в марос на лижа́к взбирёмся, там и спим. Рус. Ив.» [СРГО 2000-1: 283].

49.	Мантáчка	мантачка	мантачка	Мантачка, ж. Узкая дощечка, наполовину покрытая с обе их сторон абразивным материалом; брусок для точения косы.
50.	Мя́лка	мялка	мялка	Мялка, ж. Ручное устройство для очистки волокна льна, пеньки от стеблей.
51.	Одёжа	одежа	одежа	Одёжа, ж. Одежда.
52.	Па́рник	парник	парник	Парник, м. Котел для распаривания чего-либо
53.	Пля́шка	Пляшка – бутылка, фляга, фляжка	пляшка – стеклянный сосуд для жидкости	Пляшка, ж. Бутылка.
54.	Пово́йник	повойник	повойник	Повойник, м. 1. Старинный головной убор русских крестьянок платок, обвязанный вокруг уже покрытой головы. 2. Старинный русский головной убор замужней женщины в виде лёгкой мягкой шапочки, поверх которой обычно надевали парадный головной убор.

55.	Понёва	панёва	Поня́ва - женская юбка особого покроя, сшитая из трёх полотнищ шерстяной, обычно клетчатой яркой (черно-красной, сине-красной) ткани	Понёва, ж. Длинное клетчатое подобие юбки: шерстяная набедренная женская одежда, клетчатое полотно, которое надевается сверху на рубаху и закрывает нижнюю часть тела
56.	По́лик	полик	полик	Полик, м. Настил из досок между печкой и стеной, используемый для сна.
57.	Посто́вка	поставка	поставка	Постовка, ж. 1. Нижняя часть женской рубахи 2. Длинная женская сорочка (раньше её нижняя часть делалась из посконного холста).
58.	Пости́лка	постілка[5]	постилка	Постилка, ж. То, что постилают, подстилка, домотканое изделие.
59.	Пра́льник	пральник	пральник	Пральник, м. Плоский деревянный брусок с ручкой для выколачивания белья при полоскании; валёк.
60.	Разго́нка	розгонка	розгонка	Разгонка, ж. Соха для окучивания картофеля.

[5] В «Словаре русских говоров Одесщины»: «**Пости́лка**, -и, ж. 1. Половик, обычно домотканый. Пасти́лку новую саткала, на пол пастиласть буду. Алекс. 2. Домотканое покрывало на кровать. Пастилки раньшы из чакана́ ткали, на кравати лажыли. Пасти́лка – ну ды на каравать пакрывала. Мирн., Троиц. Накрывала сваиво первинца пасти́лкай. Б. Бур.» [СРГО 2000-2: 97]. (Чака́н = тростник.)

61.	Ря́жка	ряжка	Ряжка - небольшой деревянный или металлический сосуд с ручками предпочтительно для мытья в бане	Ряжка, ж. Низкая деревянная посуда с двумя деревянными ручками и корыто для кормления скота, свиней
62.	Са́льник	сальник	сальник	Сальник, м. Деревянная посуда (бочка, кадка, ящик) для хранения солёного сала.
63.	Сви́тка	свитка верхняя, широкая, долгая одежда вообще	Свитка верхняя, широкая, долгая одежда вообще	Свитка, ж. Верхняя приталенная недлинная одежда
64.	Скля́нка	склянка	Склянка - сосуд для питья, стакан	Склянка, ж. Стеклянный сосуд; банка.
65.	Скребни́ца	скребни́ця	скребни́ця	Скребница, ж. Орудие или подручная вещь для скребу, скребенья, скобленья и чистки чего – либо.
66.	Суде́нце	суденце	суденце	Суденце, ср. Деревянная посуда круглой или овальной формы для различных надобностей; лохань.
67.	Суди́нка	судинка	судинка	Судинка, ж Небольшая глиняная посуда.
68.	Судно́	судно	судно	Судно, ср. 1. Любая посудина. 2. Улей.
69.	Увя́зка	увя́зка	увя́зка	Увязка, ж. Верёвка для закрепления груза.

70.	Ху́ста	хуста – большой платок, шаль	хуста	Хуста, ж. Платок; шаль; косынка.
71.	Чи́рики	чарави́к	череви́ки мн. (ед. черевик, -а; м.). На Украине и в южных областях России: женские сапоги на каблуках; вообще женские башмаки.	Чирики. 1. Обувь, сшитая из одного куска кожи. 2. Обувь с невысоким голенищем.
72.	Чека́н	чекан	чекан	Чекан, м. Топор.
73.	Ши́рма	ширма	ширма	Ширма, ж. Занавеска, полотнище из ткани для занавешивания чего-нибудь
74.	Шка́лик	шкалик	шкалик	Шкалик, м. Небольшой стеклянный сосуд, стопка

Таблица 2. – Диалектизмы, употребляемые на юго-западном пограничье Брянской области, отмеченные как литературные слова в белорусском языке.

№	Русские диалектизмы	Белорусские литературные слова	Брянский областной словарь под ред. Н.И. Курганской; материалы диалектологических практик 2015-2018 гг.
1.	Бакла́га	бакла́га,	Баклага, ж. Деревянный сосуд с крышкой или пробкой для жидкостей; баклага.
2.	Бо́йка	бойка	Бойка, ж. Высокий узкий деревянный сосуд цилиндрической формы для взбивания масла.
3.	Ви́лки[1] (только мн.)	вілкі	Ви́лки. Ухват
4.	Де́жка	дзі́жка	Дежка, ж. Квашня.
5.	Канде́йка	кандзі́йка	Кандейка, ж. Небольшая глиняная или деревянная чашка с ручкой, использовалась для питья.
6.	Одёвка	одевка	Одёвка, ж. то же, что и одёжа.
7.	Печу́рка	пічурка	Печурка, ж. Небольшое углубление в боковой стене печи для сушки мелких вещей (носков, варежек и т.п.).
8.	Сева́лка	сівалка	Севалка, ж. Лукошко или небольшая корзина продолговатой формы для ручного сева; изготовлялись из лубка, соломы или прутьев.

Таблица 3. – Диалектизмы, употребляемые на юго-западном пограничье Брянской области, отмеченные как литературные слова в украинском языке.

№	Русские диалектизмы	Украинские литературные слова	Брянский областной словарь под ред. Н.И. Курганской; материалы диалектологических практик 2015-2018 гг.
1.	Апце́ньки	Апце́ньки	Апце́ньки. Щипцы для гвоздей
2.	Балса́нка	Балца́нка – бутыль	Балсанка, ж. Ёмкость для керосина
3.	Бари́ло	барило	Барило, ср. Небольшой глиняный или бондарной работы горшок, горизонтально лежащий на специальной подставке; в верхней части – отверстие для залива воды, в нижней – отверстие для слива; предназначен для воды (пива, кваса и т.п.).
4.	Га́рчик	гарчик[6]	Гарчик, м. Совок для смёта мусора.
5.	Голи́ца	голиця	Голица, ж. Рабочая рукавица.
6.	Духови́к	духови́к	Духовик, м. Отверстие в печке для выхода в комнату теплого воздуха
7.	Ка́нка	канка	Канка, ж. Посуда для хранения мёда, варенья.
8.	Колоту́шка	колотушка	Колотушка, ж. 1. Деревянный сосуд цилиндрической формы, в котором сбивали масло из сметаны; маслобойка. 2. Приспособление из дерева различной формы для сбивания масла.
9.	Куба́н	кубан	Кубан, м. Кувшин.
10.	Куба́ток	кубаток	Кубаток, м. Нижняя часть кувшина.

[6] Небезынтересен факт фиксации номинатива *га́рчик* в «Словаре русских говоров Одесщины» (Одесса, 2000): «**Гарчик**, -а, м. Совок для муки и других сыпучих тел. Га́рчикам зярно, муку бируть. Га́рчикам муку набирали. Алекс. // СРНГ: в этом знач. нет.» [СРГО 2000-1: 126].

11.	Лагу́н	лагун	Лагун, м. Деревянная посудина для жидкостей в виде бочонка; бидон.
12.	Ма́чка	мачка	Мачка, ж. Миска, в которую наливали воду для смачивания рук.
13.	Набо́жник	набожник	Набожник, м. Рушник, который вешают на иконы.
14.	Пришпи́лька	пришпилька	Пришпилька, ж. Булавка, шпилька.
15.	Про́торга	проторг	Проторга, ж. Игла для пошива.
16.	Ру́бель	рубель	Рубель, м. Приспособление в виде деревянного удлинённого валька с поперечными неглубокими вырезами (желобками), с нижней стороны; вместе со скалкой служит для катания (глажения) белья.
17.	Ско́пичь	скопич	Скопич, м. Приспособление для сбрасывания или разбрасывания навоза.
18.	Ути́рка	утирка	Утирка, ж. Тряпочка для вытирания рук.

Рисунок 1. – Удельный вес диалектизмов, употребляемых на юго-западном пограничье Брянской области

Выводы по второй главе.

Лексические единицы, номинирующие в говорах многочисленную домашнюю утварь, инструменты, одежду, обувь, представляют большой интерес для исследования, так как это «первооснова культуры» [Власова 2005].

Проанализировано 288 лексем, большая часть которых составляет тематические подгруппы, номинирующие ёмкости (54 единицы), женскую одежду (40 единиц) и инструменты (49 единиц).

В диалектной среде юго-запада Брянщины широко используются наименования деревянной посуды (*бикла́га*, *бо́йка*, *выliва́шка, де́жка/дёжа, долба́нка, жбан, жба́нтик, колоту́шка, лагу́н, ря́шка, са́льник, са́льница, суде́нце и судёнце***,** *колоту́шка* и др.), глиняной (*гирю́н, гу́рка и гу́рька, га́рка, глады́шка, глёк, канде́йка ла́тка, махо́тка, ка́нка, куба́н* и др.), а также названия ёмкостей из различных материалов (*выliва́шка, вы́ливка, доёнка/дое́нка, ко́новка, коре́ц, копы́стя, лу́зик, мему́шка*).

В среде диалектоносителей функционируют лексемы, называющие хозяйственную утварь из различных материалов, предназначенную для сбора и кратковременного хранения продуктов (*балса́нка, ка́йстра, коша́ра, ко́рница, карда́бище, кашу́лка, набёрка, плехотка, сева́лка, севни́ца, севня́, торница, хату́ль/хаты́ль*).

Как показывает анализ лексических единиц, носители диалекта наряду с непроизводными используют субстантивы, образованные морфологическими способами (суффиксальным, префиксально-суффиксальным, сложением), а также речевыми, например, путем контаминации, что свидетельствует о высокой языковой компетентности и креативности жителей региона, в лапидарном виде номинирующих бытовые реалии.

В работе проанализированы также диалектизмы-названия тканей (*дербе́нь, дермони́н, дерьмо́, де́рька, дерю́га, дерю́жечка, дерю́жина, дерю́жка*, *ла́стик*) и различных текстильных изделий (*за́пинка, ко́хта, понёва, трехво́стка, сподни́ца/испо́дница, красница, плю́шка, шандо́ра, саян* и др.), а также платков (*ху́стка/ху́ста, гарусо́вка, ка́нка, левонти́нка, поплине́тка* и др.). Единицы, не развившие многозначность в данной тематической группе (*дербе́нь, дермони́н, дерьмо́, де́рька, дерю́жина*), относим к типу устаревших. В данной ТГ отмечены номинирующие части костюма и украшения подгруппы, эксплицированные небольшим количеством лексем.

Поскольку русская печь была многофункциональным предметом, в говорах юго-запада Брянской отмечены наименования, обозначающие части печи (*гру́ба, гру́бка, духови́к, душни́к/душничо́к/душня́к, дыма́рь, дыморо́к, запе́чье, кобы́ла, ко́мин, лежа́к, надчеле́стник, пеко́лок, печу́рка, подпе́чье, подзагне́тка/подзагне́т, по́лик/поло́к, челе́сник/челе́сня, чело́, чере́нь, цо́пух*). Примечательно, что все указанные лексемы являются структурно мотивированными, в их семантике активно реализуется потенциал производящей базы и словообразовательного форманта.

Как показывает анализ лексем, диалектизмы создаются и функционируют в соответствии с языковой системой.

Мы установили: в ряде случаев диалектизмы формируют синонимические парадигмы, развивают многозначность, демонстрируя ярко выраженную этнослингвистическую компетенцию жителей региона.

Исследование лингвогенетических особенностей наименований, отнесённых к ТГ «Предметы быта», в сопоставлении с белорусским и украинским литературными языками, позволяет утверждать, что в период XVII – XVIII вв. доминирующим было украинское влияние на языковую ситуацию описываемого региона, а в период XIX – XX вв. – белорусское. В связи с тем, что наименования предметов быта относятся к воспроизведению той части концептуальной картины мира, которая в первую очередь связана с

жизнедеятельностью человека, материальной культурой (а не его мировоззрением, духовной культурой), то в пределах данных номинаций фиксируем преобладание украинизмов над белорусизмами.

ГЛАВА 3. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ БЫТА НА ТЕРРИТОРИИ ПОГРАНИЧЬЯ

Национальная составляющая находит свое проявление в устройстве повседневного уклада жизни человека, общественных отношениях, уровне культуры... «и оказывает огромное влияние на другие стороны жизни людей, на формирование личности» [Общий толковый словарь русского языка: URL]. Национальная культура народа – это историческая память, духовная матрица этноса.

Большой интерес в этнолингвистическом отношении представляет культура сельской местности, поскольку именно на этой почве формировались, культивировались и сохранялись традиции народа, символическое значение которых сфокусировано в обрядах, праздниках, фольклористике. Т.А. Листова отмечает: «В течение веков складывалась развернутая обрядовая практика, сопровождавшая все основные этапы личного бытия человека, каждый элемент которой был наполнен определенным, ясным для исполнителей смыслом» [Листова 2018: 233]. Общепринято, что жизнь человека определяют три важнейших события: крещение, бракосочетание (свадьба), похороны. Как правило, первое происходит в то время (в младенчестве), когда человек еще не в состоянии осмыслить данный факт (по вере предков/родителей); последнее осуществляется уже без присутствия живого человека. Таким образом, только один из значимых фактов жизни личности осуществляется и в сознательном возрасте, и, как правило, по большому желанию человека. Каждое из названных событий сопровождается использованием тех или иных предметов быта в атрибутивной функции.

Применительно к плану содержания диалектных лексических единиц – маркеров антропоцентрического характера – мы посчитали возможным

использовать термин контент в значении «содержание, внутреннее наполнение чего-либо» https://www.vedu.ru/expdic/121934/.

3.1. Символическое значение слова *рушни́к*

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова фиксируется следующее значение слова: *ручник* (или *рушник*), (обл.) – «полотенце» [ТСУ – 3: 206]. «Словарь народных говоров Западной Брянщины» предлагает подобную дефиницию: «*рушни́к* и *утира́льник* – полотенце» [Расторгуев 1973: 323]. «Брянский областной словарь» представляет достаточно широкую дефиницию лексемы *рушник*: «Полотенце… // Длинное, украшенное вышивкой, кружевом полотенце, которое вешали на иконы, картины, стены» [БОС: 288]. На наш взгляд, самое значительное по объему и нюансировке семантики значение лексемы *рушни́к* отражено в «Словаре русских народных говоров» в виде многочисленных ЛСВ, объединенных как гиперсемой ‘праздничное полотенце’, так и гипосемами ‘вышитое’, ‘для гостей’ и др. «Ручник и рушник, м. Полотенце, обычно праздничное, вышитое <…> Расшитое, вышитое полотенце, употребляемое как украшение (икон, стен и т п) <…> Ручник. Полотенце, подаваемое гостям за обеденным столом вместо салфеток <…> Полотенце, подаваемое гостям, сидящим за столом, на колени <…> Грубое домотканое льняное или посконное полотенце <…> Маленькая подстилка, коврик, используемый при земных поклонах, чтобы не испачкать руки об пол» [СРНГ: 283-285]. В этимологическом ракурсе слово *рушник* – суффиксальный дериват от субстантива *рука* [ТСД – 4: 188]. Однако имеет место и другая точка зрения на происхождение лексической единицы: словарь М. Фасмера представляет слово как суффиксальный дериват от глагола *рушить* — «ломать, рвать» [URL: http://znachenieslova.ru/slovar/fasmer/rushit] в связи с тем, что рушник воспринимался как оторванный кусок ткани, отрез от длинного тканого полотнища. Рушник не резали, а рвали, сделав вначале

небольшой надрез. Полотно рвалось ровно по долевой или поперечной линии. [URL: https://school-science.ru/7/10/39612].

Н.И. Толстой рассматривает понятие *рушник*, связывая его с представлением о реалии *полотно – полотенце*: «...полотно как конечный продукт тканья символизирует дорогу, путь, в том числе жизненный путь человека. Одновременно является и начальным продуктом для изготовления одежды, полотенец, скатертей, простыней... Большую обрядовую нагрузку несет небеленое полотенце [Толстой 1995: 4: 150-151].

По наблюдению исследователей, славянский *рушник* – это «единственный ритуальный предмет из языческого прошлого славян, который без перерыва древней языческой традиции с давних времён и до наших дней используется в народном быту по своему прямому назначению. Рушник, украшенный вышивкой, всегда служил оберегом дома, человека, например, жениха и невесты на свадьбе, ребёнка и матери на крестинах, был магическим оберегом на похоронах...» [URL: http://www.evpatori.ru/slavyanskij-rushnik.html].

Однако смысловое наполнение слова значительно разветвлено за счет многочисленных семантических оттенков и производящих – *рука/рвать* (это и дело рук человека, и связь человека с человеком), и паремиологического фонда языка, включающего известные фразеологические единицы с соматизмом *рука/руки: рука об руку, рука в руку, руки не доходят, набить руку, на все руки, нагреть руки, сходить с рук, не чист на руку, дать руку за кого, на скорую руку, с руками оторвать, разводить руками, руки коротки* и др.

В среде диалектоносителей часто абстрактной семантикой наделяются «наименования предметов, явлений, действий, являющихся фактом повседневной жизни. Так, на территории юго-западных районов Брянской области «символическими значениями обладают лексические единицы, обозначающие предметы быта» [Бангоян, Стародубец 2016: 98]

Важное для этносоциального сознания русского менталитета диалектное слово *рушни́к,* участвуя в структуре того или иного обряда, наделяется своеобразными сакральными смыслами, символическими значениями, отражающими суть основных действий, событий, этапов обрядового процесса.

Семиотический механизм перехода значения слова из бытового в символическое описан О.В. Белугиной, которая называет лексику, имеющую определенный статус в русской языковой картине мира, «эвентуальной»: «Данный блок содержит в себе как нормативные, так и диалектные языковые единицы, которые обозначают явления повседневной жизни человека, в связи с чем характеризуются минимальной степенью этнокультурной маркированности. Выбор термина обусловлен тем, что символическое значение таких языковых единиц способно проявляться при соответствующих условиях (лат. evenire – выходить, проявляться). Попадая в рамки обрядового дискурса, такие наименования либо в результате расширения смыслового объёма слова наделяются собственно сакральной семантикой, либо начинают объективировать символический компонент значения за счёт переосмысления денотативных признаков обозначаемой реалии» [Белугина 2016: 14].

В традиционной народной культуре как предметная номинация выступает лексема *рушни́к*, символическое наполнение которой характерно и для русского, и для сопредельных (украинского и белорусского) этносов. По наблюдению Н.А. Красовской, «символизация значений слов – процесс до конца не изученный, представляющийся как многоэтапный и сложный... слово переходит в иную сферу функционирования, начинает обозначать явления окружающей действительности, которые ранее не обозначало» [Красовская 2020: 141].

Исследователь из Беларуси, В.А. Маслова, отмечает: «Символ – это своего рода конгломерат равноценных значений, и этим он отличается от других тропов. Прямое значение в символе равноправно абстрактному:

абстрактная идея закодирована в конкретном содержании для того, чтобы выразить абстрактное через конкретное, но и конкретное кодируется абстрактным, чтобы показать его идеальный, отвлеченный смысл. Таким образом, значение и абстрактного и конкретного обогащается: солнце есть символ золота, но и золото есть символ солнца» [Маслова 2001: 96-97].

Например, как символ жизненного пути, супружеской верности, согласия, гостеприимства, трудолюбия, надежды, красоты, прощания выступает реалия, номинируемая словом *рушник*, поэтому данный предмет не использовали как изделие бытового обихода: рушником не вытирали лицо, руки, не вытирали им и посуду, <...> т.е. это предмет не утилитарного, а обрядового характера/предназначения. Рушником украшали иконы и стены, встречали дорогих гостей, молодых на свадьбе, а также использовали в траурной церемонии. Отсюда *рушни́к* является одним из наиболее интересных артефактов, функционирующих в народной обрядовой традиции. Этот предмет ритуально-символического назначения сопровождает восточных славян на протяжении всей жизни: от рождения до смерти. Так, О.В. Яковлева отмечает роль *рушника́* как символа в обрядовом дискурсе: «Рушник у побуті – це необхідний предмет, який є в кожному домі. Рушник у сімейних обрядах – це вже сакральний предмет з високим семіотичним статусом, символ дороги, якою підуть разом після весілля молодята; або це – символ переходу (тунелю) зі світу, де мешкають предки, на білий світ в обряді народження дитини і навпаки – з цього світу в потойбіччя у поховальному обряді» [Яковлєва 2014: 135].

То же назначение выполнял *рушник* и на территории Украины: «Важливі події в житті народу ніколи не обходились без рушників. Вишитий рушник завжди був знаком гостинності, на ньому підносили дорогім гостям хліб-сіль; на рушниках приймали новонароджених, а також проводжали людину в останню путь» [Яковлєва 2014: 137].

На территории брянского порубежья наименование *рушни́к* встречается при описании календарных и традиционно-бытовых обрядов (рождение, крещение/крестины/кресьбины, свадьба, похороны, поминальные обряды). «Ніводнае сапраўднае вяселле ва ўсходніх славян не абыходілася і не абыходзіцца без ручніка», – отмечает белорусский лингвист А.А. Станкевич, с чем трудно не согласиться [Абрадавая лексіка ў гаворках Гомельшчыны 2015: 135].

3.1.1. Контент *рушни́к* в традиционном свадебном обряде

С разветвленной системой этнических, этических, нравственных критериев и ассоциаций связаны представления восточных славян о свадебном обряде, поскольку создание семьи считалось самым важным событием в жизни человека, отношение к которому было серьезным и ответственным. Во все времена в русском этносознании семья выступала в качестве «одного из важнейших социальных институтов» [Нестеров URL]. Описывая основы древнерусской семьи, В.О. Ключевский отмечал не простую организацию определенного микрособщества, а «довольно сложный юридический союз, чрезвычайно туго стянутый дружными вековыми усилиями церкви и государства» [Ключевский 1990: 359]. Именно в семье закладывалось будущее государства – воспитывались дети. Отсюда приобретала особое наполнение специфика свадебного обряда, который не только констатировал изменение социального положения человека как индивида, но и определял его новый статус в обществе, фиксировал законность происходящего в рамках традиционной культурной матрицы. Поэтому в силу особой значимости свадебный ритуал среди обрядово-игровых обычаев проявлял торжественно-яркое разнообразие и демонстрировал многоступенчатый характер.

Традиционный народный свадебный обряд, бытующий на территории брянского пограничья, представляет интерес для исследования, с одной стороны, как факт традиционной народной культуры, обладающий своей региональной спецификой; а с другой – как факт живой этнокультурной сакральной коммуникации, которая формируется во многом обрядовой лексикой.

Велика роль *рушника* в традиционном свадебном обряде: «На вяселле ручнікі ўпрыгожвалі хаты маладых… Ручнік станавіўся абавязковым атрыбутам сватання і заручын… Часта ручнік выступаў у ролі падарунка… Ручнік быў неабходны ў час падзелу каравая… Без ручніка немагчыма ўявіць сабе вянчання…» [Станкевіч 2008: 74-75]. Названные функции *рушник* выполнял и на территории пограничья, о чем свидетельствуют рассказы респондентов.

Наиболее многопланово специфика символического значения лексемы *рушник* и многофункциональность этого обрядового атрибута проявились в свадебной народной традиции. Слово *рушни́к* как единица, называющая материальную составляющую обряда, а также как обрядовое слово, конструирующее наряду с другими лексемами сакральный смысл обряда, демонстрирует высокую активность и актуальность и в наши дни.

Рушни́к использовался на всех этапах традиционного свадебного обряда: он выполнял функции соединения, покрывания, украшения, одаривания и др.

Так, значение слова *рушни́к* в бытовой жизни русского социума – «вышитое полотенце». Этносимволическое наполнение слова – имени концепта *рушни́к* – в свадебном обряде – символ согласия при обручении (перевязывался через плечо), символ отеческого благословения (на *рушнике* благословляли), символ счастливой и долгой супружеской жизни (связывал руки молодых при венчании), символ достатка и богатства (застилался под ноги молодым при венчании, под *рушни́к* клали зерно, деньги), символ уважения и почитания (на *рушнике* выносится/подавался обрядовый хлеб –

каравай), символ препятствия (*рушником* перегораживали дорогу молодым при их возвращении домой/к месту празднования после обряда венчания /бракосочетания) и т.д.

Рушник сопровождал свадебную церемонию с момента сватовства, в котором также был неизменным атрибутом. Если сваты из дома девушки выходили в обратный путь перевязанные через левое плечо рушниками, то таким образом жители поселения определяли, что предложение молодого человека принято, если же сваты уходили без рушников, значит свадьба этой пары не состоится.

Во время венчания молодожёны должны ступить на рушник одновременно и с одной ноги – это знак понимания ими друг друга, умение принять в перспективе верное совместное решение по проблемному вопросу.

На территории юго-запада Брянщины старожилы рассказывают об обрядах, представляющих встречу молодоженов в том доме, где проходит свадьба. С помощью *рушников* возводили символическую арку, через которую проходили молодые муж и жена: *«Мать нявéсты пóсле зáхса встрячáеть с хлéбам и сóлью, но тóлька éсли не ўдавá. Абязáтяльна встрячáять замýжняя жэ́нщина. Станавúлися двянáцать чалавéк па два, брáли рушникú, и малады́я прахадúли, как чéряс ручаёк»* (Записано от: Шмухляровой Валентины Никандровны, 1952 г.р., с. Старый Кривец, Новозыбковский район, Брянская область, РФ). (Фрагмент текста респондента опубликован и воспроизведён исполнителями проекта РГНФ № 15-24-01006 «Этнографические и лингвокультурологические особенности обрядового фольклора брянско-гомельского пограничья» в работе «Роль символического атрибута *рушник* в традиционном свадебном обряде (на примере приграничных с Беларусью территорий Брянской области)» [Кривоносова, Стародубец 2016: 105].) Описанное обрядовое действие имеет ярко выраженное символическое наполнение: тот факт, что молодоженов встречает семейная женщина должен настроить всех на традиционную, полную семью. Это своего рода ориентир

правильной семейной установки для молодых, пример старших младшим, предков потомкам.

Преодоление препятствия в виде ручья, реки (через мостик), даже оконтуренные в символическом представлении, означает, что молодые будут леко проходить через преграды, помогая друг другу, справляться с трудностями.

Соединение двух разных людей в одну семью символизировал рушник, которым связывали руки молодых. Этот *рушник* затем аккуратно снимали, чтобы сохранить узел, и, как правило, завязанный *рушник* хранился в семье как оберег. Несмотря на то, что в наши дни семейным маркером объединения выступают обручальные кольца, традиция связывания рук молодоженов присутствует на свадебном торжестве даже в городских поселениях Брянской области. На территории пограничья был распространен также обряд связывания рук гостям, другу и подруге жениха и невесты, свидетелям.

Рушник являлся обязательной частью приданого невесты (даже во второй половине XX века в ряде сельских населенных пунктов Брянщины сохранились отголоски этой традиции). В этой ситуации отчетливо проявляется символическое значение *рушник*а как обрядового дара. В свадебном обряде *рушники* выполняли еще одну обязательную функцию: на второй день празднования невеста украшала рушниками дом свекрови (красный угол избы, стены, оконные и дверные проёмы) [Кривоносова, Стародубец 2016: 107]. Обыденное украшение дома в контексте свадебного обряда наделяется сакральным смыслом, актуализации которого способствуют в том числе контекстуальные распространители «вешать, навешать, завесить, убирать, поубирать, украшать»: *«...пашла́ ты за́муш... на о́кна и рушники́ ве́шала у свякру́хи. Павязли́ маладáйку, и ты е́дяш з рушника́ми. И не де́фка, а заму́жняя ужэ́ и не развадя́га. А то́льки, штоп за́мужам была́, с хазя́инам. Рушники́ ве́шать е́дя з маладáйкой ти с сястро́й»* (Записано от: Елисеенко Нины Макаровны, 1937 г.р., с. Верещаки,

Новозыбковский район, Брянская область, РФ). (Фрагмент текста респондента опубликован и воспроизведён исполнителями проекта РГНФ № 15-24-01006 «Этнографические и лингвокультурологические особенности обрядового фольклора брянско-гомельского пограничья» в работе «Роль символического атрибута *рушник* в традиционном свадебном обряде (на примере приграничных с Беларусью территорий Брянской области)» [Кривоносова, Стародубец 2016: 106].)

По традиции такого типа действия имели ярко выраженный обрядовый характер. Чем красивее, длинее были рушники, тем выше оценивалось мастерство рукодельницы – молодой жены, тем выше достаток имела ее семья.

«Ну, прыда́ння э́та – палате́нца, рушники́ – мо́уть ве́чарам прыне́сть, и ве́шають. И ве́шають у свякро́ви рушники́, занаве́ски на две́ри. А лю́ди бяу́ть улядзе́ть, ско́льки рушнико́в наве́шана» (Записано от: Колесниковой Ульяны Васильевны, 1941 г. р., с. Заборье, Красногорский район, Брянская область, РФ). В настоящее время названные мероприятия/действия даже в сельской местности не практикуются, поскольку девушки давно не ткут и не вышивают рушники, а значит, обряд относим к категории устаревших, но сохранившихся в памяти старших поколений и транслируемых потомкам.

Однако основная идейная нагрузка *рушника́* – символизировать жизненную дорогу, которая должна быть ровной, яркой, свободной [Абакумова, Стародубец 2015: 103-106]. И в этой функции использовался *рушник* часто (но не всегда и не на всей территории пограничья) во время свадебного обряда, когда, встречая молодых, *рушника́ми* в доме застилали от порога до стола дорогу, по которой муж вел жену, обозначая перед присутствующими новый статус девушки, а жене показывая её новое место и за столом, и в жизни. Если подобного рода использование *рушника́* проявлялось в локальном пространстве (в ряде населенных пунктов считалось, что *рушник* даже случайно не может упасть на пол), то употребление *рушника́* как коврика во время венчания было обязательным. Таким образом, человек

единственный раз в жизни вступал на *рушник*, что символизировало недосягаемую высоту, предстательство его перед Богом. В этот момент в храме давался обет любви и верности перед Богом и людьми.

В различных ритуальных актах в ходе свадебного обряда *рушник* выполняет разное назначение: выступает и как своеобразный транслятор концепта *жизненный путь,* и как средство обозначения препятствия в ходе обрядового действия *перегораживания дороги* молодым и др.

На территории Российско-Белорусского пограничья (Смоленская область), например, это действие называется *закидывать зайца*. Активно практикуется и сегодня в сельской местности на юго-западе Брянщины: любой человек (как правило, это группа людей) может перегородить дорогу молодым, уже мужу и жене (т.е. на обратном пути из места регистрации брака) либо *рушником* (если он очень длинный), либо жердью. За этим препятствием ставят стул, обязательно покрытый *рушником*, на него или каравай с хлебом-солью, или икону. Молодые должны поставить на *рушник* выкуп-угощение и забрать подарок (каравай с хлебом-солью, икону). *Рушник* брать нельзя – это символ препятствия. По традиции нельзя пренебрегать такими обычаями – не дать угощения, развернуться и проехать другой дорогой – это может стать, согласно поверьям, причиной тяжелой жизни молодых или даже развода. Народная мудрость проста: игнорировать обычаи – значит оскорблять мнение общества, наносить вред будущему (в том числе репутации) молодой семьи. Однако нельзя проявлять непочтительность и по отношению к молодой семье. Например, отсутствие каравая или иконы говорит о пренебрежении общепринятыми правилами уже со стороны тех, кто таким образом встречает пару.

Количество вынужденных остановок (вследствие перегораживания пути) свадебной процессии не регламентировалось, и для всех у жениха должно было быть угощение. В настоящее время в ряде населенных пунктов с небольшим количеством жителей родители жениха и/или невесты заранее

просят односельчан *закинуть зайца*, чтобы сохранить в полном объеме свадебный ритуал, не лишить возможности благополучной семейной жизни детей. В ходе этого действа каждая сторона соревнуется в остроумии, находчивости, знании свадебного порядка.

Как неустойчивый обрядовый факт прошлого нами отмечено использование *рушника* в качестве оберега девушки во время свадьбы. Если по каким-то причинам у девушки не было свадебного головного убора (по случаю бедности семьи или другим обстоятельствам), то голову невесты покрывали рушником.

Еще в середине XX века в сельской местности на свадьбах использовали лошадей, особенно если дома родителей молодых находились на большом расстоянии друг от друга. В этом случае рушниками украшали дуги лошадей, на которых везли молодых в церковь венчаться или в местную администрацию (сельский/ поселковый совет) расписываться – это имело место и в 60-70-е гг. XX века, когда сельские советы находились не в тех неселенных пунктах, где жили молодожены, а дороги, особенно весной и осенью, практически отсутствовали.

Традиция благословлять молодых иконой, окаймленной *рушником*, а встречать хлебом – солью на *рушнике* сохранилась и в настоящее время на всей территории Брянщины. Считается, что каравай и икона не должны быть взяты голыми руками – только на *рушнике*, за неимением которого его функцию в наши дни выполняют специально изготовленные промышленным способом полотенца с изображением обручальных колец, голубков, цветов и надписью: «Совет да любовь».

Таким образом, этнографический и лингвокультурологический анализ фольклорных текстов, зафиксированных на территории брянского порубежья, выявил, что в традиционном свадебном обряде номинация *рушник* отражает в представлении народа неразрывность традиционного и духовного начал и выступает в качестве средства трансляции этнической культуры, эксплицируя

символическое значение обрядового текста. В ряде случаев символическое использование *рушника* указывает на языческое происхождение того или иного обряда (например, когда *рушник* выполняет функцию оберега).

Считаем, что номинация *рушник* в рамках свадебного обрядового дискурса выступает в качестве «эвентуальной» лексемы и актуализирует свое символическое значение.

3.1.2. Контент *рушни́к* в обряде погребения

Рушник является также неотъемлемым атрибутом одного из значимых событий – похорон. Как и в процессе свадебного, так и во время погребального обряда *рушник* символизирует путь, только теперь дорогу в мир иной. Ритуальный *рушник* на воротах, дверях дома – знак траура, скорби (традиция практически утрачена); на кресте, который несут на кладбище в ходе похорон, – знак своеобразного вместилища и пути для души, которая будет на протяжении сорока дней проходить мытарства, а затем отправится в жизнь вечную. Ритуальный *рушник* символизирует конец жизненного пути человека и начало его движения по духовной стезе. По другим поверьям, *рушник* обозначает последнюю дорогу, по которой душа усопшего попадает в загробный мир.

Специальным *рушником* прямоугольной формы («на душу») накрывали тело покойного от груди и ниже.

Рушник повязывали на руку тому, кто помогал в ходе похорон: копал могилу и нес гроб и крышку гроба. Для этого женщины ткали специальные небольшие рушники. В наше время таких *рушников* почти не осталось, поэтому на территории пограничья их заменили на обычные ситцевые платки, которые, как и прежде *рушники*, повязывают на руку. Как и *рушник, погребальный платок* во время похорон должен защитить человека от воздействия негативной «мертвой» энергии, а также от связанных с

потусторонним миром несчастий. После похорон *рушник/платок*, которым была перевязана рука, забирают домой, в дальнейшем он будет исполнять роль оберега. В ряде населенных пунктов респонденты отрицают функцию оберега у *платка* (*рушника*) и говорят о том, что это знак благодарности, признательности родных покойного тем людям, которые помогли в этот трагический период. Традиция повязывания *рушника* на руку имеет место только на пограничных брянских территориях; в районах «внутренних» и северных, граничащих с Калужской, Орловской и Смоленской областями, такого установившегося обычая нет.

Посредством специальных длинных (5-7 метров) ритуальных *рушников* гроб с усопшим медленно опускался в могилу. Каждая твердо стоящая на ногах семья имела свои рушники для погребения. Это были торжественно-траурные, широкие, крепкие полотна со специальной вышивкой, по которой местными жителями определялась их принадлежность той или иной семье.

В случае неимения погребальных рушников вследствие бедности семьи или болезни женщин-рукодельниц на момент смерти кого-либо из родственников обращались к тем, кто в поселении располагал ритуальными рушниками. Такое их использование в обряде погребения было системным, однако последующее употребление рушников не системно представлено в рассказах респондентов: в одних населенных пунктах говорят, что предметы, которые были использования для опускания гроба, оставляют в могиле или, разорвав на куски, раздают присутствующим для бытовых целей. Другие же утверждают, что рушники аккуратно складывались, затем их несли домой, но в дом не заносили, а хранили в сундуках вне жилого дома: в сараях, кладовых, чтобы в случае необходимости снова использовать их по назначению. Мы полагаем, что, исходя из прагматических умозаключений, использовать такие вещи как одноразовые было нецелесообразно, т.к. изготовление их требовало длительного времени (ткачество и вышивка) и средств, поэтому склоняемся ко

второй версии, к тому же, никто не знал, когда данные предметы могут снова понадобиться.

На могиле новопреставленного ставился крест, перевязанный рушником, до ближайшего праздника – дня особого поминовения усопших – Радоницы. К этому дню всегда тщательно готовились не только на территории юго-запада Брянщины, но и, полагаем, на всей российской земле.

Согласно лексикографической фиксации В.И. Даля, слово *Рад(о)уница/Радовница/Радошница* – суффиксальный дериват от субстантива *радость* – «веселье, услада, наслажденье, <...> а также само событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства» [ТСД – 4: 9]. В производном сохраняется ядерное семантическое наполнение производящего – компонент ‘радость’: *Рад(о)уница/Радовница/Радошница* – «день поминовения усопших на кладбище; тут пьют, едят, угощают и покойников, призывая их на радость пресветлого Воскресения» [ТСД – 4: 11]. Радуница происходит от слова *радоваться*. Радуницкие поминки всегда сопровождались чрезмерным упоением, от того вошло в поговорку: «Выпили пиво об маслянице, а с похмелья ломало после радуницы» [Терещенко: URL]. В.И. Даль, отмечая в составе словообразовательного гнезда единицы *радованцы, радованские поминки*, объединяет их с названными выше *Рад(о)уница /Радовница/Радошница* как тождественные варианты, при этом предполагает, что мотиватор для них был один: «по-видимому, все слова эти от *рад*» [ТСД – 4: 11]. Размышляя о возможном отсутствии радости у кого-то в этот день, исследователь допускает мотивацию и другими производящими: «не от *родитель* ли? или от *радеть*?» [ТСД – 4: 11].

Мы полагаем, что в смысловом объеме слова *Радоница* могла иметь место и контаминация семантики, поскольку подготовка к празднику *Радоницы* – это *радение* («забота, хлопоты всей душой, радушно» [ТСД – 4: 11]) живых, т.е. *радетелей* («благодетелей, заступников, старателей, кто радеет кому или о ком» [ТСД – 4: 11]) о *родителях*, к которым относятся «отец

и мать; предки, старики, деды, прадеды», а также «покойники» [ТСД – 4: 169]. Наряду с названными выше на территории юго-запада Брянщины бытует также лексема *ра́дить(ся)* – «давать совет, советовать(ся)»: *А ты к Яхи́мычу схади́, ён, ча́го, мо́жа, и ра́дить* [БОС: 280], значение которой, возможно, опосредованно включалось в семантику лексемы *Радоница*, создавая смысловое расширение последней (во время праздника среди родных можно было получить нужный совет или что-то посоветовать другим).

Подготовка к Радонице и празднование её в разных населенных пунктах области происходило не одинаково. В ряде регионов спектр предметов-символов и действий, связанных с ними, не входил в число устойчивой праздничной парадигмы. В частности, на территории, не граничащей с сопредельными славянскими государствами (Навлинский, Карачевский, Брянский и другие районы), могильные кресты не перевязывали и не перевязывают *рушником*, как на пограничье, где примерно за неделю до Радоницы родственники умерших снимают старые *рушники* и оставляют крест в таком виде до праздника. Когда вся семья, друзья, знакомые собираются на могиле, женщина, которая делала новый *рушник*, перевязывает им крест в знак памяти об усопшем и радости от символической встречи живых и мертвых. Считается необходимым сделать это так, чтобы одна сторона рушника была перевернута наизнанку, это символизирует переход человека из мира живых в мир иной и показывает связь этих миров. Потусторонний мир – это область божественного, а для Бога должно было быть все красиво, поэтому на *ритуальных рушниках* вышивка была выполнена так, чтобы лицевая и изнаночная сторона выглядели примерно одинаково. В наши дни не все семьи имеют *рушники*. Их заменяют красивые синтетические полотенца с изображением куполов, крестов и других церковных атрибутов, однако женщины по традиции дополняют этот предмет машинного производства рукоделием: пришивают рюши, надвязывают крючком узорчатые края, т.е. создают подобие ручной работы.

Таким образом, символическое наполнение контента *рушник* в обрядовом комплексе погребального назначения отражает прежде всего наивные, ранние представления людей о необходимости защиты от неживого, загробного мира, способного опосредованно или при непосредственном контакте с телом умершего человека как-то отрицательно повлиять на живых, а также репрезентирует переход из одного мира в другой, неизвестный.

3.1.3. *Рушни́к* в обряде крещения

Крещение – первое значимое событие в ряду других церковных таинств в жизни человека. Его совершают, как правило, один раз по воле и вере родителей (когда крестят младенца) или по собственному желанию (во взрослом возрасте).

Крещение существует в христианской церкви издревле; оно предполагает иметь восприемников «кои, соединяясь с крещаемым духовным родством, служили бы им наставниками в принятой вере. <…> В наше время при каждом крещении бывают восприемник и восприемница, которые между собою называются кум и кума, а в отношении к принятым ими от купели детям крестным отцом и матерью. Тогда происходит между ними духовное родство» [Терещенко: URL].

У восточных славян праздник Крещения в обиходе называется крестинами. «В общенациональной традиции обряд *крестины* непосредственно отражает и общероссийскую христианскую традицию проведения обряда крестин, его значение и основные элементы. Событийные и ролевые составляющие обряда описаны лингвокультурологами» [Н.И. Толстой 1995].

Исследователи подчеркивают, что «символическое наполнение обрядов рождения и крестин в русской лингвокультуре детерминировано ключевыми символами. <...> при этом лексическое значение самого символа становится

воплощением концептуального вектора обряда, репрезентируя на фоне бытового значения слова собственно духовное со-значение, а слово-символ даже в авторском преломлении является синкретичным фактом речи и языка» [Головачева, Стародубец 2015: 8].

При рождении ребенка, его крещении огромное значение придавалось каждой детали, каждому предмету. Традиция предписывала и разнообразное использование *рушника*. Еще до крещения, в первые дни появления ребенка, мать с новорожденным младенцем чествовали *рушником* с особо насыщенными обереговыми атрибутами, которые должны были обеспечить жизнь и здоровье незащищенным перед злыми силами младенцу и матери.

Так проходил обряд родин. *Родины* – «день, когда кто-либо родился, а также празднование этого дня»: *Пятро́ва ба́ба сына ради́ла, дак зва́ли на ради́ны у чятьве́рьх* [БОС: 287].

А.В. Терещенко писал о традиции одаривать новорожденного в России и у соседей: «У нас, как скоро родит мать, извещают о том родственников и хороших знакомых. Прежде было в обычае, что после извещения посылали родильнице подарки, состоявшие из материй, полотна и т.п.» [Терещенко: URL]. (Эта традиция сохраняется еще на пограничье в небольших селениях, где все друг друга знают: *Ся́дня у маéй сасéтки ради́ны: дачка́ сы́на ради́ла. Уну́к зна́чицца у яé тяпéрь* [БОС: 287].) «В Малороссии на другой или третий день по рождении младенца родители посылали бабку к родным и знакомым с хлебом и узваром с извещением о новорожденном младенце и о приглашении их на крестины. Другие посылали вместо узвара бутылки с виноградным вином и пряники. Ныне такое поздравление выходит из обычая в дворянском сословии, однако оно продолжается еще между простолюдинами и купечеством, и при крестинах уже ничего не кладут на зубок» [Терещенко: URL].

Как правило, от момента рождения на сороковой день ребенка несли крестить на *рушнике*, который вышивала крестная мать. Причем, применение

темных ниток (черных) было запрещено, так как только светлые тона и яркие краски обещали ребенку хорошую жизнь и судьбу.

В православной церкви после крещения ребенка вытирали *рушником* (в настоящее время – большим *полотном* или *полотенцем* – «коротким полотнищем для утирания рук или лица» [ТСД – 3: 441]). Эту вещь (на юго-западе Брянщины именуемую словом *крыжмо́,* в других местах – *крыжма́*) – родильно-крестильный оберег – никому не отдают и хранят дома всю жизнь. Если когда-то ребенок соберется уехать из дома (на учебу, на службу и т.д.), ему с собой в дорогу мать положит этот *рушник*. Он будет выполнять функцию оберега и опознавательного предмета, указывать на то, из какой местности человек, даже из какой семьи, как в сказке про стрельца, когда по ширинке мать сразу признала рукоделье дочери. Если же ребенка вытирали *полотном*, то при отъезде из родительского дома мать каждый раз будет отрывать от него даже взрослому уже человеку узкую полоску и пришивать её к одежде (может положить в карман той или иной вещи (бывает, что отрывается несколько таких полосок: для каждой носильной вещи, имеющей карманы)). Это делают и современные женщины; оставшуюся часть *полотна/полотенца* они отдадут ребенку, когда тот будет вступать в брак. Если женщина имеет хроническое заболевание, не уверена в том, что доживет до свадьбы ребенка, она наказывает ему, как поступить с *крыжмом/крыжмой*, чтобы жизнь не была насыщена проблемами, неприятностями, трагическими событиями, т.е. преемственность поколений, связанная с родильно-крестильным обрядовым комплексом, на Российско-Белорусском пограничье не утрачена, чего нельзя сказать о внутренних территориях области.

Перед крещением непосредственно (в храме), по сложившийся традиции, с ребенка снимали всю одежду, после купели и вытирания *крыжмой* на малыша надевали крестильный наряд – подарок крёстной матери. В этом его и привозили домой. Переодевание, таким образом, символизирует появление у ребенка новых родителей (отсюда выражения *крёстная мать* и

крёстный ***отец***), которые с этого момента тоже несут ответственность за духовную жизнь их чада, являются наставниками, помощниками, образцом нравственной жизни.

Подчёркиваем, что символические доминанты отражают культурно значимые смыслы, представления, формирующиеся непосредственно фольклорным дискурсом и под влиянием фольклорного дискурса (к примеру, о значении и статусе слова в фольклорном тексте). Таким образом, обрядовые слова-символы являются матрицей обряда, определяют его сакральный смысл, сами же «предметы, обнаруживающие инобытие, становятся сакральными, и человек перестраивает своё существование, выделяя из мирского (обыденного) существования сакральный образ жизни» [Банкова 2008: 16].

Таким образом, в родильно-крестильном обряде *рушник* выполняет функцию оберега, что закономерно, т.к. маленький ребенок не в состоянии себя защитить от зла: ему нужны помощники (*крёстная мать* и *крёстный отец*).

3.1.4. Контент *рушни́к* как обрядовый дар

В жизни восточных славян *рушник* нередко выступал как дар классического и обрядового диапазона. В первом случае могла подарить любая женщина-рукодельница своей соседке, подруге. Это мог быть своеобразный обмен, когда девушки или замужние женщины договаривались, что подарят друг другу на тот или иной праздник *рушники*. В этом случае всё (размер, вышивка) определялось с учетом личности одаряемого.

Когда *рушник* являлся обрядовым даром, как было отмечено ранее (его дарила крёстная мать своему крестнику, девушка, вступавшая в брак, – жениху, членам его семьи, сватам, мать – дочери и т.д.), он выполнял определенную функцию торжественного или ритуального характера. В ряде случаев он символизировал собой молитву (индивидуальную или

коллективную) своеобразного вещественного уровня. Так, на территории брянского пограничья известно достаточно много Святых источников, называемых *кр(и)ыни́цами*. Лексема *кр(и)ыни́ца* номинирует также любой «родник и колодец» [БОС: 347]. (*А вада́ у крыни́цы е́тай ра́ньшы чи́стая была́, тяпе́рь чаго́сь туды́ набраса́ли // Напаи́ сваяго́ каня́ у крини́цыю.*) Если человек просил о чем-то Господа на освященной *крынице*, его молитва имела оброчный характер (*оброчный* – суффиксальный дериват от церковнославянского *обрекать/обречь* – «посвящать, предназначать, определять, жертвовать» [ТСД – 2: 1011], или от *оброк* – «жертва» [ПЦСС: 367]). В этом случае, как правило, вербализированная творческая молитва «подкреплялась» еще и «вещественной»: на деревьях/кустах, расположенных рядом с *крыницей*, повязывался *рушник* как дар Богу, знак благодарности за услышанное (и в перспективе исполненное) прошение. В наше время в случае отсутствия *рушника* оставляют носильные вещи. Они выполняют не оброчную, а и предохранительные или защитные функции. По сути – обереговую функцию. Считается, что в оставленной вещи сконцентрированы болезни, проблемы, несчастья, от которых человек удалился, и с этого момента его оберегает сила. Отсюда поверье: то, что находится около Святой крыницы, никогда нельзя брать с собой, каким бы бедным и нуждающимся человек ни был, потому что вместе с вещью можно «взять» и горе, и безденежье, и заболевание, оставленное здесь.

Коллективную молитву также нередко поддерживал обрядовый дар в виде, например, *обыдённого рушника*. Согласно словарю В.И. Даля, *обыдённый/ овыденный* – «однодневный, одноденный, суточный, в один день сделанный, одни сутки длящийся» [ТСД – 2: 211]. «На Руси ткали *обыдённые рушники*, строили *обыдённые церкви*... это делали сообща, миром. *Обыдённый рушник* за одну ночь или один день ткали и вышивали женщины всего села, когда беда (война, засуха, голод и др.) была общей и соответственно требовала совместного противодействия в различных проявлениях. Созданием

обыдённого рушника люди стремились оградить себя, своё жилище и животных от стихийных бедствий и трагических событий, надеялись сохранить не только имущество, но и жизнь. Разумеется, такой *рушник* – дар Богу, поэтому в ряде населенных пунктов пограничья *обыдённым рушником* (он был довольно протяженным, длинным) как бы «обтягивали» (т.е. «туго оболокали во что» [ТСД – 2: 211]), как правило, небольшую сельскую церковь. Отглагольный дериват *обтяго́вня* (не представлен в диалектных лексикографических справочниках) номинировал названную реалию – рушник, предназначенный для украшения церкви снаружи.

В церковь женщины приносили свои рушники, чтобы украсить иконы перед праздником, причем, каждая считала какую-то икону «своей», покровительствующей именно ей. Это могла быть икона Матери Божьей, которой женщину благословляли на брак, или которая особо почиталась в семье, соответствовала престольному празднику. А поскольку в разных семьях могли почитать как покровительницу одну и ту же икону, то она нередко была убрана несколькими рушниками. Такой подарок храму, на наш взгляд, – дар классического и обрядового характера, как и *великотный рушник*.

Самый большой праздник православных людей – Пасха, или Великий день. Для этого события имели специальные *пасхальные рушники* – *великотные*. Мы полагаем, что диалектизм *велико́тный* – фонетическая деформация на русской почве украинизма-композита *велико́дній*, т.е. относящийся к Великому дню (Пасхе). В украинском языке известны сочетания *великодній (пасхальній) рушник, великодній накривний рушник, великодній хліб (паска)*. Названные реалии были частью *великодніх традицій*.

Обязательно обрамлялись *рушниками* домашние иконы. Такие *рушники* в разных населенных пунктах назывались по-разному: *божни́к, боговни́к*. Они выступали в качестве гиперонимов в группе, включающей однокоренные лексемы (*подбо́жник*, *набо́жник*) и семантический диалектизм *ши́рма*. Субстантивы дифференцировались по положению относительно икон: на

расположенный непосредственно на полке *подбо́жник* ставили иконы, *набо́жник* (длинный домотканый холст, украшенный вышивкой) в расправленном виде обрамлял святой/красный угол с иконами, сверху, параллельно *подбо́жнику*, располагалась *ши́рма*.

3.2. Контент *ка́шник* в обряде крещения и свадьбы

Горшок, в котором готовили кашу (*ка́шник*), содержимое его, а также черепки были обязательными атрибутами свадебного и родильно-крестильного обрядов.

Свадебный обряд, название которого не представлено однословной единицей, но о котором обычно говорят «кашу выносили», следует отнести к символам, утрачивающимся в современном социуме. Суть его состоит в следующем: в доме, где проходит свадьба, женщины варят кашу (любую, но часто гречневую) в глиняном горшочке – *ка́шнике*. Главное во время приготовления блюда – не трогать (не перемешивать) кашу, чтобы сверху она была ровной, что на пограничье определяется словом *нековы́ренная*. Такая каша символизирует невинность, непорочность невесты. После того, как гости увидели поверхность каши, горшок разбивают, и черепки вместе с небольшим количеством каши высыпают на блюдо и раздают каждому гостю в то время, когда тот поздравляет и одаривает молодоженов. Эту кашу и черепок гость не ест за праздничным столом, а забирает домой. Каша как символ чистоты невесты послужит примером детям (если в семье дочери, то им в назидание, как важно сохранять невинность; если сыновья, то им пример, каких девушек в жены брать), а черепки – символ трудностей, беды, неприятностей, которые уносят от молодоженов подальше, чтобы легко жилось: все беды легко переносить не одному, а разделить.

В обрядовой части крещения также были задействованы названные атрибуты: *кашник* и *каша*. Ровная поверхность каши здесь не носила

символического характера, скорее, в этом состояла эстетическая функция. *Кашник* разбивали, а черепки выкупали гости, что символизировало обеспечение благосостояния ребенку, его семье.

Горшок с кашей символизировал достаток/богатство семьи, которое та получила с появлением в семье малыша, однако демонстрировал и то, что в жизни может произойти любое событие, которое разрушит эту идиллию, и тогда надо будет начинать заново создавать благополучие. Итак, черепки разбитого *кашника* собирали, клали на поднос, а гости их «покупали»: крёстная мама предлагала взять любой черепок, взамен которого ей давали деньги (потом собранная сумма передавалась родителям новорожденного). Первым «покупателем» был крестный отец, который, как правило, платил самую высокую цену и задавал тон остальным. Один и тот же человек мог «купить» несколько черепков, чтобы помочь семье или даже в пику другим гостям. Примечательно, что в случае, когда семья, крестившая ребенка, была очень бедной, *кашник* не разбивали (жалели людей, понимали, что причинят им убыток), но, тем не менее, предполагаемые черепки все равно «продавали» и «покупали».

На территории других населенных пунктов юго-запада Брянской области (с. Новый Ропск, Верещаки и др.) на крестинах было принять варить кашу (гречневую, ячневую). Горшок, наполненный кашей, разбивался к счастью младенца и родителей. *«Сначала подґатавливались. Варыли кашу (ґречнявая, ячнявая, пшённая). Затем кашу разбивали и чаряпки лажили людям на ґалаву, штоб люди ражали дятей. Хрёсная дарила падарки (ленты),ґости прихадили тожа с падарками* (Соболь Мария Акимовна, 1925 г.р., с. Новый Ропск Климовского района). «В Полесье черепки от разбитого горшка кидали в подол, на голову или за пазуху молодым женщинам, чтобы у них было много детей» [Славянская мифология 2011: 38-39]. М.М. Валенцова отмечает: «Широко распространены обычаи поднимать горшок с кашей вверх,

накрывать его полотенцем или холстом, бросать деньги на горшок К., разбивать горшок с К.» [Славянские древности – 2: 223].

Считаем, что символическое значение номинации *кашник* – «собирание, изобилие, рождение, единение», сам символ подобен архетипическому *чаша* (в христианстве: Иисус Христос использовал чашу во время Тайной Вечери).

3.3. Контент *ведро́* и *коромы́сло* в свадебном обряде

Каждый этап свадьбы и элемент обрядового действия имел своё значение, осознание этих актов торжественного ритуала осуществлялось детьми с самого раннего возраста, когда они выступали в качестве наблюдателей на свадьбах близких родственников, затем происходило включение сельских детей в ход события. Таким образом, традиции, заложенные предками, сохранялись их потомками, транслировались будущим поколениям.

Например, Людмила Владимировна Лыбо, 55 лет, образование высшее (до 17 лет проживавшая на территории российского приграничья Брянской области), говорит, что одним из ярких воспоминаний детства была свадьба сестры, во время которой имел место обычай *переноски воды*. Невесту вели к колодцу, давали ей *два новых ведра* и новое (обычно красиво оформленное, как правило, разрисованное) *коромысло*. Девушка должна была набрать из колодца воды, наполнить ею вёдра и полными донести до дома. Ей активно мешали гости, а подружки невесты и друзья жениха, а также сам жених, должны были её оберегать, защищать, не давать возможности расплескать или разлить воду. Взрослые и немолодые гости ожидали эту процессию на крыльце дома. Если удалось принести полные вёдра, значит, свадьба продолжается; если же с первой попытки не получилось, всё повторяется с начала и до тех пор, пока молодая принесет полные вёдра. В этом случае жизнь молодых будет полна благополучия, радости.

Данный обряд имел глубокое символическое наполнение: дорога от колодца к дому с полными вёдрами символизировала жизненный путь человека в семье, которую он хочет обеспечить самым необходимым. Для этого нужны определенные навыки, умения (если, например, девушка никогда не носила воду на коромысле, то с первого раза у нее это не получится) и желание. Но жизнь не бывает гладкой, и, кроме объективных препятствий и неровностей, ему встретятся и нехорошие люди, которые будут мешать, однако найдутся и помощники – друзья, подруги, муж. Без помощи последних вряд ли можно добиться цели – таково символическое значение данного свадебного действа. Надо помнить еще об одном: при переноске воды следует не испачкать и не облить водой свадебный наряд, что также символично – при выполнении любого дела надо быть аккуратным, красиво выглядеть, особенно «на людях».

Обычные бытовые предметы: *вёдра, коромысло* – выполняют символическое назначение и становятся семейными реликвиями, хранятся супругами как знак их первой совместной (с помощниками) победы, сопряженной с множественными ассоциациями, имевшими место при преодолении препятствий. Однако в данном обряде символическое наполнение имеет еще один предмет, непосредственно связанный с бытовыми реалиями, названными выше, – *колодец*. По наблюдению Н.И. Толстого, «...колодец в поверьях предстает как «чистое» место, находящееся под покровительством Богородицы...» [Славянские древности – 2: 236]. Исследователь утверждает, что колодец в то же время – это «опасный локус, связанный с нечистой силой...». Амбивалентность восприятия человеком реалии приводит к тому, что колодец «служил местом символического «кормления» духов предков и нечистой силы с целью обеспечения удачи и здоровья, для увеличения богатства хозяйства, для сохранения чистоты колодезной воды» [Славянские древности – 2: 236].

Таким образом, *вёдра, коромысло* и *колодец* представляют собой тесный симбиоз, составляющий ритуал испытательного регистра, символизирующий приобщение новобрачной к новой семье.

В наши дни в ряде населенных пунктов этот обряд проводят на второй день свадьбы, когда молодые супруги с родителями жениха приходят в дом родителей невесты в гости, «навестить» их, и после застолья и чаепития новобрачные идут к колодцу, девушка набирает воду и приносит на коромысле родителям. Символическое значение сохраняется, сам обряд лишен элементов игры, что имеет значение в случае его проведения в первый день свадьбы. Следует отметить, что почти все современные невесты не умеют носить воду на коромысле (практически в каждом доме есть водопровод), поэтому девушки надеются, что новые родственники «забудут» о проведении ритуала, и те нередко «забывают», чтобы не испортить репутацию новобрачной.

На территории юго-западного пограничья Брянщины, как и в других регионах России и на территории сопредельных государств, традицией предписывалось включение гостей в ход действия, кроме того, в большинстве сельских поселений считалось приемлемым и присутствие на свадьбе неприглашенных людей, пожелавших посмотреть приданое невесты, оценить масштабность мероприятия, наряды молодых. Однако, по наблюдению Т.А. Листовой, «...с начала 1990-х годов по обе стороны границы прослеживается только отрицательная динамика степени включенности свадьбы в социокультурную жизнь села» [Листова 2018: 233].

Бывают такие обрядовые действия на свадьбе, например, связанные с водой, о символическом значении которых не знают даже сами участники. Так, в некоторых населенных пунктах на второй день свадьбы молодожены и их друзья гуляют по поселению, обязательно переходят через речку/ручей по мосточку и молодые люди обливают девушек водой. Если переход через мосток символизирует перемену холостой жизни на семейную, что может сопровождаться и весельем, и трудностями, то действо обливания по меньшей

мере странно и непонятно тем, кто не является уроженцем данного села, но все смиряются – традиция, хотя даже местные жители уже не могут ответить на вопрос, зачем надо обливать водой именно девушек? Полагаем, что здесь имеет место славянская символическая парадигма обновления, очищения, связанная с ключевой водой, с помощью которой «лечили больных, поили бесплодных женщин, кропили людей и скот ради защиты от ведьм и мн. др.» [Славянские древности – 2: 236].

3.4. Контент *рубаха-сцéльница* в свадебном обряде

Символ в культуре – универсальная категория, раскрывающаяся через сопоставление предметного образа и глубинного смысла, с одной стороны, знака и аллегории – с другой. В широком смысле можно сказать, что «символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа» [Аверинцев 2001: 155]. Являясь неотъемлемой частью человеческого существования, символы проникают во все сферы жизнедеятельности людей, что отражено, в частности, в работе Н.И Красовской [Красовская 2020: 141-146]. Во многих исследованиях филологов, философов, культурологов предпринимались попытки проследить эволюцию древнего мифологического мышления, породившего феномен символа. Мнение о том, что сама жизнь древнего человека являлась ярким примером использования символов, неоднократно высказывалось в науке. Как отмечала О. М. Фрейденберг, «<…> самое сознание человека имеет свои исторические этапы, качественно совершенно различные», а материализация древнейшего мироощущения в формах конкретных поступков, предметов, звуков речи, языка началась, определив тем самым зарождение культуры, «сразу же по возникновении человеческого общества» [Фрейденберг 1998: 18–21].

Особое место в гардеробе русского человека занимала *руба́ха. Это* «одна из основных частей русского национального костюма — одежда для верхней части тела» [Лингвострановедческий словарь URL].

Как отмечает справочник, «Женская рубаха была длиной до щиколотки. Рубаху, особенно праздничную, украшала вышивка. Орнамент играл роль *оберега* [Лингвострановедческий словарь URL]. Как отмечает Н.И. Толстой, «женская рубаха ассоциируется с материнской утробой, часто – с судьбой и долей человека... <…> подвенечной рубахе приписывались целебные свойства» [Славянские древности – 4: 412].

До появления кружевной отделки части женской рубахи соединялись особым способом, они не сшивались, а скреплялись с помощью иглы своеобразной мережкой. Это очень старый способ соединение ткани. «Мережки образуют своего рода орнамент, их делают нитками контрастных цветов – красными, чёрными. Часто на этих мережках изображали орнамент «хлеба» – ромбы, разделённые на четыре части, – «засеянные поля». Таким образом, женщины закладывали в рубаху значение плодородия, достатка» [Ракова URL].

Такие орнаментальные узоры получили во всем мире – на разных континентах – широкое распространение. Раньше в каждой местности была своя специфика изображения орнаментов, символическое значение которых уже утрачено. Даже старожилы не могут расшифровать смысловое содержание узоров на изделиях старинного ткачества.

На территории брянского пограничья был известен особый вид женской рубахи, которая представляла собой готовое изделие из трёх цельных полотен (поэтому и называется *сце́льницей/це́льницей*). Лексема производная (префиксально-суффиксальный/суффиксальный дериват от адъектива *це́лый*), «служит средством выражения «целостности» женщины. Целые полотна ткани скреплялись, как отмечено выше, сетями-мережками. Такую рубаху женщины надевали очень редко, всего несколько раз в год (по праздникам, в

церковь, на обряд «стрелы»), а также по особым случаям (на свою свадьбу и похороны) [Ракова URL].

Девушка к свадьбе готовила две сцельницы: одну себе, другую будущей свекрови. Сцельница свадебная символизировала чистоту и невинность девушки. После первой брачной ночи ее вешали на боковую часть печи (в некоторых поселениях – на печурку – над «устьем» печи) как подтверждение непорочности молодой жены, доказательство того, что девушка «целая».

Сцельница, подаренная свекрови, предназначалась для того, чтобы стать впоследствие частью похоронного костюма (полный похоронный костюм – рубаха – сцельница, понёва, платок). Сцельница символизировала достойно прожитую, «целую», жизнь, в которой было место разным трудностям, искушениям, бедам, которые русская женщина преодолевала стойко, с мудростью и любовью, добротой и твердостью.

Таким образом, слово-символ *сцельница* является матрицей подвенечного/свадебного обряда (с проекцией в погребальный обряд), определяет его глубинный смысл. Символическое наполнение свадебного обряда в русской лингвокультуре детерминировано ключевыми символами, одним из которых выступает женская рубаха-*сцельница.*

3.5. Контенты *дежа/дежка* и *заслонка* в повседневной жизни диалектоносителей

Диалектный материал показывает, что народ в большинстве случаев наделяет абстрактной семантикой наименования предметов, явлений, действий, являющихся фактом повседневной жизни. Так, на территории юго-западных районов Брянской области символическими значениями обладают лексические единицы, обозначающие предметы быта. Рассмотрим экспликацию символического компонента значения на примере номинаций *де́жа/де́жка/дёжа (дёжа* рассматриваем как дополнительный) и *засло́нка.*

Де́жка (сущ., ж.р., ед.ч.) – «деревянный сосуд, в котором замешивали хлеб» [БОС: 87]. *Ну-ка, замясси́ по́лную дёшку хле́ба* (Записано от: Куликовой Валентины Емельяновны, 1936 г.р., город Мглин, Брянская область, РФ).

Данная номинация (*де́жка/дёжка*) употребительна в диалектах и разговорной сфере языка. Слово, зафиксированное в толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой с пометой «разг.», для говоров региона является общеупотребительным, нейтральным в стилистическом отношении.

Де́жа выступает символом богатства и благополучия, изобилия и здоровья; является воплощением жизненной полноты в противостоянии смерти, скудности и пустоте. *Де́жа* связана с приготовлением и хранением хлеба как наиболее сакрального, по отношению к другим, вида пищи. Она обеспечивает заквашивание теста и увеличение его объема, что символически понимается как зарождение новой жизни и рост изобилия. На территории юго-западных районов Брянской области *де́жа* занимала особое место, с ней обращались осторожно и почтительно, *дежу* с тестом ставили на стол или на лавку под образами в красном углу. Её обычно не мыли, чтобы в ней оставались остатки квашеного теста. У восточных славян *де́жу* не давали взаймы, так как считали, что она боится чужих порогов.

Как женский атрибут, *де́жа* также встречается и в святочных гаданиях. На Брянщине девушки выносили под Крещенье *дежу* на улицу и двигались к ней задом, по поверьям, та, которая сядет на неё, выйдет замуж в этот год.

Можно сказать, что символическое значение номинации *дежа* несёт в себе олицетворение богатства и благополучия, поэтому изделие оберегали и ставили в «святые» места. Так как этот предмет использовали ещё и во время гадания, то *дежа* наделялась магическими свойствами, дающими возможность предсказать, когда случится брак у той или иной участницы названного обряда.

К кругу значимых бытовых предметов примыкает группа, объединенная контентом *печь*, непременным атрибутом, представляющим как прагматическую сторону, так и наивно-языческую, выступает *заслонка*.

Засло́нка (сущ., ж.р., ед. ч.) – «железная крышка, покрывающая устье русской печи» [БОС: 118]. *Затвари́ засло́нку у пячи́* (Записано от: Щурик Веры Кирилловны, 1940 г.р., село Каменка, Климовский район, Брянская область, РФ).

Номинация относится к пограничной группе слов общеупотребительного характера, зафиксированных и в литературном языке, и в диалекте.

Засло́нка в культуре восточных славян ассоциируется с предметами, отделяющими свое пространство от чужого, символизирует принадлежность к своему пространству, его устойчивость, неотъемлемость.

Философ и публицист И.А. Ильин говорил, что при сопоставлении своего и чужого наиболее показательно проявляется своеобычность народа [Ильин 1993: 128].

Ю.С. Степанов при репрезентации категории ‘Свой – Чужой’ отмечает противопоставление, которое «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения... Принцип «Свои» – «Чужие» <…> вполне концептуально и концептуализированно отличает «свой народ» от “не своего”, “другого”, “чужого”» [Степанов 2004: 126].

Данный атрибут на порубежных территориях приобретает сакральную семантику: печная труба в наивной языковой картине мира представлялась пут`м, связывающим жилище человека с тем светом (загробным миром), поэтому в повседневной жизни заслонку рекомендовалось держать закрытой. Также закрывали и печь (вьюшкой/юшкой), когда кто-нибудь из домочадцев отлучался из дому, чтобы человек домой вернулся. Соответственно открытая печная труба обозначала дорогу на «тот свет», а её

закрывание вьюшкой гарантировало благополучное возвращение домой и помогало избежать смерти. (Следует отметить, что в ряде непограничных районов области – Выгоничский, Жуковский, Навлинский и др. – такого поверья не было. Вьюшку закрывали только в зимнее время, чтобы избежать тепловых потерь, в остальное время года держали открытой).

Упоминается *заслонка* и в девичьих гаданиях о замужестве. Вечером в Сочельник девушка выносила мусор на *заслонке* во двор, становилась на неё и «гукала», прислушиваясь к ночным звукам; туда, откуда лаяли собаки, ей и суждено было выйти замуж.

Таким образом, у лексической единицы *заслонка* репрезентируется семантика «дверь в потусторонний мир», в смысловом объеме слова инициируется символический компонент «граница между земным и потусторонним миром», что отмечено современными лингвистами, изучающими говоры юго-запада Брянщины [Belugina O., Krivonosova M., Abakumova E., Starodubets S. 2015: 8].

Проанализированные номинации репрезентируют символическое воплощение благополучия и достатка *(де́жа),* «каналов связи» с потусторонним миром *(засло́нка*), а также магических атрибутов, которые выполняют предсказательную функцию *(де́жа, засло́нка).*

Выводы по третьей главе

Развитие современной лингвистической науки определяется актуальным в последние годы антропоцентрическим подходом, что имеет место, в частности, в национальном фрагменте языка. В русле этого направления не ослабевает интерес к диалектизмам как к единицам, репрезентирующим национальную специфику.

Анализ лексического состава ряда субстантивов (*вёдра, кашник, коромысло, дежа, заслонка, рубаха-сцельница, рушник*) демонстрирует

включение в смысловое наполнение слов наряду с лексическим ассоциативно-символическое и этнокультурное значение, что создаёт многоуровневость единицы, несущей концептуальное содержание в преломлении к региону функционирования.

В меморатах респондентов-диалектоносителей выпукло представлены категории, эксплицирующие русский национальный тип, сформированный на основе традиционных культурных контентов юго-западного пограничья Брянской области.

Наши наблюдения позволяют констатировать: каждое из значимых событий в жизни человека (рождение, вступление в брак и др.) воспринималось социумом как серьезное и ответственное действие, сопровождающееся использованием тех или иных предметов быта в атрибутивной функции. Так, *рушник* символизировал (и символизирует до наших дней) сакральный смысл начала жизни, вступления в новую (семейную) жизнь, выполняет функции оберега, соединения, покрывания, украшения, одаривания и др., а также конец земного и начало духовного пути человека. Некоторые предметы (и соответственно лексические единицы, номинирующие определенные реалии) были обязательными атрибутами свадебного и родильно-крестильного обрядов (*ка́шник, рушник, черепки* и др.) в настоящее время их значимое концептуальное содержание практически утратило символическое наполнение в современном социуме как на территории юго-западного пограничья Брянщины, так и в других регионах России и на территории сопредельных государств, что отражают рассказы респондентов.

Субстантив *дежа́,* как показывают наши наблюдения, символизирует «место рождения хлеба» как сакрального продукта питания. Символическое значение номинации *дежа* – «богатство, благополучие».

Исследования демонстрируют прагматическую и наивно-языческую составляющую контента *заслонка*, репрезентирующего пограничную группу

слов как литературного, так и народного языка. Слово *заслонка* символизирует принадлежность к сформированную на длительном историческом отрезке и представленную специфическим укладом общественной жизни «своему» пространству, его устойчивость, в отличие от чужого, противоположного.

Национальное сознание, которое аккумулировано, в частности, посредством лексических единиц концептуального порядка, названных выше, пронизывает русскую этнокультуру пограничья и на базовом уровне не потеряло значимости в наши дни. Экспликаторами семантически многослойных контентов, по нашим данным, являются преимущественно слова бытового плана: *ведро, дежа/дежка, заслонка*, *кашник, коромысло, рушник, сцельница,* что нашло отражение в меморатах респондентов и Брянском областном словаре. Символическое наполнение у названных лексических единиц «в рамках обрядового дискурса актуализировалось за счёт распространителей» – контекстных партнеров [Белугина 2016: 126].

Таким образом, смысловое поле лексических единиц с символическим наполнением определено всеми структурно-семантическими составляющими обрядового текста, при этом лексическое значение самого символа становится воплощением концептуального вектора обряда, репрезентируя на фоне бытового значения слова собственно духовное/нравственное/этическое со-значение, как-то: *рушник* как переход из одного мира в другой в обрядовом комплексе погребального назначения; как оберег в родильно-крестильном обряде; как опознавательный предмет, как средство трансляции этнической культуры и др.

Вёдра, коромысло (коромысел), колодец в совокупности – символизируют «вхождение в новую семью от ”чистого” места, первое совместное преодоление препятствий, жизненных трудностей».

Номинация *ка́шник* символизирует «собирание, изобилие, рождение, единение, достаток»; в совокупности с содержимым (кашей нековыренной) – «чистоту, невинность, образец для подражания».

Сце́льница свадебная символизировала «непорочность невесты, целебную силу»; *сце́льница* ритуальная – «достойно прожитую, «целую», жизнь, твердость, силу характера русской женщины, её мудрость, доброту».

Заслóнка символизирует «дверь в потусторонний мир, границу между земным и потусторонним миром, принадлежность к своему пространству, его устойчивость, неотъемлемость, в отличие от чужого».

Дéжа выступает символом «зарождения новой жизни, богатства и благополучия, изобилия и здоровья, жизненной полноты в противостоянии смерти, скудности и пустоте».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обследовав 288 диалектные единицы, номинирующие предметы быта на территории юго-западного пограничья Брянской области, в лексико-семантическом (с элементами структурного), сопоставительном (с элементами лингвогенетического) и этнолингвистическом аспектах, мы установили в вербализации диалектоносителей ряд качеств, которые являются константными для изучения креативных возможностей простого русского человека, усвоившего словообразовательные возможности общенародного языка, специфику национального характера, опыт своего этноса, его культуры. Антропоцентрический подход позволяет установить, что диалектизмы являются манифестаций национального языка с включением экстралингвистических составляющих культурологического, социального, символического компонентов.

В работе описаны диалектные производные и непроизводные лексические единицы, выступающие как средства номинации реалий, не получивших однословного наименования в литературном языке и таким образом заполняющие лакуны узуса.

Мотиваторами для производных единиц выступили слова различной частеречной принадлежности: имена существительные, прилагательные, глаголы, немногочислены производящие числительные, например: *пруткú* – от существительного *прут*, *тя́жки* – от глагола тянуть, *двоешки* – от числительного *двое*.

Диалектизмам, известным носителям языка на территории юго-запада Брянщины, свойственна, по сравнению с литературными синонимами, более утонченная детализация и нюансировка, что иллюстрируют, например, наименования предметов, утративших свой функционал (в частности, на стадии изготовления): *ку́хлик* и *накра́йник*. Первая номинирует испорченный

кувшин, с отбитыми краями, а вторая – брак производства, в частности, обжига.

Согласно нашим наблюдениям, в различных населенных пунктах одного региона используются синонимичные лексемы, вербализующие один и тот же предмет, при этом один член парадигмы может быть непроизводным, другой – с прозрачной мотивацией (например, *ру́бель – гладе́льник* – «утюг»).

Ряд единиц народного языка относим к полидиалектным, известным как в брянских говорах, так и в других русских говорах, а также в белорусском и украинском языках (*кухлик, корец, ряжка, пральник*). В семантике данных диалектизмов наличествуют как интегральные компоненты, так и специфические, характерные для юго-западных территорий Брянской области, что закреплено в лексикографических источниках. Значимые компоненты семантики, как показывает анализ, скорректированы национальным сознанием с учетом прагматической нацеленности носителей диалекта. Смысловое наполнение лексем проявляет языковую компетенцию жителей региона и, как правило, демонстрирует семантическую прозрачность слова, обусловленную значением производящей базы и словообразовательных формантов (*выливáшка, запéчье, увязка*).

Фрагменты сопоставительного анализа позволяют констатировать: семантизация ряда многозначных лексем возможна только с учетом контекстного окружения (*трехвостка: ...ю́пки, зва́лися тряхво́стки, тры або́рки у их; подбо́жник: пастáу ико́ны на падбо́жник; застялú падбо́жник*). Наши наблюдения показывают: диалектизмы включаются в парадигматические отношения: структурируют синонимические ряды (*ка́йстра, хату́ль/хатьúль; крьúга, жарлúца/жарлéйка/жарлúка; секúра, чека́н, маму́ра*), тематические (*кашу́лка, плехóтка*, *коша́ра, карда́бище; литóвка*[1], *шестиручка. семиручка*), широко представлены варианты однокорневых лексем (*сева́лка, севнúца, севня́; во́лок, волоку́ша, волоцня́; скребóк, скребóчек, скреба́ч, скреба́льник, скря́бка, скреба́лка, скреба́лочка, скребёлка, скребнúца,*

скребни́чка), отмечены сложные слова с тождеством семантики одного корня (*волнобо́йтка, волнобо́йка, волнобо́йница, волнодёрка, волнодуй, волнодуйка, волнотёпка, волночёс*).

При вербализации того или иного предмета – атрибута обрядового комплекса – лексические единицы могут получать или интенсифицировать оценочный статус (например, *нековыренная* каша, *повсёмистая* рубаха, *обыденный*, *великотный* рушник), эксплицируя традиционные нравственные, духовные, этносоциальные составляющие.

Семантический объём большого количества диалектных лексических единиц чётко и однозначно репрезентирован семантикой служебных морфем: субстантивы, номинирующие расположение сверху того, что названо производящей базой, включают в состав префикс *на-/ над-* (*набо́жник, надвоко́нник, надсо́пух, надчеле́стник*), префикс *под-* указывает на реалии, размещенные под тем, что обозначено мотивирующим словом (*подсаянник, подузо́р*) и т.д.

Считаем, что диалектные единицы по отношению к языковым эксплицируют широкое или конкретизирующее семантическое наполнение, включают компоненты, детально и предельно конкретно сфокусированные на предмете номинации, эстетически взвешенном раскрытии содержания/назначения реалии.

Среди лексем, номинирующих бытовые реалии, особое место занимают лексические единицы, содержащие символические компоненты семантики. Это слова, связанные с традиционной народной культурой, номинирующие сопровождение значимых в жизни событий, например, *сцельница* (свадьба, похороны), *рушник* (рождение/крещение, свадьба, похороны), *кашник* (рождение/крещение, свадьба) и др. В языковом сознании жителей юго-западного пограничья Брянской области имеют место лексические единицы, реализующие семантику сакрального (*крыжмо́, рушник*), транслирующие народные представления и, нередко, пережитки язычества.

Исследование показало, что среди диалектных единиц, номинирующих предметы быта, к числу активных относятся слова – названия хозяйственной утвари из различных материалов (*балсанка, глёк, кубло, корец*), инструментов (*видёлка, держак, пришпилька, скопич*), используемых при выполнении домашних работ, некоторой одежды (*душатка, махрованка, хуста/хустка*). Данные номинации связаны с первичным жизнеобеспечением человека.

Непродуктивны лексемы, номинировавшие предметы, материалы, орудия труда, не используемые в настоящее время в обиходе (*волок, долбанка, жигало, коновка, латка* и др.). К числу устаревающих диалектизмов по экстралингвистическим причинам относим слова, называющие предметы русской печи вследствие того, что локус *печь* вытесняется практически повсеместно газовыми плитами.

Особенности географического положения региона, граничащего с Беларусью и Украиной, определили специфику диалектного состава народного языка, где слова, употребляемые в трех языках, составляют 26% от общего числа диалектизмов брянского пограничья; слова, используемые в русском и белорусском языках, – 3%, в русском и украинском – 6%. Основная доля диалектизмов юго-западного порубежья Брянской области – русская безаналоговая лексика – 65%.

При сопоставлении диалектных наименований юго-западного порубежья Брянской области, отнесённых к ТГ «Предметы быта», с лексическими единицами белорусского и украинского языков, установили: языковая ситуация региона первично определена украинским влиянием (раннее, до XIX века), а в период XIX – XX вв. – белорусским.

В связи с этим в пределах наименований быта, связанных с хозяйственной жизнедеятельностью социума, фиксируем преобладание украинизмов над белорусизмами.

В диалектной среде сохраняется символическое значение ряда лексических единиц, например, *рушник* – символ «перехода из мира живых в

другой мир»; «оберег в родильно-крестильном обряде» и др. *Вёдра, коромысло (коромысел), колодец* в совокупности символизируют «вхождение в новую семью от «чистого» места, преодоление препятствий». *Кашник* – символ «изобилия, рождения, достатка» и др. *Сцельница* свадебная – «непорочность»; *сцельница* ритуальная – «достойно прожитую жизнь, твердость, мудрость, доброту». *Заслонка* – «дверь в потусторонний мир, границу между мирами, устойчивость своего пространства». *Дéжа* – символ «зарождения новой жизни, богатства и благополучия, изобилия и здоровья; жизненной полноты в противостоянии смерти, скудности и пустоте».

Таким образом, проведённое исследование определяет особенности структурного состава, семантики диалектной лексики в юго-западных районах Брянской области в фокусе материальной и духовной культуры, а также в сопоставлении с аналогичной лексикой белорусского и украинского литературного языков и открывает возможные дальнейшие перспективы изучения языковых единиц других тематических и лексико-семантических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Символ / С.С. Аверинцев // София-Логос. Словарь. 2-е, испр. – Изд. К: Дух і Літера, 2001. – С. 155-161. – Текст: непосредственный.

2. Абакумова (Бангоян), Е.С. Символическое значение ключевых слов в обрядовом тексте на территории брянско-гомельского пограничья / Е.С. Абакумова (Бангоян), С. Н. Стародубец // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского и 20-летию филиала университета в г. Новозыбкове. г. Новозыбков, Брянская обл., 15-16 октября 2015 г.: В 2-х ч. Ч.1. / Ред. кол.: В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец. – Брянск: РИО БГУ, 2015. – С. 103-106. – Текст: непосредственный.

3. Абрадавая лексіка ў гаворках Гомельшчыны: этналінгвістычны аналіз / А.А. Станкевіч, К.Л. Хазанава, А. М. Воінава / пад рэд. А. А. Станкевіч. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – 269 с. – ISBN 978-985-439-994-2. – Текст: непосредственный.

4. Аванесов, Р.И. Достижения современного языкознания в области русской диалектологии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XVII. Вып. 1. – М., 1958. – С. 15-26. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/avanesov-58.htm (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

5. Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово»: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с. – ISBN 978-5-9765-0852-1 (ФЛИНТА); ISBN 978-5-02-037174-3 (Наука) – Текст: непосредственный.

6. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков; Отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов; Ред. изд-ва О.К. Логинова; Худож. Б.И. Астафьев. – Москва: Наука, 1984. – Т. I. – 511 с. – Текст: непосредственный.

7. Бангоян, Е.С. Символическое значение номинаций тематической группы "Предметы быта" в брянских говорах / Е.С. Бангоян, С.Н. Стародубец // Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образоательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья: международная научная конференция, г. Новозыбков, Брянская область, 25-26 октября 2016 г. / ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Новозыбков: Новозыбковская типография, 2016. – С. 96-100. – ISBN978-5-9907390-5-5 – Текст: непосредственный.

8. Банкова, Т.Б. Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы / Т.Б. Банкова // Сибирский филологический журнал. – Изд-во: ФГБУ «Иститут филологии» Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2008. – С. 14-23. – Текст: непосредственный.

9. Батожок, Н.И. Брянские говоры в восточнославянском диалектном ландшафте: Пространственные и временные параметры: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Батожок Наталья Игоревна. – Санкт-Петербург, 1994. – 61 с. – Текст: непосредственный.

10. Белова, О.В. Фольклор брянско-гомельского и брянско-черниговского пограничья: диалог региональных традиций / О.В. Белова // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / М-во образования и науки РФ, Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, Фонд Русский мир; редкол.: А.В. Антюхов (пред.) и др. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 27-32. – ISBN 978-5-9734-0115-3 – Текст: непосредственный.

11. Белугина, О.В. Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Белугина Ольга Владимировна. – Смоленск, 2016. – 23 с. – Текст: непосредственный.

12. Белугина, О.В. Символическое значение обрядового текста "Коляда" на территории юго-западных районов брянской области / С.Н. Стародубец, О.В. Белугина // Одиннадцатые Поливановские чтения: сборник статей по материалам докладов и сообщений Международной научной конференции (Смоленск, 4-5 октября 2016 года). Редакционная коллегия: И.А. Королева (ответственный редактор) и др. – Смоленск: СмолГУ, 2016. – С. 239-244. – ISBN 978-5-88018-594-8 – Текст: непосредственный.

13. Белугина, О.В. Особенности функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области: монография / О.В. Белугина. – Климово: Авангард, 2017. – 209 с. – ISBN 978-5-9734-0286-0 – Текст: непосредственный.

14. Берг, Е.Б. Хореографическая терминология в русском языке: диссертация на соискане ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Берг Елена Борисовна. – Екатеринбург, 1999. – 189 с. – Текст: непосредственный.

15. Березович, Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е.Л. Березович; Уральский федеральный ун-т им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Ун-т Дмитрия Пожарского. – Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2014. – 487 с. – ISBN 978-5-91244-133-2 – Текст: непосредственный.

16. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Березович Елена Львовна. – Екатеринбург, 1999. – 39 с. – Текст: непосредственный.

17. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства: монография / Е. Л. Березович. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: URSS: КомКнига, 2010. – 235 с. – ISBN 978-5-484-01166-7 – Текст: непосредственный.

18. Блинова, О.И. Лексикографический способ исследования метаязыкового сознания носителей диалекта / О.И. Блинова // Язык, литература и культура в региональном пространстве: материалы Всероссийской научно-практичической конференции, посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой (Барнаул, 3–7 октября 2007 г), Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2011. – Вып. 2. – С. 40–47. – ISBN 978-5-7904-0695-9 – Текст: непосредственный.

19. Блинова, О.И. Номинация и мотивация / О.И. Блинова // Диалектное слово в лексико-системном аспекте: Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена; Редкол.: В.А. Козырев (отв. ред.) и др. – Ленинград: ЛГПИ, 1989. – С. 66–74. – Текст: непосредственный.

20. Бойцова, Е.О. Структура значения диалектного слова и ее отражение в региональном словаре: (На материале конкретных имен существительных в брянских говорах): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Бойцова Евгения Олеговна. – Ленинград, 1988. – 17 с. – Текст: непосредственный.

21. Бородина, М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) / М.А. Бородина // Вопросы языкознания. – Москва, 1982. – № 5. – С. 29-38. - Режим доступа: свободный. – URL: http://philology.ru/linguistics3/borodina-82.htm (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

22. Будде, Е.Ф. К какому из русских наречий принадлежит говор современных жителей Брянского уезда Орловской губернии? (О следах северной колонизации в Орловской губ.) / Е.Ф. Будде. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1906. – 13 с. – Режим доступа: свободный. – URL:

https://www.prlib.ru/item/335551 – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

23. Будде, Е.Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний: Материалы, исследование и словарь: (Отчет II-му Отд. Акад. наук) / Е.Ф. Будде. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1904. – 148 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук; Т. 76, № 3) – Текст: непосредственный.

24. Будде, Е.Ф. О путях колонизации в уездах Орловской и Владимирской губ. // РФВ – т.54 – № 3-4. – Варшава, 1905. – Текст: непосредственный.

25. Бурдина, Е.А. От Расторгуева П.А. до наших дней (читая брянские областные словари) / Е.А. Бурдина, Н.И. Курганская // Актуальные проблемы науки и образования: труды и материалы XI междунар. науч.-метод. конф., г. Новозыбков, Брянская обл. 22-23 окт. 2008 г.: в 2 т. Ч. 2 / БГУ им. акад. И.Г. Петровского; редкол. В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец и др. – Брянск: РИО БГУ, 2008. – С.9-16. – Текст: непосредственный.

26. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф.И. Буслаев. – Репр. изд. 1861 г. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – Т. II. – 540 с.: ил. – Режим доступа: по подписке. – URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=42381 (дата обращения: 21.07.2019). – ISBN 978-5-9989-2818-5. – Текст: электронный.

27. Бушмелева, Ю.С. Названия деревянных и плетеных изделий домашней утвари (на материале картотеки «Словаря чердынских говоров») / Ю.С. Бушмелева // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования /отв. ред. И.И. Русинова. – Пермь, 2007. – Часть 2. – С. 214-218. – ISBN 5-7944-0998-3. – Текст: непосредственный.

28. Васильченко, С.М. Название вместилищ в алфавитной группе областного словаря / С.М. Васильченко // Лингвистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. Н.П. Гринковой (С.-

Петербург, 13-14 сентября 1995 г.): тезисы докладов и сообщений. – Санкт-Петербург: Издательство СПбУЭФ, 1995. – С. 71-73. – Текст: непосредственный.

29. Вендина, Т.И. Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте / Т.И. Вендина // Славянский альманах. – 2016. – № 1-2. – С. 356-374. – ISSN: 2073-5731 – Текст: непосредственный.

30. Виноградов, В.В. Осовные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва, 1977. – С. 162-189. – Текст: непосредственный.

31. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – Москва: Высш. Шк., 1986. – 351с. – Текст: непосредственный.

32. Власова, Л. А. Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах: монография / Л. А. Власова. – Орел: Картуш, 2005. – 220 с. – Текст: непосредственный.

33. Волкова, Н.А. Актуальные фонетические процессы в курских говорах / Н. А. Волкова // Проблемы лингвистической семантики. – Череповец: Изд-во ЧГУ, 2001. – Вып. 2. – С. 107. – Текст: непосредственный.

34. Воробьева, Т.С. Предметы домашнего обихода в свадебном обряде: символика и наименования в говорах могилевско-смоленского пограничья / Т.С. Воробьева // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: актуальные проблемы науки и образования: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, г. Новозыбков, 10–11 ноября 2011 г. / редкол.: В. В. Мищенко и др. – Брянск: БГУ, 2011. – С. 128–131. – Текст: непосредственный.

35. Галинова, Н.В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить' в говорах Русского Севера: автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук: 10.02.01 / Галинова Наталья Владимировна - Екатеринбург, 2000. – 18 с. – Текст: непосредственный.

36. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд; С.-Петерб. гос. ун-т. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 456 с. – ISBN 5-288-03739-6. – Текст: непосредственный.

37. Герд, А.С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко - культурных зон / А.С. Герд // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 107-116. – Текст: непосредственный.

38. Голанов, И.Г. Заметки о говоре некоторых селений Брянского уезда Орловской губ. / И.Г. Голанов // РФВ – 1914 – т. LXXI – № 2. – вып. 2. – С. 354–362. – Текст: непосредственный.

39. Головачева, О.А. Языковые средства выражения частей русской печи в юго-западных говорах Брянщины / О.А. Головачева // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сборник докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область, 23-26 октября 2019 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: Издательство «Аверс», 2019. – С. 189-195. – ISBN: 978-5-6043491-1-3. – Текст: непосредственный.

40. Головачёва, О.А. Символическое значение обрядов рождения и крестин: по материалам публицистики Н.С. Лескова и фольклорных исследований / О.А. Головачева, С.Н. Стародубец // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2015. – № 5. – С. 19-28. – Текст: непосредственный.

41. Гольдин, В.Е. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты: учебное пособие / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. – 121 с. – ISBN 978-5-9999-0285-6. – Текст: непосредственный.

42. Горохова, О.В. Концепт-сценарий "Коляда" на территории брянско-гомельского пограничья / О.В. Горохова, С.Н. Стародубец // Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья: Круглый стол, приуроченный к Дню славянской письменности и культуры, г. Новозыбков, Брянская область, 24-25 мая 2012 г. Сборник научных статей / ФГБОУ ВПО "Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского", Фонд "Русский мир". Под ред. С. Н. Стародубец (пред.), С. М. Пронченко, В. Н. Пустовойтов. – Новозыбков, Брянская обл.: РИО БГУ, 2012. – 456 с. – ISBN 978-5-9734-0166-5 – Текст: непосредственный.

43. Григорьева, Р.А. Лингвистическая ситуация / Р.А. Григорьева // Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XXI в. (по материалам полевых исследований в сельской местности): монография / Р. А. Григорьева, И. В. Романенко, С. С. Крюкова и др.; под редакцией ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Р.А. Григорьевой; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Центр белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. – Москва: ИЭА РАН, 2018. – 371 с. – ISBN 978-5-4211-0224-3 – Текст: непосредственный.

44. Грузберг, Л. Регионолект / Л. Грузберг // Филолог. – 2010. – Вып. 11. – С. 14. – Текст: непосредственный.

45. Даль, В.И. Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому принаровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским псевд / В.И. Даль. – Санкт-Петербург: тип. А. Плюшара, 1832. – 201 с. – Режим доступа: свободный. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003558493?page=1&rotate=0&theme=white (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

46. Донецкий регионолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой и др.; под редакцией В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет». – Донецк: Фолиант, 2018. – 264 с. – ISBN 978-5-6041177-3-6. – Текст: непосредственный.

47. Дьяченко Ю.А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Дьяченко Юлия Александровна – Курск, 2010. – 197 с. – Текст: непосредственный.

48. Еремина, М.А. Лексико-семантическое поле "Отношение человека к труду" в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Еремина Марина Артуровна. – Екатеринбург, 2003. – 22 с. – Текст: непосредственный.

49. Зварыкина, И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) / И.С. Зварыкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30- 36. – Текст: непосредственный.

50. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 6-е изд. – Москва: УРСС, 2010. – 368 с. — ISBN 978-5-484-01107-0. – Текст: непосредственный.

51. Ивашова, Н.М. Западноевропейские заимствования в говорах русского севера: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ивашова Надежда Михайловна. - Екатеринбург, 1999. – 20 с. – Текст: непосредственный.

52. Игнатович, Т.Ю. Восточнозабайкальский регионолект в сибирском диалектном пространстве / Т.Ю. Игнатович // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Выпуск 11. – 2014. – С. 15-22. – Режим

доступа: свободный. – URL: http://cyberleninka.ru/articlevostochnozabaykalskiy-regiolekt-v-sibirskom-dialektnom-prostranstve – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

53. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / И.А. Ильин. – Москва: Русская книга, 1993. – Т.1. – 480 с. – Текст: непосредственный.

54. Карский, Е.Ф. К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губ. / Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1883. – 495 с. – Текст: непосредственный.

55. Карский, Е.Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е.Ф. Карский. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1902. – 16 с. – Текст: непосредственный.

56. Климас, И.С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: дис. …док. филол. наук: 10.02.01 / Климас Ирина Сергеевна. – Курск, 2005. – 408 с. – Текст: непосредственный.

57. Ключевский, В.О. Два воспитания / В.О. Ключевский // Сочинения: в 9 т. / Под ред. В.Л. Янина. – Москва: Мысль, 1990. – Т.6. – 525 с. – Текст: непосредственный.

58. Коготкова, Т.С. Русская диалектная лексикология: Состояние и перспективы: диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук: 10.02.01 / Коготкова Тамара Сергеевна. – Москва, 1979. – 335 с. – Текст: непосредственный.

59. Кожевников, А.Ю. Лексические средства выражения модальности в брянских говорах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Кожевников Александр Юрьевич. – 1990. – 20 с. – Текст: непосредственный.

60. Кожевников, А.Ю. Лексические средства выражения модальности в брянских говорах: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Кожевников Александр Юрьевич. – 1990. – 256 с. – Текст: непосредственный.

61. Козырев, В.А. Брянские говоры в исследованиях профессора В.И. Чагишевой / В.А. Козырев // Диалектная лексикология и лексикография: Брянские говоры. (К 90-летию профессора В.И. Чагишевой): Коллективная монография. Авторы: Л.А. Балясникова, Н.И. Батожок, А.Ю. Кожевников, Н.В. и др. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ имени А.И. Герцена, 1999. – С. 3-12. – Текст: непосредственный.

62. Козырев, В.А. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – 631 с. – ISBN 978-5-8064-2129-7 – Текст: непосредственный.

63. Козырев, В.А. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01 / Козырев Владимир Алексеевич. – Ленинград, 1973. – 277 с. – Текст: непосредственный.

64. Козырев, В.А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров / В.А. Козырев // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. – Л.: Наука, 1976. – Т. 31. – С. 93 – 103.

65. Козырев, В.А. Современная языковая ситуация и речевая культура: Учебное пособие / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М.: Флинта-Наука, 2012. – 181 с. – ISBN 978-5-9765-1052-4 (Флинта), – ISBN 978-5-02-037413-3 (Наука) – Текст: непосредственный.

66. Козырев, И.С. Отношение смоленской областной лексики к лексике соседних говоров и языков / И.С. Козырев // Учёные записки Орловского государственного педагогического института. Т. XXII: Историко-

филологический факультет. – Орёл: ОГУ, 1964 – С. 30-31. – Текст: непосредственный.

67. Косич, М.Н. Литвины - белорусы Черниговской губернии, их быт и песни / М.Н. Косич. – Санкт-Петербург, 1902. – Режим доступа: – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004891332 (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

68. Кошарная, С.А. Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины конца XX – начала XXI вв.: монография / С. А. Кошарная, Л. И. Плотникова. – Белгород: Эпицентр, 2017. – 174 с. – ISBN 978-5-9500376-5-8. – Текст: непосредственный.

69. Кошарная, С.А. Лингвогенетическая специфика диалектного слова белгородчины в контексте исторического развития региона / С.А. Кошарная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 3. – С. 217-222. – Текст: непосредственный.

70. Кошарная, С.А. О лингвокультурной специфике языкового пограничья (на материале региолекта белгородчины) / С.А. Кошарная // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.) / Под редакцией С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО «Аверс», 2018. – С. 57-63. – ISBN: 978-5-9734-0296-9 – Текст: непосредственный.

71. Кошарная, С.А. Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины конца XX - начала XXI вв.: монография / С.А. Кошарная, Л.И. Плотникова. – Белгород: Эпицентр, 2017. – 174 с. – ISBN 978-5-9500376-5-8 – Текст: непосредственный.

72. Красильщик, Е.А. Названия домашних животных с точки зрения их физиологического состояния: на материале говоров Костромской и Ярославской областей: диссертация на соискание учёной степени кандидата

филологических наук: 10.02.01 / Красильщик Елена Александровна. – Кострома, 1999. – 273 с. – Текст: непосредственный.

73. Красовская, Н.А. Изменение семантики слов как этап развития символизации (на материалах «Лексического атласа русских народных говоров») / Н.А. Красовская // Теория языка и межкультурная коммуникация, №2(37) – 2020 – С.141-149. – Текст: непосредственный.

74. Красовская, Н.А. Глаголы антропоцентрической сферы в тульских говорах / Н.А. Красовская // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции, 23-25 августа 2012 г. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – С. 283-287. – ISBN 978-5-7511-2100-6 – Текст: непосредственный.

75. Красовская, Н.А. Проявление системных отношений в лексике русских говоров Воловского района Тульской области / Н.А. Красовская, Л.В. Шестопалова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы к исследованию) 2016 / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-история, 2016. – С. 340-348. – Текст: непосредственный.

76. Красовская, Н.А. Роль диалектной лексики в обозначении обрядовых действий / Н.А. Красовская // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар. – 2012. – № 2 (45). – С. 77-79. – Текст: непосредственный.

77. Кривоносова, М.А. Роль символического атрибута рушник в традиционном свадебном обряде (на примере приграничных с Беларусью территорий Брянской области) / М.А. Кривоносова, С.Н. Стародубец // Культура и цивилизация. – 2016. – Т. 6. – № 5А. – С. 102-109. – Текст: непосредственный.

78. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 3–15. – Текст: непосредственный.

79. Кузнецов, В.О. Виды идиолектов в современном городе: на материале языковой ситуации в Брянске: диссертация на соискание ученой

степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Кузнецов Виталий Олегович. – Москва, 2011. – 184 с. – Текст: непосредственный.

80. Кузнецова, О.Д. Отражение особенностей крестьянской народной культуры в современном словаре русских народных говоров / О.Д. Кузнецова, Сороколетов Ф.П. // Лексико-культурный аспект лексикографического описания русского языка. – Москва, 1995. – 155 с. – Текст: непосредственный.

81. Курганская, Н.И. История изучения говоров Брянской области // Актуальные проблемы современного лингвистического, литературного, исторического и естественнонаучного краеведения. – Брянск: РИО БГУ, 2001. – С. 13-19.

82. Курганская, Н.И. Лексика гончарного промысла говоров Брянской области: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Курганская Нина Ивановна. – Ленинград, 1981 – 16 с. – Текст: непосредственный.

83. Курганская, Н.И. Три ветви одного дерева (о родстве славянских языков) // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии. Сборник научных статей. – Брянск: РИО БГУ, 2011. – С. 165-172. – Текст: непосредственный.

84. Лапицкая, И.Н. Семантические диалектизмы в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / И. Н. Лапицкая, Л. И. Шаповалова // Двенадцатые Поливановские чтения (Смоленск, 9-10 октября 2018 года): сборник статей по материалам докладов и сообщений Всероссийской научной конференции с международным участием – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. – С. 81–88. – ISBN 978-5-88018-594-8 – Текст: непосредственный.

85. Ларина, Л.И. Украинская лексика в этнокультурных и лексикографических источниках (на Курском материале) / Л.И. Ларина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. – № 2 (26). – С. 167-170. – Режим доступа: свободный. –

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskaya-leksika-v-etnokulturnyh-i-leksikograficheskih-istochnikah-na-kurskom-materiale/viewer – Текст: электронный.

86. Леденёва, В.В. О месте украинизмов в идиолекте Н.С. Лескова / В.В. Леденёва // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сборник докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область, 23-26 октября 2019 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: Издательство «Аверс», 2019. – С. 500-504. – ISBN: 978-5-6043491-1-3. – Текст: непосредственный.

87. Липина, В.В. Региональный диалектный идеографический словарь: Принципы построения и семантическая структура; на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01/ Липина Вера Викторовна – Екатеринбург, 2000. – 384 с. – Текст: непосредственный.

88. Липина, В.В. Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура: На материале бытовой лексики говоров Среднего Урала: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Липина Вера Викторовна – Екатеринбург, 2000. – 23 с. – Текст: непосредственный.

89. Листова, Т.А. Взаимодействие конфессий на российско-украинско-белорусском пограничье. Современное состояние / Т.А. Листова. – Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья. Редактор-составитель М.Ю. Мартынова. – Москва: ИЭА РАН, 2018. – С. 261-328. – ISBN 978-5-4211-00621-4 – Текст: непосредственный.

90. Лутовинова, И.С. Слово о пище русской / И. С. Лутовинова. – 2-е изд., перераб. – Санкт-Петербург: Авалон: Азбука-классика, 2005. – 285 с. – ISBN 5-94860-023-8 – Текст: непосредственный.

91. Макаров, В.И. Формирование восточнославянской диалектологии как историко-лингвистической дисциплины во II-й половине XVIII – I-й половине XX вв.: научная монография / В.И. Макаров. – Брянск: РИО БГУ, 2015. – 389 с. – ISBN 978-5-9734-0220-4 – Текст: непосредственный.

92. Марков, А.В. Данные по говору Стародубского уезда, Черниговской губернии. Отдельный оттиск из Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, т. XV (1910 г.), кн. 1. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1910. – 15 с. – Текст: непосредственный.

93. Маркова, Е.М. История русского литературного языка в общеславянском контексте / Е.М. Маркова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Войловой К. А. (г. Москва, 25 февраля 2019 г.) Ответственный редактор: О. В. Шаталова. – Москва: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 158-163. – ISBN 978-5-7017-2711-1 – Текст: непосредственный.

94. Маркова, Е.М. Когнитивный, креативный, лингвокультурный и лингвометодический потенциал внутренней формы общеславянского слова / Е.М. Маркова // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 20-21 ноября 2015 г.) П. А. Лекант (отв. ред.) и др. – Москва: МГОУ, 2015. – С. 304-309. – ISBN 978-5-7017-2493-6 – Текст: непосредственный.

95. Маркова, Е.М. Лексика славянских языков в аспекте лингвокультурологических сходств и различий / Е.М. Маркова // Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования: V Международная научно-практическая конференция, 7-8 декабря 2016 г. :

сборник научных статей / ФГАОУ ВО "Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского", редакционная коллегия: Е. Я. Титаренко (отв. ред.) и др. – Симферополь: АРИАЛ, 2017. – С. 9-14. – ISBN 978-5-906877-64-2 - Текст: непосредственный.

96. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Марузо Ж.- Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. – 436 с. – Доступ: свободный. – URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/115_maruzo_zh._slovar_lingvisticheskih_terminov – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

97. Маслов, В.Г. Лексико-фразеологическая система современного говора: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Маслов Виктор Георгиевич. – Шуя, 2000. – 302 с. – Текст: непосредственный.

98. Маслов, В.Г. Системные отношения в диалектной лексике (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области): монография. – Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. – 163.с. – Текст: непосредственный.

99. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с. – ISBN 5-7695-0745-4 – Текст: непосредственный.

100. Маслова, Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах Х1Х – начала ХХ века / Г.С. Маслова. – Москва: Наука, 1984. – 216 с. – Текст: непосредственный.

101. Меньшиков, М.О. Из писем к ближним: Статьи / М.О. Меньшиков; Вступ. ст. М. Б. Поспелова. – Москва: Воениздат, 1991. – 224 с. – ISBN 5-203-01267-9 – Текст: непосредственный.

102. Миллер, О.Ф. «Русская литература после Гоголя». – Режим доступа: свободный. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/miller_of.html (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

103. Миллер, О.Ф. Великорусские былины и малорусские думы – «Труды 3-го археологического съезда» / О.Ф. Миллер. – Киев, 1878 г. – т. 2. – С. 285 – 306. – Текст: непосредственный.

104. Михалев, Г.И. Регулярная полисемия относительных прилагательных брянских говоров: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Михалев Георгий Иванович – Ленинград, 1990. – 20 с. – Текст: непосредственный.

105. Мищенко, О.В. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Мищенко Ольга Валерьевна – Екатеринбург, 2000. – 15 с. – Текст: непосредственный.

106. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. I / Изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков; Отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов; Ред. изд-ва О.К. Логинова; Худож. Б.И. Астафьев. – Москва: Наука, 1984. – 511 с.

107. Научно-образовательный центр. Язык и культура в коммуникативном пространстве Псковщины – Режим доступа: свободный. – URL: http://nocpskoviana.pskgu.ru/index.php. – (Дата обращения 15.04.20) – Текст: электронный.

108. Небера, К.М. Говоры Клинцовского района Брянской области: (Фонетико-морфол. очерк): автореферат диссертации на соискание ученой тепени кандидата филологических наук / Небера К.М. – Москва, 1964. – 20 с. – Текст: непосредственный.

109. Нестеров, А.К. Роль семьи в современном обществе / А.К. Нестеров // Энциклопедия Нестеровых – Режим доступа: свободный. – URL: http://odiplom.ru/lab/rol-semi-v-sovremennom-obszestve.html – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

110. Нечаев, А.Д. Данные по говору Стародубского уезда / А.Д. Нечаев // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук – Санкт-Петербург, 1914. – т. 15. – кн. 1. – Текст: непосредственный.

111. Новикова, К.А. Услон и латка как проявление межъязыковой интерференции на восточнославянском пограничье / К.А. Новикова // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сборник докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область, 23-26 октября 2019 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: Издательство «Аверс», 2019. – С.219-226. – ISBN 978-5-6043491-1-3 – Текст: непосредственный.

112. Новикова, Т.Ф. Лингворегионоведение как самостоятельное научно-прикладное направление: опыт разработки и реализации // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.) / Под редакцией С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО «Аверс», 2018. – С. 182-188. – ISBN: 978-5-9734-0296-9 – Текст: непосредственный.

113. Образовательный портал для школьников и студентов. Nauka.Club – URL: https://nauka.club/ (Дата обращения: 18.03.2019). – Текст: электронный.

114. Оглезнева, Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования / Е.А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2. – С. 119. – Текст: непосредственный.

115. Оссовецкий, И.А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссовецкий. – Москва: Наука, 1982. – 198 с. – Текст: непосредственный.

116. Плотникова, А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии / А. А. Плотникова. – Москва: Индрик, 2004. – 767 с. – (Традиционная духовная культура славян: ТДКС: Соврем. исслед. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения). – ISBN 5-85759-287-9. – Текст: непосредственный.

117. Поздеева, С.М. Лингвосемиотические связи в диалектной лексической системе (На материале экзистенциальной лексики пермских народных говоров): диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Поздеева Светлана Михайловна. – Пермь, 2005 – 203 с. – Текст: непосредственный.

118. Пойда, О.Б. Лексико-семантические связи слов, называющих явления природы, в брянских говорах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Пойда Ольга Борисовна – Ленинград, 1988. – 17 с. – Текст: непосредственный.

119. Полевой, А.О. О языке населения Новозыбковского уезда Гомельской губернии / Ант. Полевой. – Менск, 1926. – 47 с. – Текст: непосредственный.

120. Полевой, А.О. Описание говора Новозыбковского у. Гомельской губ. / А.О. Полевой // Сборник материалов Гомельских губ. курсов. – Новозыбков, Издательство: Новозыбков. уезд. отд. нар. образ. и Новозыбков. уезд. отд. Союза раб. прос. – 1914. – 402 с. – Текст: непосредственный.

121. Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е.А. Попова // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 69–77. – Текст: непосредственный.

122. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – Москва: Изд-во «Правда», 1989. – 624 с. – Текст: непосредственный.

123. Праведников С.П. Курские говоры: материалы к словарю / С.П. Праведников, Ю.А. Дьяченко. – Курск: Курский гос. ун-т, 2018. – 208 с. – ISBN 978-5-88313-910-8 – Текст: непосредственный.

124. Праведников, С.П. Основы фольклорной диалектологии: Монография / С.П. Праведников. – Курск: Курский гос. ун-т, 2010. – 230 с. – ISBN 978-5-88313-708-1 – Текст: непосредственный.

125. Праведников, С.П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: диссертация доктора филолологических наук: 10.02.01 /

Праведников Сергей Павлович. – Курск, 2011. – 338 с. – Текст: непосредственный.

126. Праведников, С.П. Устно-поэтическое слово как объект изучения фольклорной диалектологии / С.П. Праведников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2010. – № 2. – С. 53 – 56. – Текст: непосредственный.

127. Пронченко, С.М. Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области: сборник материалов полевых исследований / С.М. Пронченко, М.А. Мухина. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2016. – 206 с. – ISBN 978-5-00105-031-5 – Текст: непосредственный.

128. Пьянкова, К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Пьянкова Ксения Викторовна. – Екатеринбург, 2008. – 251 с. – Текст: непосредственный.

129. Радбиль, Т.Б. Лингвокультурологические особенности деривационных процессов в русском языке / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 3. – С. 43-49. – Текст: непосредственный.

130. Ракова, Е. Розы обозначают любовь, голубки – семью, а мак - богатство / Е. Ракова // Комсомольская правда: электронная газета за 12.12.2013. – URL: https://www.nnov.kp.ru/daily/26171. 4/3058154/ – (Дата обращения: 20.03.2019). – Текст: электронный.

131. Расторгуев, П.А. Говор с. Хоробичей бывшего Городнянского уезда Черниговской губернии / П.А. Расторгуев // УЗ Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук Института языка и литературы. – Т.3. – 1927. – Текст: непосредственный.

132. Расторгуев, П.А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии / П.А. Расторгуев. – Минск, 1926. – 24 с. – Текст: непосредственный.

133. Расторгуев, П.А. Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров / П.А. Расторгуев. – Ленинград: Ин-т белорусск. культуры, 1927а (гос. Академич. тип.). – 224 с. – Текст: непосредственный.

134. Рацибурская Л.В. Интернационализация в славянском словообразовании / Л.В. Рацибурская // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сборник докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область, 23-26 октября 2019 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: Издательство «Аверс», 2019. – С. 140-146. – ISBN: 978-5-6043491-1-3. – Текст: непосредственный.

135. Речь Брянщины в контексте восточнославянских языковых связей: коллективная монография / Т. А. Распопова и др.; под ред. В. И. Макарова, Т. А. Распоповой. – Брянск: Курсив: Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, 2010. – 215 с. – ISBN 978-5-89592-095-4 – Текст: непосредственный.

136. Родионова, И.В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Родионова Инна Валерьевна. – Екатеринбург, 2000. – 19 с. – Текст: непосредственный.

137. Родионова-Нащокина, А.М. Об особенностях фонетики говоров Брянской области / А. М. Родионова-Нащокина. // Брянские говоры – Ленинград, 1975. – Вып.3 – С. 12-19. – Текст: непосредственный.

138. Рыбников, П.Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т.2 / под ред. А.Е. Грузинского: в 3 т. – Изд. 2-е. – Москва: Изд. тип. тов-ва И.Н. Кушнерева, 1910. – 733 с. – Текст: непосредственный.

139. Седойкина, Ю.В. Наименования лиц в брянских говорах: семантика, словообразование, ареальные связи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Седойкина Юлия Васильевна. – Курск, 2011. – 22 с. – Текст: непосредственный.

140. Слесарева, И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики / И. П. Слесарева. – 3-е изд., испр. – Москва: URSS, 2010. – 176 с. – ISBN 978-5-397-01000-9 – Текст: непосредственный.

141. Собрание народных песен П.В. Киреевского. – Доступ: свободный. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/sobran/text.pdf (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

142. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студентов вузов: в 2 ч. Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование. / Е. И. Диброва и др.; под ред. Е. И. Дибровой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Академия, 2006. – 479 с. – ISBN 5-7695-2609-2. – Текст: непосредственный.

143. Современный русский язык: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Филология" / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е.В. Клобуков. Под ред. П.А. Леканта. – 3. изд., стер. – Москва: Дрофа, 2002. – 558 с. – ISBN 5-7107-6144-3 – Текст: непосредственный.

144. Соколов, Н.Н. Отчет о поездке в южную часть Трубчевского у. Орловской губ. летом 1907 г. / Н.Н. Соколов // Русский филологический вестник: учебно-педагогический журнал. – Варшава: Издательство Тип. Варшавского учеб. окр., 1908. – № 3. – т. 60. – вып.1. – 260 с. – Доступ: свободный. – URL: https://www.prlib.ru/node/678034/source – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

145. Сороколетов, Ф.П. Диалектная лексика: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз., Словар. сектор; Отв. ред. Ф.П. Филин и Ф.П. Сороколетов. – Ленинград: Наука. – 1978. – 216 с. – Текст: непосредственный.

146. Станкевіч, А.А. Лексіка народнай гаспадаркі ў гаворках Мазырска-Прыпяцкага Палесся: манаграфія / А.А. Станкевіч, А.М. Воінава, Л.М. Мінакова. М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны, 2008. – 312 с. – ISBN 978-985-439-361-2 – Текст: непосредственный.

147. Стародубец, С.Н. Специфика этнолингвистического описания языковой ситуации в пограничном регионе / С.Н. Стародубец // Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств: Научные доклады участников Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25-26 октября 2017 г.). Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Брянск: «Аверс», 2017. – С. 5-8. – ISBN 978-5-9500814-0-8 – Текст: непосредственный.

148. Стародубец, С.Н. Синкретизм плана содержания в дискурсе И. А. Ильина как следствие отражения мифологии со-бытия Бога и человека / Стародубец С.Н. – Брянск: Группа компаний "Десяточка", 2009. – 158 с. – ISBN 978-5-91877-025-2 – Текст: непосредственный.

149. Стародубец, С.Н. Духовно-нравственные концептуальные основы языка, истории и культуры на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья / С.Н. Стародубец // Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья: Международная научная конференция, г. Новозыбков, Брянская область, 25-26 октября 2016 г. / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Новозыбков: Новозыбковская типография, 2016. – С. 3-5. – Текст: непосредственный.

150. Стародубец, С.Н. Имя профессора П.А. Расторгуева как символ славянской лингвокультуры в пограничном регионе / С.Н. Стародубец // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: научное взаимодействие в

контексте единого социокультурного пространства. Материалы Международной научной конференции в 2-х частях. Под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. – Брянск: РИО БГУ, 2014. – С. 3-5. – ISBN: 978-5-9734-0155-9 – Текст: непосредственный.

151. Стародубец, С.Н. Специфика определения статуса устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области / С.Н. Стародубец // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.) / Под редакцией С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО «Аверс», 2018. – С.5-10. – ISBN 978-5-9734-0296-9 – Текст: непосредственный.

152. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Изд.3-е, испр. и доп. – Москва: Академический проект, 2004. – 992 с. – ISBN: 5-8291-0388-5 – Текст: непосредственный.

153. Сьянова, Е.И. О некоторых принципах составления «Словаря русско-украинских говоров Воронежской области» / Е.И. Сьянова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. – С. 496–559.

154. Тарико, О.С. Синтаксическое функционирование инфинитива в брянских говорах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Тарико Ольга Стефановна – Орел, 2000. – 20 с. – Текст: непосредственный.

155. Терещенко, А.В. Быт русского народа / Соч. А. Терещенки. Ч. 1-7. – Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1848. – 7 т. – 24 с. – Режим доступа: свободный. – URL: https://topreading.ru/bookread/155015-aleksandr-tereshchenko-byt-russkogo-naroda-chast-3. – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

156. Теркулов, В.И. О понятии «региолект» / В.И. Теркулов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: филология и психология. Издательство: Донецкий национальный университет (Донецк) – 2018. – № 3-4 – С. 5-16. – Текст: непосредственный.

157. Тиханов, П.Н. Брянский говор: Заметки из области рус. этнологии / П.Н. Тиханов // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1904. – Т. 76. – № IV. – 263 с. – Текст: непосредственный.

158. Толстой, Н.И. Из великорусской диалектной семантики / Н.И. Толстой // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского / редкол.: Ф. П. Филин (отв. ред.) и др. – Москва: Наука, 1971. – С. 259-266. – Текст: непосредственный.

159. Толстой, Н.И. Славянская лексикология и семасиология. Избранные труды. Т.1. – Москва: Языки рус. культуры, 1997. – 519 с. – Текст: непосредственный.

160. Топоров, В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе / В.Н. Топоров // Aequinox. – Москва, 1993. – С. 70-167. – Текст: непосредственный.

161. Туксаитова, Р.О. Художественный билингвизм: к определению понятия / Р.О. Туксаитова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 198–206. – Текст: непосредственный.

162. Урамов, Е.А. Лексико-семантические группы украинизмов в брянских говорах / Е.А. Урамов // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства. Материалы Международной научной конференции в 2-х частях. Под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. – Брянск: РИО БГУ, 2014. – С. 72-78 - ISBN: 978-5-9734-0155-9 – Текст: непосредственный.

163. Филин, Ф.П. К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка / Ф.П. Филин // Вопросы образования

восточнославянских национальных языков. – Москва, 1962. – С. 26. – Текст: непосредственный.

164. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания: избранные труды: к 100-летию со дня рождения / Ф.П. Филин; науч. ред. Г.А. Богатова. – 2-е изд., дораб. и доп. – Москва: Бослен, 2008. – 413 с. – ISBN 978-5-91187-055-3 – Текст: непосредственный.

165. Филин, Ф.П. Предисловие к «Словарю русских народных говоров» / Ф.П. Филин // Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Москва; Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965. – С. 2-3. – ISBN 5-02-027894-7 – Текст: непосредственный.

166. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. / О. М. Фрейденберг. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с. – ISBN 5-02-017900-0 – Текст: непосредственный.

167. Хорошева, Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н.В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32-36. – Текст: непосредственный.

168. Хохлова, Н.В. Лексическое значение и внутренняя форма как способы концептуализации мира природы: На материале говоров Архангельской области: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Хохлова Наталья Валентиновна. – Архангельск, 2004. – 24 с. – Текст: непосредственный.

169. Хроленко, А.Т. Лексикон сибирских народных песен на фоне северно- и южнорусской традиции / А.Т. Хроленко // Традиционная культура. – 2010. – Т. 38. – С. 45-53. – Текст: непосредственный.

170. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. – 5-е изд. / А.Т. Хроленко – М.: Флинта: Наука, 2009. – 181 с. – ISBN 978-5-89349-681-9 (ФЛИНТА) – Текст: непосредственный.

171. Хроленко, А.Т. Основы современной филологии: учебное пособие / науч. ред. О.В. Никитин. / А.Т. Хроленко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 352 с. – ISBN 978-5-9765-1418-8 (ФЛИНТА); ISBN 978-5-02-037765-3 (Наука) – Текст: непосредственный.

172. Чагишева, В.И. Брянская область в истории и лингвистике (К изучению брянских говоров) / В.И. Чагищева // Изучение брянских говоров за 60 лет // Брянские говоры. – Л., 1978. – Текст: непосредственный.

173. Чагишева, В.И. Брянская область в истории и лингвистике / В.И. Чагишева // Материалы и исследования по диалектологии: к изучению брянских говоров / Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт им. А.И. Герцена; отв. ред. А.Г. Руднев. – Л, 1968. – С. 3–9. – Текст: непосредственный.

174. Черемисина, Е.В. Язык художественной прозы М.Н. Еськова в аспекте филологической регионалистики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Черемисина Екатерина Владимировна. – Вологда, 2018. – 23 с. – Текст: непосредственный.

175. Чернов, А.В. Литературное краеведение как картографирование: к проблеме реконструкции культурного ландшафта территории / А.В. Чернов, Т.А. Ветрова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – Т. 2. – № 41–3. – С. 130-133.

176. Черных, А.В. Народы Пермского края: история и этнография: в 2 т. / А.В. Черных. – Пермь: Пушка, 2011. – Т. 1. – 295 с. – ISBN 978-5-98799-110-7; Т.2. – 418 с. – ISBN 978-5-98799-110-7 – Текст: непосредственный.

177. Шафонский, А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим

описанием Малые России, из частей коей оное наместничество составлено, сочиненное действительным статским советником и кавалером Афанасием Шафонским в Чернигове, 1786 г. / Изд. М. Судиенко, пред. Временной комис. ... при киевск. воен., подольск. и волынск. ген.-губернаторе. – Киев, 1851. – XXII. – 697 с. Доступ: свободный. – URL: http://history.org.ua / LiberUA/ShafChernNamTopOp_1851/ShafChernNamTopOp_1851.pdf – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

178. Шаклеин, В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: Монография / В.М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. – 301 с. – ISBN 978-5-9765-1397-6 – Текст: непосредственный.

179. Щепина, Е.Н. Общенародное слово в диалектной лексической системе: На материале имен существительных в брянских говорах: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Щепина Елена Николаевна – Санкт-Петербург, 1992. – 170 с. – Текст: непосредственный.

180. Щепина, Е.Н. Общенародное слово в диалектной лексической системе: На материале имен существительных в брянских говорах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Щепина Елена Николаевна – Санкт-Петербург, 1992. – 17 с. – Текст: непосредственный.

181. Яковлєва, О.В. Обрядовий дискурс у системі національної лінгвоментальності: монографія / О.В. Яковлєва – Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2014. – 396 с. – Текст: непосредственный.

182. Якушкин П.И. «Крестьянские бунты на Руси» и «Велик бог земли Русской». – Режим доступа: свободный. – URL: https://maloarhangelsk.ru/yakushkin-bessrebrenik-i-strannik/ (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

183. Belugina O., Krivonosova M., Abakumova C., Starodubets S. Research of the Symbolic Component of Words Meanings in the Structure of Traditional Folk Rite. // Indian Journal of Science and Technology, Indian Journal of Science & Technology, Ченнаи, 2015, 10, 8. URL: http://www.indjst.org/index.php/indjst/issue/view/6528. (Индексируется в Scopus).

Список использованных словарей

184. Байкоў, М. Беларуска-расійскі слоўнік / М. Байкоў, С. Некрашэвіч. – Минск: Народная асвета, 1993. – 356 с. – ISBN 5-341-00918-5 – Текст: непосредственный.

185. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с. – ISBN 5-7711-0015-3 (БТСРЯ) – Текст: непосредственный.

186. Брянский областной словарь / Минобрнауки России, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского"; авт.-сост.: Гарбузова Е. П. и др. Изд. 2-е, испр. и доп. под ред. Н.И. Курганской – Брянск, 2011. – 361 с. – ISBN 978-5-904808-02-0 (БОС). – Текст: непосредственный.

187. Головащук, С.І. Російсько-український словник сталих словосполучень у 2 т. / С.І. Головащук. – Київ: Наук. думка, 2001. – 638 с. – ISBN 966-00-0666-7 – Текст: непосредственный.

188. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М.: «Терра» – «TERRA», 1995. – Т.1: А – З. – 699 с., Т.2: И – О. – 779 с., Т.3: П. – 555 с., Т.4: Р – Я. – 683 с. (ТСД). – Текст: непосредственный.

189. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь / Протоиерей Г. Дьяченко. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. – Москва: Отчий дом, 2002. – 1120 с. – ISBN 5-86809-048-9. – Текст: непосредственный.

190. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа: свободный. – URL: https://efremova.slovaronline.com/. (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный (далее ПЦСС).

191. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Жеребило Татьяна Васильевна. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2005. – 376 с. – ISBN 5-98993-002-X – Текст: непосредственный.

192. Кардашевский, С. М. Курско-Орловский словарь: (Материалы для изучения лексики Курско-Орловских говоров) / С.М. Кардашевский. – Москва: МОПИ, 1957. – 224 с. – Текст: непосредственный.

193. Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ, Філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; склад. А.М. Булыка. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 1038 с. – ISBN 978-985-08-1934-5. – Текст: непосредственный.

194. Лингвострановедческий словарь. Сайт Академик, 2000-2020 гг. https://dic.academic.ru/ – URL: https://www.nnov.kp.ru/daily/26171.4/3058154/ (Дата обращения: 18.03.2019). – Текст: электронный.

195. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов. – Режим доступа: свободный. – URL: http://enc.biblioclub.ru/Termin/1119923 – (Дата обращения: 18.03.2018). – Текст: электронный.

196. Мельников, А.В. Топонимический словарь Амурской области / А. В. Мельников. – Благовещенск: Благовещенское книжное изд-во, 2009. – 232 с. – Режим доступа: свободный. URL: https://rus-amur-toponyms-dict.slovaronline.com/ – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

197. Научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики «Курское слово» – Режим доступа: свободный. URL: http://www.kursksu.ru/labs/information/kursk_word. – (Дата обращения 20.05.2020). – Текст: электронный.

198. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Авторы Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва: Издательство ИКАР, 2009. Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2010. – Режим доступа: свободный. – URL: http://gramota.ru/slovari/info/az/ – (Дата обращения: 15.01.2019). – Текст: электронный.

199. Общий толковый словарь русского языка TolkSlovar.Ru – Режим доступа: свободный. – URL: http://tolkslovar.ru/g3517.html – (Дата обращения: 15.01.2020). – Текст: электронный.

200. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов // Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1986. – 795 с. (СО). – Текст: непосредственный.

201. Полный церковнославянский словарь: (со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений): ок. 30 000 слов: пособие / сост. свящ. Григорий Дьяченко. – Репр. воспр. изд. 1900 г. – Москва: Отчий дом, 2004. – 1120 с. – ISBN 5-86809-048-9 – Текст: непосредственный.

202. Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П.А. Расторгуев. / Авт. вступ. статьи Н.Д. Расторгуева и Е.М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск: Наука и техника, 1973. – 295 с. – Текст: непосредственный.

203. Російсько-українські словники / Підготували: Н. Марченко, В. Кубайчук, А. Рисін, О. Телемко, О. Оксимовець. – Київ: «К.І.С.» – Режим доступа: свободный. – URL: http://r2u.org.ua/main/dicts. – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

204. Русско-белорусский словарь: в 3 томах: около 110000 слов / Акад. наук Беларуси, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа; под ред. Я. Коласа, К. Крапивы и члена-корреспондента АН БССР П. Глебки. – Изд. 5-е, испр. – Минск: "Беларуская энцыклапедыя" имени Петруся Бровки, 1994. – Текст: непосредственный.

205. Славянская мифология: энциклопедический словарь: А-Я / Российская акад. наук, Ин-т славяноведения; редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) и др. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Международные отношения, 2011. – 509 с. – ISBN 978-5-7133-1392-0 – Текст: непосредственный.

206. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. – Москва: Наука, 1995. – 678 с. – ISBN: 5-7133-1207-0; Т. 2. – Москва: Международные отношения, 1999. – 697 с. – ISBN 5-7133-0982-7; Т. 3. – Москва: Международные отношения, 2004. – 697 с. – ISBN 5-7133-1207-0; Т. 4. — Москва: Международные отношения, 1995 – 649 с. – ISBN: 978-5-7133-1312-8; Т. 5. – Москва: Международные отношения, 2012. – 728 с. – ISBN 978-5-7133-1380-7 – Текст: непосредственный.

207. Словарь брянских говоров / Ленинградский ордена Трудового Красного знамени государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Вып. 1. А – бояться / Составители: Т.Г. Аркадьева, Т.А. Бабешкина, А.С. Герд и др.; В. И. Чагишева. – Ленинград: ЛГПИ, 1976. – 76 с. (СБГ) – Текст: непосредственный.

208. Словарь брянских говоров / Ленинградский ордена Трудового Красного знамени государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Вып. 2. Бравский – взлетать / Составители: Е.В. Алексеева, Т.Г. Аркадьева, Г. И. Демидова и др.; Отв. ред. В. А. Козырев, В. И. Чагишева. – Ленинград: ЛГПИ, 1980. – 56 с. (СБГ) – Текст: непосредственный.

209. Словарь брянских говоров / Ленинградский ордена Трудового Красного знамени государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Вып. 3. Взлезть – вянуть / Составители: Е.В. Алексеева, Т.Г. Аркадьева, Л.А. Балясникова и др.; Науч. ред. В.А. Козырев, В.И. Чагишева. – Ленинград: ЛГПИ, 1983. – 91 с. (СБГ) – Текст: непосредственный.

210. Словарь брянских говоров / Ленинградский ордена Трудового Красного знамени государственный педагогический институт им. А.И. Герцена; редактор В.И. Чагишева. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Вып. 4: Г / Выпуск составили: Т.Г. Аркадьева, Л.А. Балясникова, Н.И. Батожок и др. – 1984. – 79 с. (СБГ) – Текст: непосредственный.

211. Словарь брянских говоров / Ленинградский ордена Трудового Красного знамени государственный педагогический институт им. А.И. Герцена; редактор В.А. Козырев. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Вып. 5. Д – Ж. – 1988. – 77 с. (СБГ) – Текст: непосредственный.

212. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров / авт-сост. В.Б. Сузанович; редкол. Л.И. Шаповалова (отв. ред.), И.Н. Лапицкая, Т. С. Воробьева. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – Вып. 1: А–Б. – 196 с. – Режим доступа: свободный. – URL: file:///C:/Users/User/Downloads/458d.pdf. – (Дата обращения: 15.01.2019). – Текст: электронный.

213. Словарь русских говоров Одесщины. В двух томах. Отв. редакторы: Ю.А. Карпенко, С. Уэмура. Т. 1. – Одесса: «АстроПринт», 2000. – 376 с. – ISBN: 966-549-4812-3; Т. 2. – Одесса: «АстроПринт», 2001. – 296 с. (СРГО) – ISBN 966-549-526-7. – Текст: непосредственный.

214. Словарь русских донских говоров. В 3 томах. Е.А. Диброва, Т. Хмелевская, И. Федосов. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1976. – Текст: непосредственный.

215. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Москва; Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965. (СРНГ) – Режим доступа: свободный. – URL: http://urokirus.com/srng/srng_06.pdf с 175 – (Дата обращения: 18.01.2019). – Текст: электронный.

216. Словарь русских народных говоров. Выпуск 1 (А) / Сост. Ф.П. Филин – Москва; Ленинград, 1965. – 302 с. – Текст: непосредственный.

217. Словарь русского языка в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стер. – М.: Изд-во «Русский язык», 1985-1988. – Т.1: А-Й. – 702 с., Т.2: К-О. – 736 с., Т.3: П-Р. – 750 с., Т.4: С-Я. – 797 с. (МАС). – Текст: непосредственный.

218. Термины по русскому языку – список основных понятий, определений и значений. / Nauka.Club | Образовательный портал – Режим доступа: свободный. – URL: https://nauka.club/russkiy-yazyk/terminy-spisok.html – (Дата обращения: 15.01.2019). – Текст: электронный.

219. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. – Т.1, 1935; Т.2, 1938; Т.3, 1939; Т.4, 1940. – Репринтное издание: Москва, 1995. (ТСУ). – Текст: непосредственный.

220. Фасмер, М. Этимологический словарь Макса Фасмера. – Режим доступа: свободный. – URL: https://gufo.me/dict/vasmer. (Фасмер) – (Дата обращения: 27.09.2019). – Текст: электронный.

221. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / перевод с немецкого и дополн. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачѐва; под ред. и с предисловием проф. Б.А. Ларина. – Изд. 2-ое, стереотип. – В 4-х т. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. I–IV. (Фасмер) – Текст: непосредственный.

222. Цыхун, Г.А. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Этимологический словарь белорусского языка. Тома 1-11 (А-С) – Менск: Акадэмія навук БССР; Беларуская навука, 1978-2006. – 3668 с. – Текст: непосредственный.

223. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.М. Боброва. – Москва: Прозерпина: ТОО "Школа", 1994. – 398 с. – Текст: непосредственный.

Приложение 1.

	Русские диалектизмы	Белорусские литературные слова	Украинские литературные слова	Брянский областной словарь под ред. Н.И. Курганской; материалы диалектологических практик 2015-2018 гг.
1.	Апцéньки		Апцéньки	Апцéньки. Щипцы для гвоздей
2.	Баклáга	баклáга,		Баклага, ж. Деревянный сосуд с крышкой или пробкой для жидкостей; баклага.
3.	Балсáнка		Балцáнка – бутыль	Балсанка, ж. Ёмкость для керосина
4.	Барúло		барило	Барило, ср. Небольшой глиняный или бондарной работы горшок, горизонтально лежащий на специальной подставке; в верхней части - отверстие для залива воды, в нижней – отверстие для слива; предназначен для воды (пива, кваса и т.п.).
5.	Бидóн	бідон	бідóн	Бидон,·м. Жестяной сосуд с крышкой для хранения жидкостей.
6.	Боговни́к			Боговник, м. 1. Полочка, на которую ставят иконы; божница. 2. Нарядное, чаще вышитое полотенце (рушник), которое вешается на иконы.
7.	Бóйка	бойка		Бойка, ж. Высокий узкий деревянный сосуд цилиндрической формы для взбивания масла.
8.	Брáнка	бранка	брáнка	Бранка, ж. Рукавица для срывания травы.
9.	Варéйка			Варейка, ж. Глиняная посуда средних размеров для приготовления пищи (чаще каши).
10.	Ватóвка			Ватовка, ж. Стёганая ватная куртка; ватник.
11.	Ватóвца			Ватовца, ж. Стёганая ватная куртка; ватник
12.	Веретьё			Веретьё, ср. То же, что дерюга
13.	Видéлка	видéлка	видéлка – вилка	Виделка, ж. Столовая ложка.

14.	Видёлка	виде́лка	виде́лка	Видёлка, ж. Ручное сельскохозяйственное орудие, состоящее из двух и более длинных деревянных или металлических зубьев на длинной деревянной рукояти и предназначенное для подъема, переноса, разбрасывания сена, соломы, навоза и пр.
15.	Ви́лки[1] (только мн.)	вілкі		Ви́лки. Ухват
16.	Ви́лки[2] (только мн.)	вілы	вила	Ви́лки. Вилы
17.	Ви́лошник			Вилошник, м. Деревянная ручка для вил.
18.	Водо́шня			Водошня, ж. Веревка, с помощью которой достают воду ведром из колодца
19.	Во́лн(а)			Волна, ж. Овечья шерсть и пряжа из нее.
20.	Волнобѝтка			Волнобитка, ж. Приспособление для обработки шерсти
21.	Волнобо́йка			Волнобойка, ж. Приспособление для обработки шерсти
22.	Волнобо́йница			Волнобойница, ж. Приспособление для обработки шерсти
23.	Волнодёрка			Волнодёрка, ж. Станок для обработки овечьей шерсти.
24.	Волнотёпка			Волнотёпка, ж. Приспособление для обработки шерсти
25.	Волночёс			Волночёс, м. Приспособление для обработки шерсти: станок для чесания шерсти, состоящий из вращающихся по кругу деревянных вальков с проволочными щетками
26.	Во́лок	во́лок	во́лок	Волок, м. Приспособление, с помощью которого волоком перемещают сено, хворост и пр.
27.	Волоку́ша	волоку́ша	волоку́ша	Волокуша, ж. Приспособление для транспортировки небольших объемов сена к стогу
28.	Волоцня́			Волоцня, ж. Орудие для сгребания снега или соломы; волокуша.
29.	Вострыня́			Вострыня, ж. Остриё ножа, косы, серпа.
30.	Вре́тище			Вретище, ср. Одежда, сшитая из веретья.
31.	Вру́бышек			Врубышек, м. Небольшой обрубленный круглый кусок дерева, служащий опорой при задвигании чугунков в русскую печь

32.	Выливáшка			Выливашка, ж. Разливательная ложка
33.	Вы́ливка			Выливка, ж. Разливательная ложка большого размера
34.	Вью́ха			Вьюха, ж. Приспособление для наматывания канатов и веревок в виде вращающегося на оси тонкого короткого бревна, к концам которого прибиты деревянные крестовины
35.	Вязёнки			Вязёнка, ж. (чаще мн. вязёнки). Вязаная рукавица.
36.	Вязёночка			Вязёночка, ж. Уменьшительное к вязёнка
37.	Вязьмо́			Вязьмо, ср. Жгут из соломы, которым перевязывают сноп; перевясло.
38.	Гага́чики			Гагачики, только мн. Грабли
39.	Гантари́			Гантари. Украшение из янтаря
40.	Га́рка			Гарка, ж. Кружка.
41.	Гарусо́вка			Гарусовка, ж. Праздничный шерстяной платок.
42.	Га́рчик		гарчик	Гарчик, м. Совок для смёта мусора.
43.	Ги́рка	ги́рка	ги́рка	Гирка и гирька, ж. 1.Невысокий глиняный кувшин для различных хозяйственных нужд (чаще всего для молока и сметаны).
44.	Гирю́н			Гирюн, м. собир. Любой вид глиняной посуды.
45.	Гладе́льник	глади́льник	глади́льник	Гладельник, м. Утюг
46.	Глады́шка	глади́шка	глади́шка	Гладышка, ж. То же, что и гирка.
47.	Глек	глек	глек – кувшин	Глек и глёк, м. 1. Высокий узкогорлый глиняный кувшин для молочных продуктов.
48.	Гле́чик	гле́чик	гле́чик – кувшин	Глечик, м. Глиняный горшок
49.	Гноя́с			Гнояс, м. Деревянные вилы
50.	Голи́ца		голиця	Голица, ж. Рабочая рукавица.
51.	Горла́ч	горла́ч	горла́ч	Горлач, м. То же, что глек.
52.	Горля́чки			Горлячки. Женские плетеные украшения из бисера, ленточек
53.	Граба́рка	граба́рка	граба́рка	Грабарка, ж. Совковая лопата.
54.	Гра́бки	грабки	грабки	Грабки. То же, что грабли
55.	Грабцы́			Грабцы. Укороченные вилы – зубцы для скашивания зерновых культур
56.	Гру́ба	гру́ба	гру́ба – печка	Груба, ж. Комнатная кирпичная печь с лежанкой для отапливания помещения.
57.	Гру́бка	гру́бка	гру́бка – печка	Грубка, ж. То же, что и груба.

58.	Гужи́	гуж	гуж	Гужи́. Часть упряжи: ремни, при помощи которых плуг или борона прикрепляются к хомуту лошади
59.	Дада́н			Дадан, м. Большой деревянный ящик; улей
60.	Даёнка			Даёнка, ж. Специальное деревянное, глиняное или металлическое ведро, в котором доят молоко; подойник
61.	Двое́шки			Двоешки, только мн. Два спаренных предмета – емкости для транспортировки обеда в поле
62.	Двойча́тки			Двойчатки, только мн. То же, что и двоешки.
63.	Дёжа			Дёжа, ж. Квашня.
64.	Де́жа/Де́жка	ді́жка		Дежка, ж. Квашня.
65.	Де́жник			Дежник, м. Холщевое покрывало на дежу
66.	Дербе́нь			Дербень, м. Мешковина
67.	Дёргалка			Дёргалка, ж. Приспособление для ловли рыбы зимой
68.	Держа́			Держа́, ж. Длинная деревянная рукоять косы, вил, ухвата и т.п.
69.	Держа́к	держа́к,	держа́к – деталь предмета за которую держат	Держак, м. Деревянная ручка у косы, рукоятка.
70.	Держа́лка	де́ржалко	де́ржалко	Держалка¸ ж. 1. Подставка для лучины 2. Перила
71.	Держа́нь			Держа́нь, ж. Ручка или рукоять, за что держат вещь
72.	Де́ржка			Держка, ж. Приспособление для удерживания чего-то в нужном положении
73.	Дермони́н			Дермонин, м. Дешевая ткань
74.	Де́рька			Дерька, ж. Толстый грубый домотканый холст
75.	Дерьмо́			Дерьмо, ср. Грубая дешевая ткань
76.	Дерю́га	дерю́га	дерю́га	Дерюга, ж. Плохая грубая ткань, одежда
77.	Дерю́жина			Дерюжина, ж. Небольшой лоскут дерюги
78.	Дерю́жка	дерю́жка	дерю́жка	Дерюжка ж. Толстый льняной грубый домотканый холст
79.	Ди́ска			Диска, ж. Деталь бороны, имеющая вид плоского круга с зубчатыми краями
80.	Доёнка			Доёнка, ж. Специальный сосуд, в который доят молок; подойник.

81.	Долба́нка	до́вба́нка	до́вба́нка	Долбанка, ж. Миска, выдолбленная из дерева.
82.	Доло́нка	доло́нька	доло́нька сущ. ж.р. Ладошка	Долонка, ж. Узкая полоска материи
83.	До́нце			Донце, ср. Доска для укрепления гребня и для сидения при работе как часть самопрялки.
84.	Духови́к		духови́к,	Духовик, м. Отверстие в печке для выхода в комнату теплого воздуха
85.	Душа́тка			Душатка, ж. Род одежды без рукавов и воротника; безрукавка.
86.	Душни́к	душни́к	душни́к	Душник, м. Дымоход
87.	Душня́к			Душняк, м. Дымоход
88.	Дыма́рь			Дымарь, м. Отверстие для выхода дыма в курной избе
89.	Дыморо́к			Дыморок, м. печь, не имеющая трубы
90.	Дю́бка			Дюбка, ж. 1.Остриё какого-нибудь предмета.
91.	Ёмка			Ёмка, ж. (чаще мн. емки). 1. Ухват. 2. Кочерга.
92.	Ерма́к			Ермак, м. Брезентовый плащ
93.	Жало́б			Жалоб, м. Корыто, из которого поили коней
94.	Жа́мка			Жамка, ж. Приспособление для отжима
95.	Жарле́йка			Жарлейка, ж. Рыболовная снасть
96.	Жарли́ка			Жерлика, жерлица, ж. Закидная, становая уда на щуке, дорога: крючок на проволоке в поларшина, чтобы щука не перекусила лесы
97.	Жарли́ца			Жарлица, ж. То же, что и жерлика
98.	Жбан	жбан - кувшин	жбан	Жбан, м. Деревянный или глиняный сосуд в виде кувшина с узким горлом.
99.	Жба́нтик			Жбантик, м. Деревянный закрытый бочонок для воды с отверстием в одном из доньев
100.	Жига́ло	жига́ло	жига́ло	Жигало, ср. Раскаленный металлический стержень для прожигания отверстий
101.	За́куть			Закуть, ж. Угол в избе около печи.
102.	Запа́лка	запа́лка - спичка	запа́лка	Запалка, ж. Спичка.
103.	За́пек			Запек, м. Выступ сбоку у печки, где лежат обычно спички.
104.	За́печек			Запечек, м. То же, что и запек.
105.	Запе́чье			Запечье, ср. Промежуток между русской печью и стеной дома.

106.	Запи́нка	запи́нка	запи́нка	Запинка, ж. 1. Оконная занавеска. 2. Передник, фартук.
107.	Зарука́вье			Зарукавье, ср. Часть рукава, которая не видна спереди
108.	За́тык			Затык, м. Карман, который образовывался, если один край понёвы заворачивали за другой
109.	Испо́дница			Исподница, ж. Нижняя женская одежда (юбка, рубашка).
110.	Кабат	кабат - теплая безрукавка; халат; душегрейка	кабат	Кабат, м. Верхняя часть сарафана; лиф.
111.	Кадь			Кадь, ж. Большая кадка.
112.	Ка́йстра	ка́йстра – сумка, котомка	ка́йстра	Кайстра, ж. 1. Мешок или сумка и их содержимое. 2.Ёмкость для хранения продуктов, жидкостей, керосина и т.д. и её содержимое.
113.	Калуне́р			Калунер, м. Ворот женской рубахи
114.	Канде́йка	канді́йка		Кандейка, ж. Небольшая глиняная или деревянная чашка с ручкой, использовалась для питья.
115.	Ка́нка		канка	Канка, ж. Посуда для хранения мёда, варенья.
116.	Капани́ца			Копаница ж. Орудие для прополки, тяпка
117.	Карда́бище			Кардабище, ж. Большая плетеная корзина
118.	Кача́лка			Качалка, ж. Валёк или круглый брусок, приводящий что-либо в движение
119.	Ка́шник	ка́шник,	ка́шник	Кашинк, м. Глиняный горшок, в котором варят кашу.
120.	Кашу́лка			Кашулка, ж. Плетеная корзина
121.	Квашо́нка			Квашонка, ж . Деревянная или глиняная посуда для замешивания теста, квашения или соления; квашня.
122.	Клепчи́на			Клепчина, ж. Тонкая дощечка, из которых составляется бочка, кадка и др. подобная деревянная посуда; клёпка.
123.	Кобы́ла	кобила	кобила – зоол. Кобыла	Кобыла, ж. Полудуга из кирпича, на которой крепится русская печь; свод печи.
124.	Ко́воротень			Коворотень, м. Инструмент для ручного сверления отверстий; коловорот.

125.	Кодо́л			Кодол, м. Цепь или канат, которым перетягивают стог.
126.	Колоту́шка		колотушка	Колотушка, ж. 1. Деревянный сосуд цилиндрической формы, в котором сбивали масло из сметаны; маслобойка. 2. Приспособление из дерева различной формы для сбивания масла.
127.	Ко́лышки			Колышки. Полотна понёвы
128.	Комено́к	коминок	коминок – камин	Коменок, м. Небольшой выступ в передней части печи, где обычно лежат спички и сушатся небольшие вещи. // печная труба, дымоход
129.	Коме́н	комен	комен	Комен, м. Печная труба, дымоход
130.	Комя́га			Комяга, ж. Выдолбленное из дерева большое корыто для кормления и поения скота.
131.	Коно́вка	коно́вка	коно́вка	Коновка, ж. Высокая деревянная или металлическая кружка; обычно с ручкой или крышкой.
132.	Ко́пик			Копик, м. Узкий деревянный сундук для хранения продуктов.
133.	Копы́стка			Копыстка, ж. Плоская деревянная ложка, лопатка или палочка для размешивания теста.
134.	Кора́ли	корали	корали	Корали, мн. Бусы.
135.	Коре́ц	карэц	коре́ць	Корец, м. Ковш для черпания воды, кваса и т.п.
136.	Коржо́к			Корожо́к, м. Серп.
137.	Ко́рница			Корница, ж. Корзина
138.	Коро́мысел			Коромысел, м. 1. Деревянная плоская дуга с выемками или крючками на концах для ношения вёдер или иных тяжестей на плечах; коромысло. 2. Длинный шест у колодца, служащий рычагом при подъёме воды. 3. деревянная палка, которая крепится к плугу/бороне и соединяется с гужами в упряжи лошади (чтобы избежать натирания боков животного во время работы
139.	Корсе́тка	корсетка	горсе́тка	Корсетка, ж. Приталенная жилетка-безрукавка
140.	Корчёвка			Корчёвка, ж. Орудие типа мотыги, которым корчевали пни
141.	Коря́вки			Корявки. Старые вещи, пришедшие в негодность, и тряпки.
142.	Ко́хта			Кохта, ж. Короткая женская одежда, кофта, блузка.
143.	Кош			рыболовная снасть

144.	Кошáра	кошара	кошара - загон или хлев для овец	Кошара, ж. Большая плетеная из лозы корзина без ручек; использовалась для переноса на спине различной клади.
145.	Красни́ца			Красница, ж. Женская красная рубаха
146.	Кремáк			Кремак, м. Обломленный, затупленный нож.
147.	Кры́га			Крыга, ж. Сеть для ловли рыбы.
148.	Кры́нка			Крынка и кринка, ж. Высокий глиняный сосуд с широким горлом для молока
149.	Кубáн		кубан	Кубан, м. Кувшин.
150.	Кубáток		кубаток	Кубаток, м. Нижняя часть кувшина.
151.	Кубло́	кубло	кубло – логово	Кубло, ср. Ящик для хранения продуктов
152.	Кумáч	кумач	кумач	Кумач м. Хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета
153.	Кухвáйка	кухвайка	кухвайка	Куфайка ж. Род женской куртки, коротайки, фуфайки
154.	Ку́хлик	ку́хлик – маленькая пивная кружка	ку́хлик	Кухлик, м. 1.Глиняный кувшин. 2. Кувшин с отбитым горлом.
155.	Лагу́н		лагун	Лагун, м. Деревянная посудина для жидкостей в виде бочонка; бидон.
156.	Лáзбень			Лазбень, м. Кадушка с крышкой для хранения пищевых продуктов, чаще сала.
157.	Лáстик	ластик	ластик	Ластик, м. Хлопчатобумажная ткань с блестящей лицевой стороной; сатин.
158.	Лáтка	латка	латка - глиняная пательня (сковорода), мисочка, риночка	Латка, ж. Деревянная, реже глиняная миска круглой формы
159.	Левонти́нка			Левонтинка, ж. Лёгкий платок.
160.	Лежáк	лежак	лежак	Лежак, м. Выступ у печки, на котором лежат и греются; лежанка.
161.	Литóвка	литовка	литовка	Литовка, ж. Коса с длинной прямой рукояткой.
162.	Лиф			Лиф, м. Верхняя часть женского платья, охватывающая грудь и спину.
163.	Лопáтнище			Лопатнище, ср. Черенок лопаты.
164.	Лопáточник			Лопаточник, м. Приспособление для правки кос.
165.	Лу́зик			Лузик, м. Деревянная ложка.

166.	Мамýра			Мамура, ж. Топор.
167.	Манáрка			Манарка, ж. Телогрейка.
168.	Мантáчка	мантачка	мантачка	Мантачка, ж. Узкая дощечка, наполовину покрытая с обе их сторон абразивным материалом; брусок для точения косы.
169.	Махóтка			Махотка, ж. Небольшой глиняный горшок для приготовления пищи.
170.	Махровáнка			Махрованка, ж. Платок, вышитый цветами, с махрами на концах
171.	Мáчка		мачка	Мачка, ж. Миска, в которую наливали воду для смачивания рук.
172.	Мемýшка			Мемушка, ж. Емкость
173.	Мешýлка			Мешулка, ж. Лопатка для замешивания.
174.	Мя́лка	мялка	мялка	Мялка, ж. Ручное устройство для очистки волокна льна, пеньки от стеблей.
175.	Набёрка			Набёрка, ж. Корзинка для сбора ягод, грибов, сплетенная из бересты.
176.	Набúрка			Набирка, ж. Корзина для сбора ягод или грибов, сплетённая из бересты.
177.	Набóжник		набожник	Набожник, м. Рушник, который вешают на иконы.
178.	Надвокóнник (и)			Надвоконники. Небольшие вышитые занавески вверху окна.
179.	Надёвка			Надёвка, ж. Одежда.
180.	Наподýшник			Наподушник, м. Накидка на подушки
181.	Надсóпух			Надсопух, м. Шест над печкой, на которой что – либо вешали.
182.	Надчелéстник			Надчелестник, м. Углубление, находящееся над устьем печи.
183.	Нáкид			Накид, м. Покрывало; ткань, служащая для покрытия чего – либо.
184.	Накрáйник			Накрайник, м. Горшок с отбитыми краями; брак в обжиге, когда образуется трещина на краю изделия.
185.	Накýтник			Накутник, м. Занавеска перед иконами
186.	Нóженцы			Ноженцы. Ножницы.
187.	Нóжни			Ножни. То же, что и ноженцы.
188.	Нямётка			Нямётка, ж. 1. Специальный кусок марли, через который процеживают молоко. 2. белый тканый платок

189.	Обе́дницы			Обедницы. Две-три небольшие глиняные посудины, соединенные между собой дужкой или боками, предназначенные для ношения обеда в поле.
190.	Обнаря́да			Обнаряда, ж. Праздничная одежда; наряд.
191.	Обно́вина			Обновина, ж. Новая одежда.
192.	Одёвка	одевка		Одёвка, ж. то же, что и одёжа.
193.	Одёжа	одежа	одежа	Одёжа, ж. Одежда.
194.	Оле́йница			Олейница, ж.-Емкость / бутыль для подсолнечного масла
195.	Па́рник	парник	парник	Парник, м. Котел для распаривания чего-либо
196.	Па́рники			Парники. Обедницы
197.	Паусёмистая			Паусёмистая, ж. Женская рубаха, расшитая по всему рукаву
198.	Пеко́лок			Пеколок, м. Боковой выступ на печи.
199.	Перева́нька			Перевенька, ж. Бочка.
200.	Печу́рка	пічурка		Печурка, ж. Небольшое углубление в боковой стене печи для сушки мелких вещей (носков, варежек и т.п.).
201.	Пи́нка			Пинка, ж. Булавка.
202.	Плехо́тка			Плехотка, ж. Плетеная корзина
203.	Плюшка			Плюшка, ж. Короткая женская утеплённая одежда, шитая из ткани с мягким ворсом на лицевой стороне – плюша.
204.	Плетёночки			Плетёночки. Плетёное украшение (на горле) из бисера, ленточек
205.	Пля́шка	Пляшка – бутылка, фляга, фляжка	пляшка – стеклянный сосуд для жидкости	Пляшка, ж. Бутылка.
206.	Пово́йник	повойник	повойник	Повойник, м. 1. Старинный головной убор русских крестьянок платок, обвязанный вокруг уже покрытой головы. 2. Старинный русский головной убор замужней женщины в виде лёгкой мягкой шапочки, поверх к-рой обычно надевали парадный головной убор.
207.	Подбо́жник			Подбожник, м. Рушник на божницу или под икону.
208.	Подзагне́т			Подзагнет, м. Полка под загнетом русской печи.
209.	Подпе́ечье			Подпечье, ср. Узкое пространство под русской печью.

210.	Понёва	панёва	Поня́ва - женская юбка особого покроя, сшитая из трёх полотнищ шерстяной, обычно клетчатой яркой (черно-красной, сине-красной) ткани	Понёва, ж. Длинное клетчатое подобие юбки: шерстяная набедренная женская одежда, клетчатое полотно, которое надевается сверху на рубаху и закрывает нижнюю часть тела
211.	По́лик	полик	полик	Полик, м. Настил из досок между печкой и стеной, используемый для сна.
212.	Поплине́тка			Поплинетка, ж. Цветастый головной платок.
213.	Попо́нка			Попонка, ж. Тканое полотно из кусков, используемое как простыня, покрывало, даже платок.
214.	Посто́вка	поставка	поставка	Постовка, ж. 1. Нижняя часть женской рубахи 2. Длинная женская сорочка (раньше её нижняя часть делалась из посконного холста).
215.	Пости́лка	постiлка	постилка	Постилка, ж. То, что постилают, подстилка, домотканое изделие.
216.	Поце́пка			Поцепка, ж. Веревка с крюком
217.	Почёпка			Почёпка, ж. Верёвка для подвески и качания детской колыбели.
218.	Пра́льник	пральник	пральник	Пральник, м. Плоский деревянный брусок с ручкой для выколачивания белья при полоскании; валёк.
219.	При́конец			Приконец, м. Наконечник кнута.
220.	Пришпи́лька		пришпилька	Пришпилька, ж. Булавка, шпилька.
221.	Про́совень			Просовень, м. Металлический стержень для закрывания ставней.
222.	Про́торга		проторг	Проторга, ж. Игла для пошива.
223.	Прутки́			Прутки. Вязальные спицы.
224.	Разго́нка	розгонка	розгонка	Разгонка, ж. Соха для окучивания картофеля.
225.	Распа́шка			Распашка, ж. Плуг для окучивания картофеля.
226.	Рато́вье			Ратовье, ср. Ручка для лопаты.
227.	Руба́ха			Рубаха ж. сорочка, одежда из числа белья, надеваемая под низ, на тело.

228.	Ру́бель		рубель	Рубель, м. Приспособление в виде деревянного удлинённого валька с поперечными неглубокими вырезами (желобками), с нижней стороны; вместо со скалкой служит для катания (глажения) белья.
229.	Ря́бые			Рябые. Пёстрые, крапчатые, пятнастые женские рубахи; 2. ря́бые - пёстрые, крапчатые женские платки
230.	Ря́жка	ряжка	Ряжка - небольшой деревянный или металлический сосуд с ручками предпочтительно для мытья в бане	Ряжка, ж. Низкая деревянная посуда с двумя деревянными ручками и корыто для кормления скота, свиней
231.	Ря́сье			Рясье, ср. Лохмотья, старые, изношенные вещи.
232.	Ря́шка			Ряшка, ж. 1. Деревянный сосуд с ушками, служащий для различных хозяйственных надобностей. 2. груб. Лицо.
233.	Са́льник	сальник	сальник	Сальник, м. Деревянная посуда (бочка, кадка, ящик) для хранения солёного сала.
234.	Сая́н			Саян, ж. Род сарафана, высокой юбки с помочами
235.	Сви́тка	свитка верхняя, широкая, долгая одежда вообще	Свитка верхняя, широкая, долгая одежда вообще	Свитка, ж. Верхняя приталенная недлинная одежда
236.	Сева́лка	сівалка		Севалка, ж. Лукошко или небольшая корзина продолговатой формы для ручного сева; изготовлялись из лубка, соломы или прутьев.
237.	Севни́ца			Севница, ж. Лукошко или небольшая корзина продолговатой формы для ручного сева; изготовлялись из лубка, соломы или прутьев.

238.	Севня́			Севня, ж. Лукошко или небольшая корзина продолговатой формы для ручного сева; изготовлялись из лубка, соломы или прутьев.
239.	Секи́ра			Секира, ж. Топор
240.	Семиру́чка			Семиручка, ж. Маленькая коса.
241.	Серпоре́зка			Серпорезка, ж. Приспособление для измельчения соломы.
242.	Скля́нка	склянка	Склянка - сосуд для питья, стакан	Склянка, ж. Стеклянный сосуд; банка.
243.	Ско́пичь		скопич	Скопич, м. Приспособление для сбрасывания или разбрасывания навоза.
244.	Скребни́ца	скребни́ця	скребни́ця	Скребница, ж. Орудие или подручная вещь для скребу, скребенья, скобленья и чистки чего - либо
245.	Скрежа́к			Скрежак, м. Острая лопатка для соскабливания, счистки чего – либо; скребок.
246.	Скр я́бка			Скрябка, ж. То же, что и скребница.
247.	Смертёльная			Смертёльная, ж. Женская рубаха, часть погребального костюма
248.	Соко́лка			Соколка, ж. 1. Майка.
249.	Со́льница			Сольница, ж. Небольшой сосуд для соли; солонка.
250.	Спо́дка			Сподка, ж. (чаще мн. сподки′). Рукавица; варежка.
251.	Спо́дница			Сподница, ж. Нижняя женская одежда (юбка, рубашка).
252.	Сто́пец			Стопец, м. Небольшой стаканчик; стопка и её содержимое
253.	Сува́к			Сувак, м. Носовой платок.
254.	Суде́нце	суденце	суденце	Суденце, ср. Деревянная посуда круглой или овальной формы для различных надобностей; лохань.
255.	Судёнце			Судёнце, ср. Деревянная посуда круглой или овальной формы для различных надобностей; лохань.
256.	Суди́нка	судинка	судинка	Судинка, ж Небольшая глиняная посуда.
257.	Судно́	судно	судно	Судно, ср. 1. Любая посудина. 2. Улей.
258.	Сце́льница			Сцельница, ж. Тонкая женская рубаха прямого покроя (с вышивкой) из 2-3 цельных льняных полотен.

259.	То́рница			Торница, ж. Плетенная из лозы корзина или лукошко.
260.	Трехво́стка			Трехвостка, ж. 1.Жилетка. 2. юбка с тремя оборками
261.	Тя́жки			Тяжки, мн. часть у́пряжи, сбруи, всего ременного прибора для впрягания упряжной скотины
262.	Ува́зка	ува́зка	ува́зка	Увязка, ж. Верёвка для закрепления груза.
263.	Умя́лица			Умялица, ж. Орудие труда, которым мяли лён; мялица.
264.	Уры́льник			Урыльник, м. Корыто для корма животных.
265.	Утира́льник			Утиральник, м. 1. Полотенце. 2. Носовой платок.
266.	Ути́рич			Утирич, м. Полотенце.
267.	Ути́рка		утирка	Утирка, ж. Тряпочка для вытирания рук.
268.	Ушкова́нка			Ушкованка, ж. Глиняная махоточка с одним ушком, предназначенная для варки каши детям.
269.	Хаты́ль			Хатыль, м. 1. Сумка или котомка и сложенные в них вещи.
270.	Хру́нье			Хрунье, ср. Старая, изношенная одежда.
271.	Ху́ста	хуста – большой платок, шаль	хуста	Хуста, ж. Платок; шаль; косынка.
272.	Цапо́вка			Цаповка, ж. Небольшая мотыга для рыхления почвы и выпалывания сорняков.
273.	Це́льница			Цельница, ж. Женская рубаха из 2-3 целых льняных полотен
274.	Цо́пух			Цопух, м. Перекладина над печкой.
275.	Чи́рики	чарави́к	череви́ки мн. (ед. черевик, -а; м.). На Украине и в южных областях России: женские сапоги на каблуках; вообще женские башмаки.	Чирики. 1. Обувь, сшитая из одного куска кожи. 2. Обувь с невысоким голенищем
276.	Чапела́			Чапела, ж. Сковородник.
277.	Ча́пельник			Чапельник, м. Сковородник.

278.	Чека́н	чекан	чекан	Чекан, м. Топор
279.	Чеко́лда			Чеколда, ж. Щеколда.
280.	Челе́сник			Челесник, м. Ниша в углу печи, где обычно лежат спички, мыло и др. мелкие предметы.
281.	Челе́сня			Челесня, ж. Ниша в углу печи, где обычно лежат спички, мыло и др. мелкие предметы
282.	Чело́			Чело, ср. Передняя часть, наружное отверстие русской печи
283.	Чере́нь			Черень, ж. Лежанка на русской печи.
284.	Че́хлик			Чехлик, м. 1.Вышитая приталенная женская блузка.2. верхняя часть женской рубахи
285.	Шандо́ра			Шандора, ж. Шерстяная недлинная юбка
286.	Шестиру́чка			Шестиручка, ж. Коса с лезвием длиной в шесть четвертей.
287.	Ши́рма	ширма	ширма	Ширма, ж. Занавеска, полотнище из ткани для занавешивания чего-нибудь
288.	Шка́лик	шкалик	шкалик	Шкалик, м. Небольшой стеклянный сосуд, стопка

Приложение 2.

Фото 1. Свитка, пояс. На заднем плане – различные рубахи.
Коллекция А.А. Беласа. г. Новозыбков. Брянская область. Россия.

Фото 2. Махрованка и свитка. Коллекция А.А. Беласа.
г. Новозыбков. Брянская область. Россия.

Фото 3. Платок – хустка. Коллекция А.А. Беласа.
г. Новозыбков. Брянская область. Россия.

Фото 4. Платок – хустка. Музей г. Ветки. Беларусь.

Фото 5. Панёва. Карман – затык – формируется затыканием одной полы понёвы. Коллекция А.А. Беласа. г. Новозыбков Брянская область. Россия.

Фото 6. Панёва. Музей г. Ветки. Беларусь.

Фото 7. Рубаха-сцельница. Музей г. Ветки. Беларусь

Фото 8. Повсёмистые рубахи, на заднем плане – панёвы.
Музей г. Ветки. Беларусь.

Фото 9. Рушники. д. Рудня-Воробьёвка.
Гордеевский район. Брянская область. Россия.

Фото 10. Рушники. д. Рудня-Воробьёвка.
Гордеевский район. Брянская область. Россия.

Фото 11. Рушники. д. Рудня-Воробьёвка.
Гордеевский район. Брянская область. Россия.

Фото 12. Рушники. д. Рудня-Воробьёвка.
Гордеевский район. Брянская область.

Фото 13-16. Рушники. Музей г. Ветки. Беларусь.

Фото 13.

Фото 14.

Фото 15.

Фото 16.

Приложение 3.

Историческая справка

Регион современного Российско-Белорусско-Украинского пограничья занимает южную половину Днепровско-Деснинского междуречья в пределах юго-западной части Брянской обл. РФ, северо-запада Черниговской обл. Украины и восточной части Гомельской обл. Беларуси. Территория Пограничья насчитывает около 60 тыс. км и превосходит по площади Албанию и Бельгию вместе взятые. История распорядилась так, что именно здесь встретились, переплелись и разграничились три ветви восточных славян: русские, украинцы и белорусы. В XIV-XVI вв. древнерусская народность, бывшая колыбелью трёх родственных народов, распалась. В Среднем Полнепровъе, на «украйне» («окраине») Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) началось образование украинского (малорусского) народа, а севернее, в междуречье Припяти и Западной Двины, – белорусского. В то же время на северных и северо-восточных древнерусских землях формировался русский (великорусский) народ.

В XVIII столетии большая часть территории пограничья (кроме северо-восточной окраины с Брянском и Трубчевском, входившими в состав Брянского и Трубчевского уездов Севской провинции, и волостей Гомельского повета на левом берегу Днепра, находившихся под юрисдикцией Речи Посполитой) в административном отношении входила в Стародубский и Черниговский полки так называемой «Гетманщины» (Левобережной Украины). После упразднения гетманского управления и ликвидации полковой системы была учреждена малороссийская коллегия, просуществовавшая до 1781 г. В этом году Пограничье вошло в состав Новгород-Северского наместничества, делившегося на уезды – поветы.

Восточная Гомельщина была присоединена к России после первого раздела Польши в 1772 г.

Население пограничья в XVIII – нач. XXв. было полиэтничным. В конце XVIII в. на юго-западе брянского уезда проживал только 1% украинцев (остальные были русские), на востоке Трубчевского — 16% украинцев (остальные русские). В Суражском уезде в середине XIX в. свыше 60% населения составляли белорусы; в Стародубском, Мглинском, Новозыбковском, Черниговском и Новгород-Северском уездах украинцы составляли около 60% населения, а в состав остальных 40% входили: белорусы – 18%, русские – 20% и евреи – 2% населения. В Новозыбковском уезде проживало около 33% русских от всего населения. В 1872 г. на Всемирном статистическом конгрессе в Петербурге было принято решение определять национальность человека на основе его личного самоопределения. Правильность такого подхода подтверждается и современными специалистами в области этнической географии. Национальность должна определяться не «по крови», что означает – не по происхождению, а по самоопределению.

Вследствие данного положения этнический состав населения Пограничья в начале XX в. определить весьма непросто, так как многие его представители ещё не осознали себя, не соотнесли с определённой национальностью. «Так, например, известный исследователь Черниговской губернии Л. Русов писал, что «местные интеллигентные люди и простой народ Суражского уезда на вопрос, какого они племени, давали один ответ; суражец – ни украинец, ни белорус, ни русский, а просто перевертень – и больше ничего...» Но исторические события 1917-1920-х гг. способствовали революционному и национальному пробуждению населения региона. В период революции вопрос о границах и суверенитете Украины и Белоруссии находился в неопределённом состоянии. 11-12 декабря 1917 г. Первый Украинский съезд Советов объявил о создании Украинской Советской

Республики как федеративной части Советской России. 15 декабря 1917 г. Белорусская Рада, а 22 января 1918 г. Украинская Центральная Рада провозгласили независимость Белоруссии и Украины от России. 30 декабря 1918 г. – 1 января 1919 г. была образована Белорусская Советская Республика, присоединившаяся к федерации Советской России и Украины.

В начале марта 1924 г. значительная часть территории Гомельщины отошла к БССР, но как самостоятельная единица она сохранилась в составе РСФСР и состояла из 5 уездов: Гомельского, Речицкого, Новозыбковского, Стародубского и Клинцовского (образованного из бывшего Суражского и трети бывшего Мглинского уездов).

Постановлением от 6 декабря 1926 г. Президиум ЦИК РСФСР юридически закрепил присоединение Гомельского и Речицкого уездов, ликвидацию Гомельской губернии и включение Новозыбковского, Стародубского и Клинцовского уездов в состав Брянской губернии. Таким образом, сформировались границы между тремя восточнославянскими республиками в составе СССР, ставшие 8 декабря 1991 г. межгосударственными.

Поляков Г.П. *Русско – украинско – белорусское пограничье в этнотерриториальной истории Восточной Европы в XVII – XX вв. // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции "История и археология Подесенья", посвящённой памяти Ф.М. Заверняева / ред. Е.И. Прокофьев. – 2004. – Вып.3 – Режим доступа: свободный. – URL: https://libryansk.ru/russko--ukrainsko--belorusskoe-pogranichе-v-etnoterritorialnoj-istorii-vostochnoj-evropy-v-xvii--xx-vv.22640/ – (Дата обращения: 18.04.2020). – Текст: электронный.*

Гордеевский район.

Гордеевский район был образован в 1929 году и первоначально входил в Клинцовский округ Западной области, а с 1937 года — в новообразованную Орловскую область.

5 июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Брянская область, в состав которой, наряду с другими, был включен и Гордеевский район. В период с 1963 по 1985 год район был временно упразднён, а его территория была разделена между Клинцовским и Красногорским районами. Восстановлен 15 августа 1985 года.

Злынковский район.

Почти вся территория нынешнего Злынковского района до 1919 года входила в Новозыбковский уезд Черниговской губернии, а в 1919 году была передана в состав Гомельской губернии РСФСР. В 1926 году, в связи с расформированием Гомельской губернии, вошла в состав Брянской губернии.

В 1929 году, с введением нового административного деления, губернии и уезды были ликвидированы. Территория современного Злынковского района вошла в Новозыбковский район, который первоначально включён в Клинцовский округ Западной области с центром в г. Смоленске. В 1937—1944 годах он входил в Орловскую область. В 1939 году был образован Злынковский район.

Климовский район.

С 11 июня 1919 года по 6 декабря 1926 года территория района относилась к Новозыбковскому району Гомельской губернии. С 1 октября 1929 по 27 сентября 1937г. – к Западной области Клинцовского округа. С этого времени Климов становится районным центром. Чуровичская зона в него не входила. С 27 сентября 1937 по 5 июня 1944 г. – находится в составе Орловской области как самостоятельный район.

С 5 июня 1944 года по настоящее время – к Брянской области. В 1956 году была присоединена Чуровичская зона. С 1 февраля 1963 по 12 января 1965 года – к Новозыбковскому району. С 12 февраля 1965 года вновь образован Климовский район в прежних пределах.

Красногорский район.

С начала XIX века до октября 1917 года Попова Гора (Красная Гора) входила в состав Суражского уезда Черниговской губернии. 18 февраля 1918 года собрался съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов четырех северных уездов Черниговской губернии – Суражского, Мглинского, Новозыбковского и Стародубского, съезд принял решение о присоединении этих четырех уездов Черниговщины к РСФСР.

В апреле 1919 года была образована Гомельская губерния, в состав которой вошел и Суражский уезд со всеми волостями, в том числе и Поповогородской. 1-й Гомельский губернский съезд Советов высказался за оставление губернии в составе РСФСР. 11 июля 1919 года это решение было утверждено Наркоматом внутренних дел РСФСР. Таким образом, Попова Гора вошла в состав Российской Федерации.

С осени 1921 года Поповогородская волость вошла в состав вновь организованного Клинцовского уезда Гомельской губернии.

В октябре 1922 года Попова Гора была переименована в Красную Гору. 16 июня 1929 года состоялся 1 Красногорский районный съезд Советов, оформивший создание Красногорского района Западной области.

5 июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Брянская область, в состав которой, наряду с другими, был включен и Красногорский район. В период реформ 1963—1966

годов район был временно упразднён, а его территория относилась к Клинцовскому району.

Новозыбковский район.

Территория нынешнего Новозыбковского района до 1919 года входила в Новозыбковский уезд Черниговской губернии, а в 1919 году была передана в состав Гомельской губернии РСФСР. В 1926 году, в связи с расформированием Гомельской губернии, вошла в состав Брянской губернии.

В 1929 году, с введением нового административного деления, губернии и уезды были ликвидированы. Был образован Новозыбковский район, который первоначально вошёл в Клинцовский округ Западной области с центром в г. Смоленске. В 1937 – 1944 годах Новозыбковский район входил в Орловскую область.

5 июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образова Брянская область, в состав которой, наряду с другими, был включен и Новозыбковский район.

Исторические сведения о пограничных районах юго-запада Брянщины основаны на следующих данных: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D1%8B%D0%B1%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD; https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD; https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD_(%D0%91%D1%80%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C); https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%BB%D1%8B%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD; https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD.

Приложение 4.

Диалектологическая карта 1965 года.